eISSN 2782-6414

Сетевой научный журнал

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

Research in Economic and Financial Problems

№ 3 | 2025

СТАВРОПОЛЬСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ АГРАРНОМУ УНИВЕРСИТЕТУ – 95 ЛЕТ!

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

«95 лет исследуем, вдохновляем и создаем» – с этим девизом Ставропольский государственный аграрный университет продолжает свою работу и участие в развитии агропромышленного комплекса в соответствии с задачами федерального центра и региона.

За почти вековую историю Ставропольский ГАУ прошел большой путь, став одним из ведущих центров аграрной науки, образования и инноваций в России. Сегодня университет находится в мощной фазе своего развития с точки зрения организации и проведения научных исследований, образования, инфраструктуры, создания условий для ученых и молодежи.

История и будущее университета – это, прежде всего, его люди: преподаватели, научные работники, сотрудники и ветераны, студенты, слушатели, аспиранты и выпускники. Многие из них уже внесли свой вклад, а другие продолжают писать яркие строки в общую книгу истории становления и развития альма-матер. Именно труды этих талантливых исследователей, как и работы наших коллег из ведущих научных центров, регулярно находят свое отражение на страницах нашего журнала, делая его важнейшей площадкой для профессионального диалога и обмена знаниями.

Перед тем как журнал «Исследование проблем экономики и финансов» увидит свет, происходит интенсивная и детальная работа всей команды: от редакторов до членов редакционного совета и независимых экспертов-рецензентов. Это – важная и ответственная работа.

Желаем журналу «Исследование проблем экономики и финансов», его команде, рецензентам, авторам и читателям дальнейшего процветания, неизменно высоких научных стандартов и обеспечения вклада в технологическое лидерство агропромышленного комплекса. Пусть издание и впредь остается востребованной площадкой для обмена научными идеями и результатами прорывных исследований.

С уважением,
В. Н. Ситников,
ректор Ставропольского государственного аграрного университета

ON THE 95TH ANNIVERSARY OF STAVROPOL STATE AGRARIAN UNIVERSITY

DEAR COLLEAGUES!

Guided by the motto, «95 Years: Researching, Inspiring, and Innovating», Stavropol State Agrarian University continues to fulfil its mission and contribute to the advancement of the agricultural sector, aligning with the strategic objectives set forth by both the federal and regional authorities.

Throughout its near-century of history, Stavropol State Agrarian University has traversed a remarkable path, evolving into one of Russia's preeminent centers for agricultural science, education, and innovation. The university is currently experiencing a period of dynamic growth, characterized by significant advancements in the organization and execution of scientific research, educational programs, infrastructure, and the cultivation of an environment conducive to the work of our scholars and the development of our youth.

The legacy and the future of the university are embodied above all in its people: our faculty, researchers, administrative staff, veterans, students, trainees, postgraduates, and esteemed alumni. While many have already inscribed their indelible contributions, others are now composing brilliant new passages in the ongoing narrative of our alma mater's evolution. The scholarly endeavors of these talented investigators, alongside the work of our colleagues from leading scientific centers, are consistently reflected within the pages of our journal, cementing its role as a premier forum for professional discourse and the exchange of knowledge.

Prior to the publication of each issue of «Research in Economic and Financial Problems», a rigorous and meticulous process is undertaken by our entire team—from the editors to the editorial board members and our independent peer reviewers. This constitutes a duty of critical importance and profound responsibility.

It is our sincerest wish that «Research in Economic and Financial Problems», along with its team, reviewers, authors, and readership, continues to flourish. May it uphold the highest scientific standards and further its vital contribution to the technological leadership of the agricultural sector. We are confident that the journal will remain an indispensable venue for the dissemination of scientific ideas and the fruits of transformative research.

With respect,
Vladimir Sitnikov
Rector of Stavropol State Agrarian University

eISSN 2782-6414

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

№ 3 | 2025

Периодичность издания — 4 номера в год

Выпуск опубликован 30.09.2025

RESEARCH IN ECONOMIC AND FINANCIAL PROBLEMS

No 3 | 2025

Frequency: Quarterly

This issue was published on 30.09.2025

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО Ставропольский государственный аграрный университет

FOUNDER:

Stavropol State Agrarian University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бобрышев Алексей Николаевич
главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита, проректор по научной работе и стратегическому развитию, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0001-5039-507X (Ставрополь, Россия)

Костюкова Елена Ивановна
заместитель главного редактора, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и аудита, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0003-0626-7462 (Ставрополь, Россия)

Кусакина Ольга Николаевна
заместитель главного редактора, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и правового регулирования экономики, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0002-3126-6413 (Ставрополь, Россия)

Фролов Александр Витальевич
выпускающий редактор, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID:0000-0003-3535-2957 (Ставрополь, Россия)

Павленко Ирина Геннадьевна
технический редактор, кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела Научно-инновационного учебного центра и трансфера технологий, доцент кафедры туризма и сервиса, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0001-6783-6273 (Ставрополь, Россия)

Самойленко Ирина Владимировна
ответственный секретарь, кандидат технических наук, доцент, Ставропольский государственный аграрный университет
ORCID: 0000-0001-6907-1403 (Ставрополь, Россия)

EDITORIAL TEAM:

Aleksei N. Bobryshev
Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Econ.), Professor of Accounting and Auditing Department, Vice-Rector for Research and Strategic Development Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0001-5039-507X (Stavropol, Russia)

Elena I. Kostyukova
Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Accounting and Auditing Department, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0003-0626-7462 (Stavropol, Russia)

Olga N. Kusakina
Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department of Economic Theory and Economics Legal Regulation, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0002-3126-6413 (Stavropol, Russia)

Aleksandr V. Frolov
Publishing Editor, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Accounting and Auditing Department, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0003-3535-2957 (Stavropol, Russia)

Irina G. Pavlenko
Technical Editor, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Scientific and Innovative Training Center and Technology Transfer, Associate Professor of the Department of Tourism and Service, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0001-6783-6273 (Stavropol, Russia)

Irina V. Samoylenko
Executive Editor, Cand. Sci. (Engr.), Associate Professor, Stavropol State Agrarian University
ORCID: 0000-0001-6907-1403 (Stavropol, Russia)

Адрес: 355017, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, 12
Тел.: 8 (906) 479-05-79
Эл. почта: refp@stgau.ru
Официальный сайт учредителя: www.stgau.ru
Официальный сайт редакции: www.refp-stgau.ru

Address: 355017, Stavropol, Zootechnical Lane, 12
Tel.: 8 (906) 479-05-79
E-mail: refp@stgau.ru
Founder website: www.stgau.ru
Journal website: www.refp-stgau.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-81185 от 2 июня 2021 г.

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Media. The Mass Media Registration Certificate PI № FS77-81185 dated June 02, 2021.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИКИ И ФИНАНСОВ

Научный рецензируемый журнал

Рецензируемый журнал открытого доступа **«Исследование проблем экономики и финансов»** публикует оригинальные исследовательские и обзорные статьи, отражающие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области экономики и финансов.

Целью журнала является обобщение научных и практических достижений российских и зарубежных ученых по следующим направлениям: региональная экономика, экономика сельского хозяйства и АПК, бухгалтерский учет, аудит и экономическая статистика, экономическая безопасность, менеджмент, финансы и экономика сферы услуг.

Задачами журнала являются:

- освещение новейших результатов и передового опыта научно-практической деятельности в разных областях экономики;
- создание единой научной площадки для укрепления научных коммуникаций и связей между учеными;
- повышение доступности результатов научных работ молодых ученых и аспирантов.

Является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и Agricultural Research Information System (AGRIS).

Зарегистрирован в перечне Высшей Аттестационной комиссии рецензируемых научных изданий (Категория 3).

Индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

REFP

RESEARCH IN ECONOMIC AND FINANCIAL PROBLEMS

Peer-Reviewed Scientific Journal

Peer-reviewed journal **Research in Economic and Financial Problems** publishes original research articles and reviews reflecting the results of fundamental and applied research in the field of economics and finance.

The journal aims to synthesize scientific and practical achievements of scholars across the following key areas: regional economics, agricultural and agribusiness economics, accounting, audit and economic statistics, economic security, management, finance and service sector economics.

Journal tasks:

- coverage of the latest results and best practices of scientific and practical activities in various fields of economics.
- establishment of a unified scientific platform for enhancing academic communications and connections among legal scholars.
- increasing the accessibility of research results by young scientists and postgraduate students.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), Agricultural Research Information System (AGRIS).

The journal is registered in the list of the Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications (Category 3).

Indexed and archived in the Russian Index Science Citation.

The materials are available under license Creative Commons «Attribution» 4.0 International

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абрахам Уору Борку — PhD, Факультет географии и экологических исследований, Университет Дебарк, ORCID: 0000-0001-5725-2258 (Дебарк, Эфиопия)

Агаркова Любовь Васильевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-6529-1959 (Ставрополь, Российская Федерация)

Ахмад Азам Сулейман — PhD, Кафедра Шариата и экономики, Академия исламских исследований, Малайский университет, ORCID: 0000-0002-5822-749X (Куала-Лумпур, Малайзия)

Байдаков Андрей Николаевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и устойчивого развития, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0003-3135-957X (Ставрополь, Российская Федерация)

Барыкин Сергей Евгеньевич — доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы сервиса и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ORCID: 0000-0002-9048-009X (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Белкина Елена Николаевна — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, ORCID: 0000-0003-3334-6844 (Краснодар, Российская Федерация)

Вахрушина Мария Арамовна — доктор экономических наук, профессор кафедры бизнес-аналитики факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ORCID: 0000-0003-3896-5345 (Москва, Российская Федерация)

Винничек Любовь Борисовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой организации аграрного производства и менеджмента, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-6127-7201 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Герасимов Алексей Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической безопасности, бизнес-анализа и статистики, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-1244-4755 (Ставрополь, Российская Федерация)

Громов Евгений Иванович — доктор экономических наук, профессор, проректор по учебно-воспитательной работе и цифровой трансформации, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0001-5921-6752 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Дышловой Игорь Николаевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом Института экономики и управления, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, ORCID: 0000-0002-6215-0771 (Симферополь, Российская Федерация)

Ерохин Василий Леонидович — PhD в экономике, доцент школы экономики и менеджмента, Харбинский инженерный университет, ORCID: 0000-0002-3745-5469 (Харбин, Китай)

Жан Василь Андрэ — PhD, профессор, член Комиссии по экономическим наукам и управлению бизнесом, Национальный совет по аттестации университетских степеней, дипломов и сертификатов Министерства образования и исследований (CNATDCU), Нефтегазовый университет, ORCID: 0000-0002-8332-6537 (Плоешти, Румыния)

Джонек Шубик — PhD в экономике, Сербская ассоциация агроэкономики (SAAE), Европейская сеть развития сельских районов (ERDN), Исследовательская сеть по экономике ресурсов и ассоциации биоэкономики (RebResNet), Институт экономики сельского хозяйства, ORCID: 0000-0003-1342-1325, (Белград, Сербия)

Закшевская Елена Васильевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления и маркетинга в АПК, Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра I, ORCID: 0000-0002-2276-1631 (Воронеж, Российская Федерация)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Зенченко Светлана Вячеславовна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита, заместитель директора института экономики и управления по международной деятельности Северо-Кавказского федерального университета, ORCID: 0000-0003-0850-5305 (Ставрополь, Российская Федерация)

Иволга Анна Григорьевна — кандидат экономических наук, заведующая кафедрой международного бизнеса и туризма, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0001-5428-609X (Ставрополь, Российская Федерация)

Киселева Наталья Николаевна — доктор экономических наук, заместитель директора Северо-Кавказского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры государственного муниципального управления и права, ORCID: 0000-0002-5718-4643 (Пятигорск, Российская Федерация)

Коробейникова Лариса Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, проректор по экономике и контрактной службе, заведующая кафедрой экономического анализа и аудита, Воронежский государственный университет, ORCID: 0000-0001-6422-6701 (Воронеж, Российская Федерация)

Майкл Кристиан — PhD, Университет Бунда Мулия, ORCID: 0000-0001-8892-5400 (Северная Джакарта, Индонезия)

Кулагина Наталья Александровна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансовый учет и контроль», Институт кибербезопасности и цифровых технологий, РТУ-МИРЭА, ORCID: 0000-0002-7303-6923 (Москва, Российская Федерация)

Кунин Владимир Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры международных финансов и бухгалтерского учета, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, ORCID: 0000-0002-6296-4978 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лещева Марина Генриховна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры агроэкономики и маркетинга, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-7158-6227 (Ставрополь, Российская Федерация)

Любушин Николай Петрович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и аудита, Воронежский государственный университет, ORCID: 0000-0002-4493-2278 (Воронеж, Российская Федерация)

Марко Йолочник — PhD в агроэкономике, Институт экономики сельского хозяйства, ORCID: 0000-0003-4875-1789 (Белград, Сербия)

Назаренко Антон Владимирович — доктор экономических наук, декан факультета экономики и управления, Московский политехнический университет, ORCID: 0000-0002-3726-5761 (Москва, Российская Федерация)

Нехайчук Дмитрий Валерьевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, туризма и гостиничного бизнеса, заместитель директора по научной работе, Севастопольский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, ORCID: 0000-0002-1915-6393 (Севастополь, Российская Федерация)

Панков Дмитрий Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, ORCID: 0000-0003-2898-7225 (Минск, Республика Беларусь)

Парушина Наталья Валерьевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и экономической безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), ORCID: 0000-0003-0544-1094 (Орел, Российская Федерация)

Плотников Владимир Александрович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ORCID: 0000-0002-3784-6195 (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Прока Нина Ивановна — доктор экономических наук, декан экономического факультета, профессор кафедры экономики и менеджмента в АПК, Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина, ORCID: 0000-0001-9906-1572 (Орел, Российская Федерация)

Рини Гиланг Пуспита — PhD, Факультет Экономики и Бизнеса, Университет Муриа Кудус, ORCID: 0000-0002-3843-6059 (Кудус, Индонезия)

Руденко Марина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательства и экономической безопасности, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ORCID: 0000-0001-9377-589X (Пермь, Российская Федерация)

Рудой Евгений Владимирович — доктор экономических наук, профессор, ректор Новосибирского государственного аграрного университета, член-корреспондент Российской академии наук, ORCID: 0000-0003-3311-9991 (Новосибирск, Российская Федерация)

Сацук Татьяна Павловна — доктор экономических наук, профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, ORCID: 0000-0001-5010-202X (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Скляров Игорь Юрьевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита, член экспертного совета ВАК Минобрнауки Российской Федерации по экономическим наукам, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0003-3712-4544 (Ставрополь, Российская Федерация)

Склярова Юлия Михайловна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: 0000-0002-6192-3189 (Ставрополь, Российская Федерация)

Скоробогатова Татьяна Николаевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента предпринимательской деятельности, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, ORCID: 0000-0002-3493-4480 (Симферополь, Российская Федерация)

Хоружий Людмила Ивановна — доктор экономических наук, профессор, председатель Совета по стандартам бухгалтерского учета Министерства финансов Российской Федерации, президент Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, директор Института экономики и управления АПК Российского государственного аграрного университета – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева, ORCID: 0000-0003-3061-1374 (Москва, Российская Федерация)

Чайковская Любовь Александровна — доктор экономических наук, профессор базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, ORCID: 0000-0002-1292-402X (Москва, Российская Федерация)

Шумакова Оксана Викторовна — доктор экономических наук, ректор Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, профессор кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля, ORCID: 0000-0003-3647-4497 (Омск, Российская Федерация)

Щербатюк Светлана Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета бухгалтерского учета, Гродненский государственный аграрный университет, ORCID:0000-0001-8814-5367 (Гродно, Республика Беларусь)

EDITORIAL BOARD

Abraham Woru Borku
PhD, Department of Geography and Environmental Studies, Debark University,
ORCID: 0000-0001-5725-2258 (Debark, Ethiopia)

Lyubov V. Agarkova
Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Finance and Credit,
Stavropol State Agrarian University,
ORCID: 0000-0002-6529-1959 (Stavropol, Russian Federation)

Ahmad Azam Sulaiman
PhD (Econ.), Department of Syariah and Economics,
Academy of Islamic Studies, Universiti Malaya,
ORCID: 0000-0002-5822-749X (Kuala Lumpur, Malaysia)

Andrey N. Baidakov
Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management and Sustainable Development,
Stavropol State Agrarian University,
ORCID: 0000-0003-3135-957X (Stavropol, Russian Federation)

Sergey E. Barykin
Dr. Sci. (Econ.), Professor, Graduate School of Service and Trade,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
ORCID: 0000-0002-9048-009X (Saint Petersburg, Russian Federation)

Elena N. Belkina
Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of State and
Municipal Administration, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
ORCID: 0000-0003-3334-6844 (Krasnodar, Russian Federation)

Michael Christian
PhD, Bunda Mulia University,
ORCID: 0000-0001-8892-5400 (North Jakarta, Indonesia)

Maria A. Vakhrushina
Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Business Intelligence Department
of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
ORCID: 0000-0003-3896-5345 (Moscow, Russian Federation)

Lyubov B. Vinnichek
Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Agricultural Production
and Management Organization , Saint-Petersburg State Agrarian University,
ORCID: 0000-0002-6127-7201 (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexey N. Gerasimov
Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Security,
Statistics and Econometrics, Stavropol State Agrarian University,
ORCID: 0000-0002-1244-4755 (Stavropol, Russian Federation)

Evgeny I. Gromov
Dr. Sci. (Econ.), Professor, Vice-Rector for Educational Work
and Digital Transformation, Saint-Petersburg State Agrarian University,
ORCID: 0000-0001-5921-6752 (Saint Petersburg, Russian Federation)

Igor N. Dyshlovoy
Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Department of Human Resources
Management, Institute of Economics and Management,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
ORCID: 0000-0002-6215-0771 (Simferopol, Russian Federation)

Vasilii L. Erokhin
PhD (Econ.), Associate Professor, School of Economics and Management,
Harbin Engineering University,
ORCID: 0000-0002-3745-5469 (Harbin, China)

Jean Vasile Andrei
PhD, Professor, member of the Commission for Economic
Sciences and Business Administration, National Council for Attesting Titles,
Diplomas and Certificates (CNATDCU), Universitatea Petrol-Gaze din Ploiesti,
ORCID: 0000-0002-8332-6537 (Ploiesti, Romania)

Jonel Subić
PhD (Econ.), Serbian Association for Agroeconomics (SAAE),
European Rural Development Network (ERDN), Resource Economics Research Network
and Bioeconomics Association (RebResNet), Institute of Agricultural Economics,
ORCID: 0000-0003-1342-1325 (Belgrade, Serbia)

Elena V. Zakshevskaya
Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Management
and Marketing in the Agro-Industrial Complex, Voronezh State Agricultural University,
ORCID: 0000-0002-2276-1631 (Voronezh, Russian Federation)

Svetlana V. Zenchenko
Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Finance and Credit,
Deputy Director of the Institute of Economics and Management
of International Activities, North-Caucasus Federal University,
ORCID: 0000-0003-0850-5305 (Stavropol, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Anna G. Ivolga — Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of International Business and Tourism, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0001-5428-609X (Stavropol, Russian Federation)

Natalia N. Kiseleva — Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director of North-Caucasus Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Municipal Public Administration and Law, ORCID: 0000-0002-5718-4643 (Pyatigorsk, Russian Federation)

Larisa S. Korobeynikova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Vice-Rector for Economics and Contractual Service, Head of the Department of Economic Analysis and Audit, Voronezh State University, ORCID: 0000-0001-6422-6701 (Voronezh, Russian Federation)

Natalya A. Kulagina — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Financial Accounting and Control, Institute of Cybersecurity and Digital Technologies, RTU-MIREA, ORCID: 0000-0002-7303-6923 (Moscow, Russian Federation)

Vladimir A. Kunin — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of International Finance and Accounting, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, ORCID: 0000-0002-6296-4978 (Saint Petersburg, Russian Federation)

Marina G. Leshcheva — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Agroeconomics and Marketing, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0002-7158-6227 (Stavropol, Russian Federation)

Nikolay P. Lyubushin — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Analysis and Audit, Voronezh State University, ORCID: 0000-0002-4493-2278 (Voronezh, Russian Federation)

Marko Jeločnik — PhD (Agr. Econ.), Institute of Agricultural Economics, ORCID: 0000-0003-4875-1789 (Belgrade, Serbia)

Anton V. Nazarenko — Dr. Sci. (Econ.), Dean of the Faculty of Economics and Management, Moscow Polytechnic University, ORCID: 0000-0002-3726-5761 (Moscow, Russian Federation)

Dmitry V. Nekhaychuk — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Management, Tourism and Hotel Business, Deputy Director for Research, Sevastopol Branch of Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, ORCID: 0000-0002-1915-6393 (Sevastopol, Russian Federation)

Dmitry A. Pankov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Branches of the National Economy, Belarusian State University of Economics, ORCID: 0000-0003-2898-7225 (Minsk, Republic of Belarus)

Natalya V. Parushina — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Economic Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Academy of National Economy and Russian Public Administration under the President of the Russian Federation, ORCID: 0000-0003-0544-1094 (Orel, Russian Federation)

Vladimir A. Plotnikov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, Saint Petersburg State University of Economics, ORCID: 0000-0002-3784-6195 (Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina I. Proka — Dr. Sci. (Econ.), Dean of the Faculty of Economics, Professor of the Department of Economics and Management in Agro-Industrial Complex, Orel State Agrarian University named after N. V. Parahin, ORCID: 0000-0001-9906-1572 (Orel, Russian Federation)

Gilang Puspita Rini — PhD, Faculty of Economics and Business, Universitas Muria Kudus, ORCID: 0000-0002-3843-6059 (Kudus, Indonesia)

Marina N. Rudenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State University, ORCID: 0000-0001-9377-589X (Perm, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Rudoy — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Rector of Novosibirsk State Agrarian University, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0003-3311-9991 (Novosibirsk, Russian Federation)

Tatiana P. Satsuk — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, ORCID: 0000-0001-5010-202X (Saint Petersburg, Russian Federation)

Igor Yu. Sklyarov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Accounting and Audit, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0003-3712-4544 (Stavropol, Russian Federation)

Yuliya M. Sklyarova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Finance and Credit Department, Stavropol State Agrarian University, ORCID: 0000-0002-6192-3189, (Stavropol, Russian Federation)

Tatiana N. Skorobogatova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Business Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: 0000-0002-3493-4480 (Simferopol, Russian Federation)

Liudmila I. Khoruzhy — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chairman of the Council for Accounting Standards of the Ministry of Finance of the Russian Federation, President of the Institute of Professional Accountants and Auditors of Russia, Director of the Institute of Economics and Management of the Agro-Industrial Complex of the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev, ORCID: 0000-0003-3061-1374 (Moscow, Russian Federation)

Lyubov A. Chaykovskaya — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Basic Department of Financial Control, Analysis and Audit of the Main Control Department of Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, ORCID: 0000-0002-1292-402X (Moscow, Russian Federation)

Oksana V. Shumakova — Dr. Sci. (Econ.), Rector of Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, ORCID: 0000-0003-3647-4497 (Omsk, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Эффективность льготного кредитования в воспроизводстве инвестиционной деятельности регионального АПК России ..... Ст. 1

Эфендиев Инал Алексеевич

Совершенствование механизма управления земельными ресурсами особых экономических зон ..... Ст. 2

Иванов Николай Иванович, Иванова Наталья Андреевна, Рига Андрей Антонович

Особенности и предпочтения вьетнамской молодежи в туристических направлениях по России ..... Ст. 3

Чан Хоанг Ань, Ву За Чунг, Галенко Елена Васильевна

ЭКОНОМИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И АПК

Детерминанты послеуборочных потерь в малом производстве томатов, капусты кале и папайи в Восточной зоне Сева, регион Оромия, Эфиопия ..... Ст. 4

Майкл Тарекегн, Сибонгиле Текана, Майкл Антви, Шимелис Адмассу

Механизм полисубъектного управления аграрно-территориальной системы ..... Ст. 5

Байдаков Андрей Николаевич, Звягинцева Ольга Сергеевна

МЕНЕДЖМЕНТ

Формирование и реализация стратегий управления сетью образовательных учреждений в условиях цифровой трансформации социальной сферы ..... Ст. 6

Царенко Ирина Владимировна, Бочкарев Алексей Михайлович

ЭКОНОМИКА СФЕРЫ УСЛУГ

Трансформация рынка туризма Российской Федерации: особенности регулирования, текущее состояние и перспективы развития ..... Ст. 7

Павленко Ирина Геннадьевна, Османова Эльнара Усеиновна

CONTENTS

REGIONAL ECONOMICS

Efficiency of Preferential Lending in the Reproduction of Investment Activities in the Regional Agricultural Sector of Russia ..... Art. 1

Inal A. Efendiev

Improving the Mechanism for Managing Land Resources in Special Economic Zones ..... Art. 2

Nikolay I. Ivanov, Natalya A. Ivanova, Andrey A. Riga

Features and Preferences of Vietnamese Youth in Tourist Destinations in Russia ..... Art. 3

Tran Hoang Anh, Vu Za Chung, Elena V. Galenko

ECONOMICS OF AGRICULTURAL SECTOR

Determinants of Post-Harvest Losses Among Smallholder Tomato, Kale, and Papaya Producers in East Showa Zone, Oromia Region, Ethiopia ..... Art. 4

Michael Tarekegn, Sibongile Tekana, Michael Antwi, Shimelis Admassu

The Mechanism of Polisuplain Control of Agrarian-Territorial Systems ..... Art. 5

Andrey N. Baidakov, Olga S. Zvyagintseva

MANAGEMENT

Formation and Implementation of Strategies for Managing a Network of Educational Institutions in the Context of Digital Transformation of the Social Sphere..... Art. 6

Irina V. Tsarenko, Alexey M. Bochkarev

ECONOMICS OF SERVICE SECTOR

Transformation of the Tourism Market in Russia: Regulatory Features, Current Status and Development Prospects ..... Art. 7

Irina G. Pavlenko, Elnara U. Osmanova

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-1

Исследовательская статья

Эффективность льготного кредитования в воспроизводстве инвестиционной деятельности регионального АПК России

Эфендиев Инал Алексеевич

Ставропольский государственный аграрный университет,
г. Ставрополь, Россия

SPIN код: 3496-1007

inal-efendi@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Эфендиев И.А.
Эффективность льготного кредитования в воспроизводстве инвестиционной деятельности регионального АПК России.
Исследование проблем экономики и финансов. 2025;3:1.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-1
EDN RSZBEU

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:
автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 27.07.2025
ДОРАБОТАНА: 09.09.2025
ПРИНЯТА: 16.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Эфендиев И.А.

АННОТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. В условиях трансформации российской экономики и ужесточения денежно-кредитной политики особую актуальность приобретает поиск эффективных механизмов финансирования инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе (АПК). Кредитование, особенно в форме льготных программ, становится ключевым инструментом обеспечения воспроизводственного процесса в АПК, что требует изучения его влияния на инвестиционную активность предприятий.

ЦЕЛЬ. Исследовать проблематику кредитования в АПК и его влияния на воспроизводство инвестиционной деятельности в АПК Ставропольского края.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на данных бухгалтерской отчетности 60 предприятий АПК Ставропольского края, отобранных методом ранжирования с учетом отраслевых показателей и формирования репрезентативной выборки с нормальным распределением. Работа выполнена с позиции процессного подхода, использованы методы математической статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ. В статье установлена взаимосвязь между различными видами банковских продуктов в качестве инвестиционных факторов в рамках АПК Ставропольского края. Можно констатировать, что наиболее значимы кредитные продукты (в особенности льготное кредитование) и лизинг, в то время как побочные продукты (например, доступ к внешнеэкономической деятельности, правовая поддержка) играют второстепенную роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Кредитование остается ключевым элементом инвестиционного процесса в АПК региона за счет адаптации банковских продуктов, включая развитие программ льготного кредитования при государственной поддержке. Результаты исследования могут быть использованы для разработки алгоритмов оценки эффективности инвестиционной деятельности и формирования кредитной политики, ориентированной на устойчивое развитие АПК.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кредитование, кредитные ресурсы, финансовые ресурсы, инвестиционная деятельность, АПК

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-1 Research article

Efficiency of Preferential Lending in the Reproduction of Investment Activities in the Regional Agricultural Sector of Russia

Inal A. Efendiev
Stavropol State Agrarian University,
Stavropol, Russia
inal-efendi@mail.ru

TO CITE:
Efendiev I.A.
Efficiency of Preferential Lending in the Reproduction of Investment Activities in the Regional Agricultural Sector of Russia. *Research in Economic and Financial Problems.* 2025;3:1.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-1
EDN RSZBEU

DECLARATION OF COMPETING INTEREST: none declared.

RECEIVED: 27.07.2025
REVISED: 09.09.2025
ACCEPTED: 16.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Efendiev I.A.

ABSTRACT

INTRODUCTION. In the context of Russia's transforming economy and the tightening of its monetary policy, identifying effective financing mechanisms for investment activity in the agricultural sector (AS) is of particular relevance. Credit financing, especially through state-subsidized soft loan programs, has become a key instrument for ensuring the reproductive processes within the AS. This necessitates a thorough study of its impact on corporate investment activity.

AIM. To investigate the challenges of credit financing in the AS and its impact on the reproduction of investment activity in the sector of the Stavropol Krai, Russia.

MATERIALS AND METHODS. The research is based on the accounting records of 60 agricultural enterprises in the Stavropol Krai, selected using a ranking method that considered industry-specific indicators to form a representative sample with a normal distribution. The study was conducted from a process approach perspective, employing methods of mathematical statistics for data analysis.

RESULTS. The study identifies a correlation between various types of banking products and their role as investment factors in the AS of the Stavropol Krai. The findings indicate that credit products-particularly subsidized lending-and leasing are the most significant drivers. In contrast, ancillary services (e.g., facilitation of foreign economic activity, legal support) play a secondary role.

CONCLUSION. Credit financing remains a key element of the investment process in the region's AS, facilitated by the adaptation of banking products. This includes the development of state-supported soft loan programs. The results of this research can be utilized to develop algorithms for assessing the effectiveness of investment activities and for formulating credit policies aimed at the sustainable development of the AS.

KEYWORDS: lending, credit resources, financial resources, investment activity, agricultural sector

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху стремительных экономических трансформаций в России развитие агропромышленного комплекса (АПК) является не только вопросом комплексного развития национальной и региональной экономики, традиционно выступая как драйвер экономического роста регионов, но и вопросом национальной безопасности, так как деградация системы мировой торговли диктует необходимость обеспечения безопасности, в том числе и продовольственной [1]. Развитие АПК тем самым является одним из приоритетов экономического развития, в особенности на уровне регионов.

Необходимость трансформации отрасли АПК, внедрения новых технологий, в частности цифровых и управленческих, требует финансовых ресурсов иногда на порядок больше, чем нужно для воспроизводства различных аспектов деятельности в рамках АПК, что заставляет предприятия искать внешние источники финансовых ресурсов, такие как инвестиции или кредиты. Вышесказанное еще в большей степени актуализирует проблему финансовых ресурсов в АПК и диктует необходимость детального изучения инвестиционных процессов, в частности процесса воспроизводства инвестиционной деятельности, которые на практике и обеспечивают финансовые потребности АПК. В данном контексте особую роль играет кредитование, как гибкий и быстрый механизм получения финансовых ресурсов [1].

В реалиях сегодняшнего дня банк должен быстро реагировать на запросы потребителей, следить за технологическими нововведениями конкурентов. Ведь одна из главных тенденций нашего времени – это глобальное цифровое пространство, которое меняет жизнь до неузнаваемости, в том числе и в банковской деятельности [2]. Те банки, которые внедряют цифровые технологии, способны лучше адаптироваться на банковском рынке, создавая и продавая оригинальные инновационные продукты, что крайне важно в первую очередь для таких отраслей, как АПК, где потребность в финансовых ресурсах в целом выше.

Создание качественного привлекательного продукта является центральной проблемой в банке. Несомненно, такой продукт будет востребован, а с увеличением базы клиентов будет расти процент от его реализации. Будут быстрее продаваться те продукты, от пользования которыми клиенты будут получать не только экономический эффект, но и моральное удовлетворение своих потребностей. Банку же – рост продаж привлекательных банковских продуктов позволит получить экономическую выгоду, а самое главное, оставаться конкурентоспособным на банковском рынке. В условиях жесткой денежно-кредитной политики Банка России и развития иных механизмов получения финансовых ресурсов, таких как государственная поддержка и проектное финансирование, банковское кредитование должно максимально адаптироваться к текущим реалиям, чтобы не потерять свою нишу.

Актуальность данного исследования продиктована тем, что АПК является очень чувствительным к инвестициям и финансовым ресурсам для поддержания операционной деятельности, что делает его зависимым от кредитных средств. Современные исследования в данной области акцентируют внимание на различных аспектах, включая доступность кредитных ресурсов и их влияние на развитие отрасли [2]. Многие авторы рассматривают развитие кредитования в АПК в современных условиях российской экономики, уделяя внимание специфике функционирования этого механизма в контексте текущих экономических реалий, и фокусируются на теоретических основах интерпретации роли финансового капитала в сельском хозяйстве [3; 4]. Несмотря на ценность представленных исследований, в существующих работах часто наблюдается недостаток эмпирических исследований, комплексно анализирующих влияние различных форм банковских продуктов на инвестиционную деятельность и финансовую устойчивость АПК на региональном уровне, с учетом специфики отраслевых процессов.

Целью статьи является исследование проблемы кредитования АПК Ставропольского края и ее влияния на воспроизводство инвестиционной деятельности, с применением процессного подхода в совокупности с корреляционным анализом для выявления характера и силы влияния различных форм банковских продуктов на инвестиционную деятельность и финансовые ресурсы АПК.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В данной статье рассматривается проблематика взаимосвязи кредитования и процесса воспроизводства инвестиционной деятельности в АПК Ставропольского края. Ставропольский край выбран в силу того, что это один из самых развитых аграрных регионов России, где инвестиционные процессы в АПК наиболее важны для региональной экономики.

В исследовании использовались данные агрегатора audit-it.ru (в частности формы, 1, 2 и 3 бухгалтерской отчетности для расчета и учета влияния кредитования на хозяйственную деятельность), на основе которых была сформирована выборка предприятий АПК Став-

ропольского края, которые используют различные механизмы получения внешних финансовых ресурсов, в том числе пользуются банковскими кредитами. С помощью процедуры ранжирования и отсева было выбрано 60 предприятий АПК Ставропольского края, отличающихся нормальным распределением по Гауссу по ключевым, значимым для отрасли показателям (диапазон значений не содержит пороговых значений кредитования, в выборке нет крупных предприятий, с численностью персонала выше 100 человек и микропредприятий меньше 10 человек персонала, предприятия не имеют значимых рисков банкротства, показатели финансовых результатов и результатов деятельности находятся в диапазоне значений, не выходящих за рамки среднеотраслевых), которые при этом используют различные банковские продукты.

Поскольку выборка имеет нормальное распределение, это позволяет использовать статистические критерии ранговой корреляции Спирмена и критерий Андерсона с целью корреляционного анализа для определения того, как кредитование влияет на различные аспекты хозяйственной деятельности и воспроизводство инвестиций. Для статистического анализа использовалась программа Statistica 10.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Основы феномена банковского продукта

Банковский сектор – один из главных элементов финансовой системы страны, обеспечивающий стабильность национальной экономики. Банк – удивительное экономическое изобретение человечества. Современная банковская отрасль – это сфера многочисленных услуг, предоставляемых клиентам, от традиционных денежно-ссудных и рассчетно-кассовых до новейших форм кредитных и финансовых инструментов (лизинг, факторинг и другие). Банковская система России очень обширна, является одной из крупнейших в мире, поэтому в условиях политической и экономической нестабильности в стране очень высока конкуренция между банками. Это ставит перед банками важную задачу – создание и реализацию усовершенствованных банковских продуктов при введении новых эффективных стратегий продвижения данных продуктов с целью привлечения наибольшего числа клиентов и получения прибыли.

Банковский продукт предназначен для продаж на рынке, банковская услуга представляет собой действие, которое реализуется вместе с продуктом. Например, открытие счета в банке – это продукт, обслуживание счета – это услуга, процент по депозитному вкладу – продукт, а выплата процентов по вкладу – услуга, то есть мы видим, что банковский продукт всегда первичен, но и продукт, и услуга вместе служат конечной цели – получению запланированной прибыли, для чего необходимо создать такой продукт и услугу, чтобы они полностью удовлетворяли потребностям клиентов.

По мнению В. В. Масловой, банковский продукт – это «конкретный способ, каким банк оказывает ту или иную услугу конкретному клиенту, то есть упорядоченный, внутренне согласованный и, как правило, документально оформленный комплекс взаимосвязанных финансовых, юридических, организационных, информационных и иных действий (процедур), составляющих целостный регламент взаимодействия сотрудников банка с данным клиентом» [4]. Можно сказать, во-первых, банковский продукт – это официальный документ, который производит конкретный банк с целью обслуживания или проведения различных операций. Документом может быть вексель, депозит, чек и так далее. Услуга – это конкретная операция в обслуживании клиента. Каждый банковский продукт уникален, специфичен, для каждого банк устанавливает условия, сроки, процентную ставку и так далее. И хотя нет четкого определения термина «банковский продукт», банки при его создании руководствуются действиями законодательства, нормативными актами, опираясь, например, на ФЗ «О банках и банковской деятельности».

Рассмотрим классификацию основных групп банковских продуктов по их типу:

- Депозитные продукты. Средства размещаются на определенный срок с фиксированной процентной ставкой. По истечении срока вкладчик получает процент и сумму вклада. Бывают срочные, до востребования (средства с этих депозитов могут сниматься в нужное для клиента время), сберегательные счета (более ликвидные, можно в любое время снять средства, при этом начисляются проценты, хотя они обычно ниже, чем по срочному депозиту).
- Кредитные продукты. Кредитные карты (можно пользоваться кредитными средствами в пределах обозначенного лимита, а также погашать их в удобное для заемщика время). Ипотечные кредиты (имеют длительный срок погашения, обеспечены залогом, обычно берутся для покупки недвижимости). Потребительские кредиты (с их помощью финансируются личные нужды граждан, например, покупка товаров, оплата различных услуг и так далее). Автокредиты (с их помощью заемщик приобретает автомобиль, иногда может быть обеспечен залогом).

- Платежные продукты. Текущие счета (с их помощью можно получить заработную плату, стипендию, проводить ежедневные расчеты). Электронные кошельки (можно проводить электронные платежи и переводы). Переводы денежных средств (возможен перевод денег между счетами внутри страны, а также заграницей).
- Инвестиционные продукты дают возможность инвестировать средства в различные активы через фонд. Например, облигации (долевые ценные бумаги, которые приобретаются для получения фиксированного дохода). Акции (долевые ценные бумаги, позволяющие участвовать в управлении компанией и получении дивидендов).
- Страховые продукты. Страхование жизни и здоровья (финансовая защита в случае болезни или смерти). Страхование имущества (защита имущества клиента от различных рисков, например, пожар, затопление, кража и так далее). Автострахование (страхование транспорта).

Банковские продукты классифицируются по ряду характеристик, включая целевое назначение (для юридических или физических лиц, а также специализированные, например, для малого бизнеса), сроки действия (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные), уровень риска и доходности (от низкорисковых депозитов до высокорисковых инвестиций), условия возврата (фиксированная или плавающая ставка, безвозвратные формы, такие как гранты), форма предоставления (офлайн в отделении банка или онлайн через интернет-банк), а также наличие и размер комиссий и сборов, причем выбор конкретного продукта клиентом зависит от его потребностей и может быть облегчен консультациями менеджеров или использованием мобильных приложений.

Проанализировав все вышесказанное, можно сделать вывод, что банковский продукт – это результат банковской деятельности, представляющий собой товар, поступающий на банковский рынок для продажи клиентам, который можно считать материально оформленной частью банковской услуги, выраженной в действиях по обслуживанию клиентов [5]. Каждый банк разрабатывает и предлагает улучшенные эффективные продукты с более выгодными условиями, удовлетворяющие ожидания клиентов. Важно то, что банковский продукт – это один из главных экономических благ на финансовом рынке. Успешная продажа банковских продуктов – это залог успеха любого банка.

Основы феномена воспроизводства инвестиционной деятельности в АПК

В рамках современной экономики отраслевое развитие на уровне региона во многом зависит от таких параметров, как инвестиционный климат, инвестиционные ресурсы инвестиционный процесс и специфика инвестиций в целом. Это связано с тем, что инвестиции являются, с одной стороны, фундаментом для отраслевых изменений, давая возможность быстрого и безболезненного расширения предприятий или их трансформации на базе новых технологий, а с другой стороны, позволяют поддерживать достаточный уровень эффективности хозяйственной деятельности в случае различных негативных тенденций в отрасли или экономике в целом [6]. Фактически можно сказать, что инвестиции усиливают позитивные и нивелируют негативные тенденции в рамках как национальной, так и региональной экономики, являясь во многом ключевым драйвером экономического роста в контексте современной экономической системы [6].

Исходя из специфики современной социально-экономической системы, важнейшим элементом воспроизводства инвестиционной деятельности и фактически ключевым общественным институтом, который обеспечивает данный процесс, является инвестиционный рынок [7]. Данный институт позволяет в рамках рыночной системы осуществлять обмен инвестиционными ресурсами исходя из потребностей акторов, что активизирует их потребление и включение в цикл воспроизводства. Стоит отметить, что российская специфика подразумевает то, что в данный процесс так же активно включается государство, чьи национальные проекты, программы поддержки и региональные инициативы позволяют компенсировать ориентацию инвестиционного рынка на крупные компании и проекты, позволяя активно развиваться малому и среднему бизнесу, что крайне значимо в рамках АПК, поскольку многие значимые акторы данной отрасли на региональном уровне принадлежат именно к данной категории предприятий. Тем самым можно считать ряд государственных инициатив пусть и не частью инвестиционного рынка, но системы воспроизводства инвестиционной деятельности в целом, которая ориентирована на достижение социально значимых эффектов в рамках инвестиционной деятельности, в то время как инвестиционный рынок предполагает воспроизводство инвестиций на рыночных условиях [8].

Инвестиционная деятельность исследуется в основе своей на уровне оптики предприятия с точки зрения экономико-центрического подхода. Отмечается, что дан-

ный вид деятельности цикличен и тесно связан с операционной деятельностью, а значит, с оборачиваемостью средств [9; 10]. Воспроизводство инвестиционной деятельности при этом происходит с колебаниями, которые обусловлены спецификой основной деятельности, ее временными рамками, а также характером взаимодействия между экономическими акторами в рамках инвестиционного процесса и его формой, например инвестиционная деятельность может быть стабильной, либо нестабильной, может осуществляться в рамках инвестиционного проекта, либо в форме поддержки предприятия. Возвратность инвестиций при этом происходит с большим лагом по времени.

Представленные особенности инвестиционной деятельности только усиливаются в рамках АПК, в особенности в оптике региона, поскольку АПК имеет ряд крайне специфических черт как с точки зрения основной и операционной деятельности предприятий, так и с точки зрения взаимосвязи существенных для предприятий бизнес-процессов [11; 12]. Также огромную роль в том, что инвестиционная деятельность в АПК является по-своему уникальной, играет то, что интересы различных экономических акторов на разных уровнях оптики, как на уровне предприятия, так и на уровне экономического кластера либо группы кластеров, могут достаточно сильно разниться в одних аспектах и полностью совпадать в других.

Статистический анализ взаимосвязи кредитования и воспроизводства инвестиционной деятельности в АПК Ставропольского края

Обратим внимание на специфику инвестиций в сельское хозяйство Ставропольского края (СК) в динамике, в сравнении с показателями СКФО и РФ в целом. Данные представлены на рисунке 1.

Анализ данных, представленных на рисунке 1, указывает на то, что СКФО и Ставропольский край имеют крайне существенную долю инвестиций в сельское хозяйство, в особенности в последние годы, что связано, с одной стороны, с потребностями переориентации и трансформации отрасли в условиях санкций (в первую очередь это трансформация логистических и сбытовых процессов, переориентация на новые рынки и новых поставщиков), а с другой стороны, это указывает на высокий потенциал отдачи от инвестиций, поскольку столь стремительный рост инвестиций не может быть объяснен лишь потребностью в поддержке отрасли. Это подтверждается анализом масштабов финансирования за счет средств федерального и регионального бюджетов (рисунок 2) и сравнением с общими масштабами инвестиций.

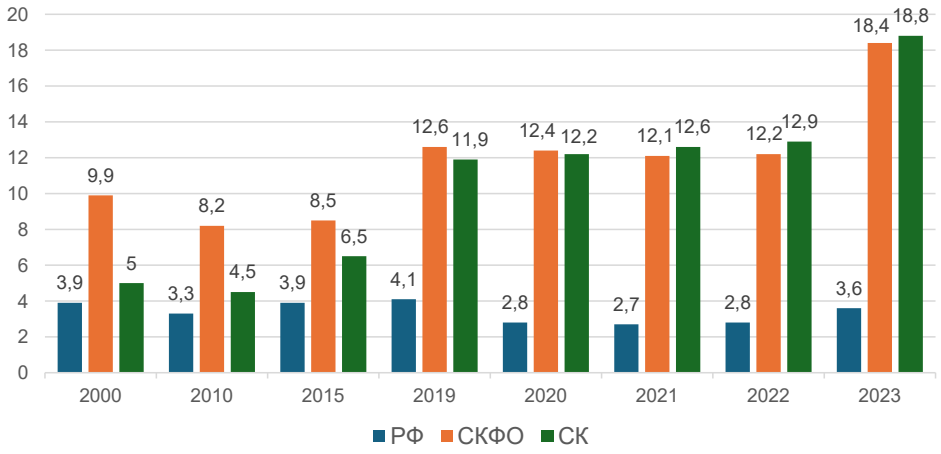

Рисунок 1
Удельный вес инвестиций в сельское хозяйство в общем объеме инвестиций, %
Источник: составлено автором

Figure1
The share of investments in agriculture in the total volume of investments, %
Source: compiled by the author

Анализ данных рисунка 2 и их сопоставление с результатами ранее проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что доля иных источников инвестиций в основной капитал указывает на заинтересованность частных инвесторов в отрасли АПК СК. При этом соотношение региональных и федеральных инвестиций с инвестициями из собственных средств предприятий указывает на достаточно стабильное состояние отрасли, несмотря на трансформационный тренд и потребность в инвестициях для преодоления отраслевых проблем, таких как износ фондов, потребность в переориентации логистических и сбытовых потоков, выход на внешние рынки и т. п. [13].

Одной из проблем, которая могла повлиять на инвестиционный процесс в крае в негативную сторону, была денежно-кредитная политика последних лет, когда крайне высокая ставка Банка России была практически запретительной для ряда отраслей, в частности это касается и АПК, где обычной практикой были кредиты для посевной или кредиты для пополнения запасов или амортизации. Рассмотрим динамику показателя EBITDA (Earnings Before Interest, Taxes, Depreciation and Amortization), прибыли компании до вычета кредитных процентов, налога на прибыль и амортизации по основным нематериальным активам [14]. Этот расчет показывает реальную прибыль в условиях кредитной нагрузки, а инвесторы по этому показателю часто оценивают, как быстро вернут вложенные средства.

Считается, чем ниже этот показатель, тем у компании больше шансов расплатиться с долгами без проблем. Эксперты считают, что данный показатель нужно распределять так:

1. От 0 до 2 – выплата кредита не вызовет проблем.
2. От 2 до 4 – средняя нагрузка. Возможно, предприятие внедряет новое оборудование или запускает проект.
3. Больше 4 – есть риск, что компания не сможет расплатиться с кредитом.

Расчет показателя происходил на базе данных аудит.ру (было случайно выбрано 100 компаний разного размера, зарегистрированных с 2018 года) с учетом величины предприятия.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что исследуемый показатель находится в диапазоне средних значений в обозреваемый период, при этом его тем меньше, чем крупнее предприятие АПК. Это связано с тем, что для малых предприятий потребность в кредитовании выше, для средних и крупных собственного капитала часто хватает для нивелирования различных текущих рисков. Несмотря на динамику показателя, указывающую на рост долговой нагрузки, ситуация контролируемая, поскольку существует ряд механизмов, препятствующих ее переходу в диапазон значений высокий (выше 4), это прежде всего государственная поддержка отрасли, в особенности малых предприятий и в особенности льготное кредитование и иные программы Россельхозбанка (РСХБ), которые оказали позитивное влияние на стабилизацию долговой нагрузки в отрасли [15].

Рисунок 2

Распределение инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в АПК Ставропольского края, % (без субъектов малого предпринимательства)

Источник: составлено автором

Figure 2

Distribution of investments in fixed assets by sources of financing in the agro-industrial complex of the Stavropol Territory, % (excluding small businesses)

Source: compiled by the author

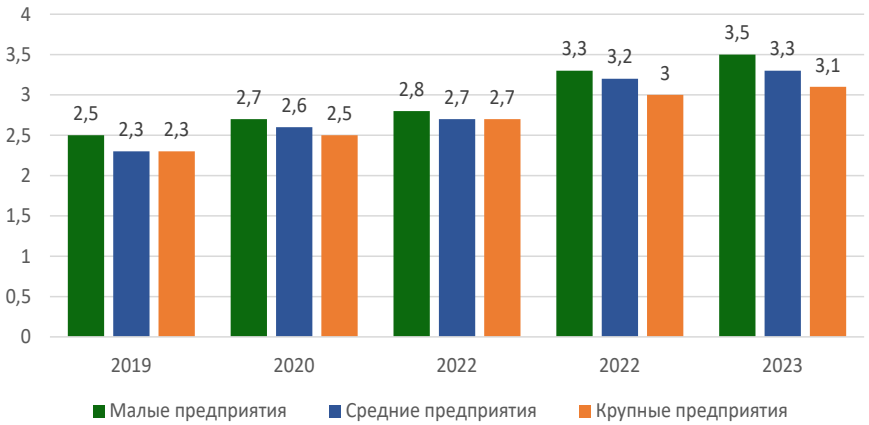

Рисунок 3
Динамика показателя EBITDA в АПК Ставропольского края
Источник: составлено автором

Figure 3
EBITDA dynamics in the agricultural sector in the Stavropol Territory
Source: compiled by the author

Проведенный анализ инвестиционного процесса в Ставропольском крае и его особенностей позволяет сделать вывод о том, что регион является инвестиционно-привлекательным и обладает достаточно сбалансированно развитой отраслью сельского хозяйство, которая находится в стадии активной отраслевой трансформации как с точки зрения оптимизации бизнес-процессов, так и с точки зрения внедрения цифровых технологий и иных инноваций.

В процессе оценки эффективности кредитования в контексте воспроизводства инвестиционной деятельности в АПК возможно достаточно простое и точное исследование того, как показатели эффективности банковского продукта взаимосвязаны с отраслевыми показателями экономической результативности, в частности экономической безопасностью или рентабельностью, а также аналогичными показателями отдельных компаний. Соответственно, оценивается эффективность банковских продуктов и программ РСХБ в контексте на примере организаций малого бизнеса в сфере АПК Ставропольского края. В этой связи дополняют показатели программно-целевого метода такими показателями, как устойчивость организации (финансовая устойчивость и устойчивость бизнес-процессов по методике Н. С. Ивановой), риск банкротства (сводный показатель по методике Альтмана), интегральный показатель экономической безопасности (по методике Ивановой), и проводят статистический анализ взаимосвязи этих показателей как в общем, так и применительно к реализации отдельных программ на базе сводных данных организаций в 2024 году [15].

Для целей исследования была сделана выборка из 60 организаций малого бизнеса в сфере АПК на базе агрегатора данных аудит.ру. (таблицы 1, 2).

Таблица 1
Матрица интеркорреляционных взаимосвязей исследуемых параметров

Table 1
The matrix of intercorrelation relationships of the studied parameters

Параметры	Эффективность выполнения программы		Устойчивость предприятия		ВБ		ИПЭБ	
	У	Н	У	Н	У	Н	У	Н
Эффективность выполнения программы	–	–	+0,84*	–	–0,66*	+0,59*	+0,72**	–0,71**
Устойчивость организации	+0,84*	–	–	–	+0,62*	–0,58	+0,65*	–0,57*
ВБ	– 0,66*	+0,59*	+0,62*	–0,58	–	–	+0,69*	–0,67*
ИПЭБ	+ 0,72**	–0,71**	+0,65*	–0,57*	+0,69*	–0,67*	–	–

$p \le 0,05$ –*, $p \le 0,01$ –**; У – участие программах РСХБ, Н – неучастие в программах РСХБ, ИПЭБ – интегральный показатель экономической безопасности, ВБ – вероятность банкротства.

Источник: составлено автором

$p < 0.05$ –*, $p < 0.01$ –**; Y – participation in RSHB programs, H – non-participation in RSHB programs, IPEB – integral indicator of economic security, WB – probability of bankruptcy.

Source: compiled by the author

Таблица 2

Результаты кластерного и дисперсионного анализа влияния массива данных на сводный показатель финансового состояния

Table 2

The results of cluster and variance analysis of the impact of the data array on the consolidated financial condition indicator

Параметр	Λ-влияния на сводный показатель финансового состояния	Доля дисперсии (в %)
Всего	0,86	78,3
Кредитные продукты	+0,81	28,6
Лизинг	+0,76	19,2
Побочные продукты	+0,64	9,4
Информационные продукты	+0,68	7,1

$p \leq 0,05$ –*, $p \leq 0,01$ –**

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

Очевидно, что формально наиболее существенными показателями в массиве данных являются интегральный показатель экономической безопасности и совокупный показатель эффективности программы. При этом выявлено, что банковские продукты оказывают крайне ощутимое влияние на финансовое состояние, а значит, и инвестиционную деятельность организаций, в особенности это относится к финансовым продуктам по сниженной ставке, позволяющим нарастить оборотный капитал организаций и найти средства, например, для посевной в случае особых обстоятельств. Отметим, что обратное влияние данного параметра минимально, что позволяет сделать вывод о том, что в рамках текущей экономической ситуации комплекс банковских продуктов выступает значимой детерминантой устойчивости предпринимательства, что объясняется, в частности, необходимостью разного вида трансформаций малого бизнеса для адаптации к социально-экономическим изменениям, что требует существенных затрат, а государственная поддержка обеспечивает данные трансформации. Подобный тезис на практике доказывается опытом поддержки вида экономической деятельности – АПК и общественного питания во время пандемии и в период начала специальной военной операции [16; 17].

Анализ влияния различных категорий банковских продуктов на финансовое состояние позволяет сделать вывод о том, что наиболее значимы кредитные продукты и лизинг, в то время как побочные продукты (например, доступ к внешнеэкономической деятельности, правовая поддержка) и информационные продукты пока только начали свое системное развитие. Влияние на сводный показатель финансового состояния указывает на значимое влияние на воспроизводство инвестиционной деятельности [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье была изучена проблематика взаимосвязи феноменов кредитования организаций АПК и воспроизводства инвестиционной деятельности. Отмечается, что кредитование играет значимую роль в рамках инвестиционной деятельности в АПК, представляя собой быстрый и гибкий механизм привлечения финансовых ресурсов. В рамках статистического анализа установлено, что кредитование оказывает значимое влияние на характер и формат воспроизводства инвестиционной деятельности, кредиты позволяют нивелировать риски в случае недостаточности финансовых ресурсов, позволяют быстро получить финансовые ресурсы для операционных нужд. Особую роль играет льготное кредитование. Результаты проведенного исследования могут быть основой для последующего изучения проблематики связи кредитования и процесса воспроизводства инвестиционной деятельности, а также служить для создания алгоритма оценки эффективности воспроизводства инвестиционной деятельности с точки зрения рисков и затрат, в частности, в случае диверсификации деятельности, расширения предприятия или выхода на новые рынки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Маслова В.В. Развитие кредитования в АПК в современных условиях. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве.* 2024;9:53-61. https://doi.org/10.33938/249-53

   Maslova V.V. Development of Lending in Agriculture in Modern Conditions. *Economics, Labor, Management in Agriculture.* 2024;9:53-61. (In Russ.). https://doi.org/10.33938/249-53

2. Соловьева Н.Е. Современная архитектура организации льготного финансирования агробизнеса. *Экономика. Информатика.* 2023;50:357-366. https://doi.org/10.52575/2687-0932-2023-50-2-357-366

Solovyova N.E. Modern Architecture of the Organization of Preferential Financing of Agribusiness. *Economics. Information Technologies.* (In Russ.). 2023;50:357-366. https://doi.org/10.52575/2687-0932-2023-50-2-357-366

3. Волкова А.Н. Банковское кредитование как фактор эффективного развития отрасли сельского хозяйства. *Наукосфера.* 2022;2:166-170. ZFGPFL

   Volkova A.N. Bank Lending as a Factor of the Effective Development of the Agricultural Industry. *The Science Sphere.* 2022;2:166-170. (In Russ.). ZFGPFL

4. Tarkhanova E.A., Fricler A.V. Green financing: Global understandings and Russian practices review. *Journal of New Economy.* 2020;21:45-62. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-4-3

5. Лаамарти Ю.А., Бровко Н.А. Анализ особенностей кредитования российского агросектора в современных условиях. *Вестник Воронежского государственного аграрного университета.* 2024;4:309-316. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2024_4_309 KYGZXE

6. Laamarti Yu.A., Brovko N.A. Analysis of the features of lending to the Russian agricultural sector in modern conditions. *Bulletin of the Voronezh State Agrarian University.* 2024;4:309-316. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2024_4_309 KYGZXE

7. Алентьева Н.В., Полякова А.А., Кожанчикова Н.Ю., Шестаков Р.Б., Сидорин А.А. Кредит как источник финансирования деятельности сельхозтоваропроизводителей. *Вестник аграрной науки.* 2023;4:105-108. https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2023.4.105 ZCAUIE

   Alentyeva N.V., Polyakova A.A., Kozhenchikova N.Yu., Shestakov R.B., Sidorin A.A. Credit as a Source of Financing for Agricultural Producers. *Bulletin of Agrarian Science.* 2023;4:105-108. (In Russ.). https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2023.4.105 ZCAUIE

8. Гостева В.Н., Докальская В.К. Современное состояние кредитования сельского хозяйства. *Вестник техносферной безопасности и сельского развития.* 2023;2:15-18. CCSBKJ

   Gosteva V.N., Dokalskaya V.K. The Current State of Agricultural Lending. *Bulletin of Technosphere Security and Rural Development.* 2023;2:15-18. (In Russ.). CCSBKJ

9. Эльдиева Т.М., Черствов А.А. Государственная региональная поддержка малого и среднего предпринимательства: кредитный аспект. *Экономика. Информатика.* 2023;4:836-847. https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-50-4-836-847

   Eldieva T.M., Cherstov A.A. State Regional Support for Small and Medium-Sized Businesses: a Credit Aspect. *Economics. Information Technologies.* 2023;4:836-847. (In Russ.). https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-50-4-836-847

10. Бубнова Ю.Б. Влияние льготного кредитования на активизацию деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. *Журнал прикладных исследований.* 2024;2:20-28. https://doi.org/10.47576/2949-1878.2024.2.2.002 SJBDMZ

    Bubnova Yu.B. The Impact of Concessional Lending on the Activation of Small and Medium-Sized Businesses. *Journal of Applied Research.* 2024;2:20-28. (In Russ.). https://doi.org/10.47576/2949-1878.2024.2.2.002. SJBDMZ

11. Докальская В.К., Кравченко Т.С. Кредитование сельхозпроизводителей как фактор роста качества жизни на селе. *Вестник аграрной науки.* 2024;2:102-107. https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2024.2.102

    Dokalskaya V.K., Kravchenko T.S. Crediting Agricultural Producers as a Factor in Improving the Quality of Life in Rural Areas. *Bulletin of Agrarian Science.* 2024;2:102-107. (In Russ.). https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2024.2.102

12. Кудинова М.Г., Жидких Е.И., Хашир Б.О., Удовик Е.Э., Бурланков П.С. Особенности льготного кредитования и эффективность государственной финансовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в регионе (на материалах Алтайского края). *Инновации и инвестиции.* 2022;7:70-75

    Kudinova M.G., Zhidkikh E.I., Hashir B.O., Udovik E.E., Burlankov P.S. Features of Concessional Lending and Effectiveness of State Financial Support for Agricultural Producers in the Region (Based on Materials from the Altai Territory). *Innovation and Investment.* 2022;7:70-75. (In Russ.).

13. Байгузина Л.З. Современные финансовые технологии внедрения цифровизации в финансовую систему. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2022;4:1-8. https://doi.org/10.31279/2782-6414-2022-4-5-1-8 EDN IDPWQS

    Baiguzina L.Z. Modern Financial Technologies of Introducing Digitalization into the Financial System. *Research of Problems of Economics and Finance.* 2022;4:1-8. (In Russ.). https://doi.org/10.31279/2782-6414-2022-4-5-1-8 EDN IDPWQS

14. Кравченко Т.С., Дударева А.Б., Докальская В.К., Волынкина Е.А., Макаренко М.Н. Особенности кредитования агросубъектов в коммерческом банке: дистинктивность сезонности платежа. *Вестник аграрной науки.* 2023;4:149-154. https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2023.4.149 IQVRQJ

    Kravchenko T.S., Dudareva A.B., Dokalskaya V.K., Volinkina E.A., Makarenko M.N. Features of Lending to Agricultural Entities in a Commercial Bank: The Distinctiveness of the Seasonality of Payment. *Bulletin of Agrarian Science.* 2023;4:149-154. (In Russ.). https://doi.org/10.17238/issn2587-666X.2023.4.149 IQVRQJ

15. Medeiros M.C. Financial Capital and Agriculture: A Debate About the Theoretical Bases of Interpretation. 2024;4:1-15. https://doi.org/10.11606/issn.2179-0892.geousp.2024.196384en

16. Buchaev A.G., Babaeva Z.S., Zhigulina E.P., Zhuravleva T.B. Economic Policy in the Agro-Industrial Complex and Agriculture of Russia in the Age of Intellectual Machines: Challenges and Perspectives. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies.* 2025;2:194-203. https://dx.doi.org/10.1504/IJEPEE.2025.146155
17. Яшина М.Л., Трескова Т.В., Нейф Н.М. Льготное кредитование предприятий агропромышленного комплекса: состояние, эффективность и проблемы развития. *Экономика сельского хозяйства России.* 2022;5:2-9. https://doi.org/10.32651/225-2

    Yashina M.L., Treskova T.V., Neif N.M. Concessional Lending to Enterprises of the Agro-Industrial Complex: State, Efficiency and Development Problems. *Economics of Agriculture in Russia.* 2022;5:2-9. (In Russ.). https://doi.org/10.32651/225-2
18. Babash D., Kaldiyarov D., Tuleshova G., Turalina Z., Lemechshenko O. Optimisation of credit strategies in the agro-industrial complex under conditions of market instability. *Scientific Horizons,* 2025;4:135-150. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017604005
19. Xi B., Wang Y., Yang M. Green Credit, Green Reputation, and Corporate Financial Performance: Evidence from China. *Environmental Science and Pollution Research.* 2022;(29):2401-2419. https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-352635/v1

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-2

Исследовательская статья

Совершенствование механизма управления земельными ресурсами особых экономических зон

Иванов Николай Иванович

Государственный университет по землеустройству, г. Москва, Россия

SPIN-код: 8315-0774

ivanov@guz.ru

Иванова Наталья Андреевна

Государственный университет по землеустройству, г. Москва, Россия

SPIN-код: 2365-3729

ivanovaguz@yandex.ru

Рига Андрей Антонович

Государственный университет по землеустройству, г. Москва, Россия

moonlight765@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Иванов Н.И., Иванова Н.А., Рига А.А. Совершенствование механизма управления земельными ресурсами особых экономических зон. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2025;3:2.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-2
EDN SJWUBX

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:
авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 21.07.2025
ДОРАБОТАНА: 08.09.2025
ПРИНЯТА: 10.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Иванов Н.И., Иванова Н.А., Рига А.А.

АННОТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Территории особых экономических зон (ОЭЗ), являющихся в России ключевым инструментом регионального развития, способствующих притоку совокупных инвестиций в регионы страны более 1 трлн руб. ежегодно, в настоящее время нуждаются в новых подходах к управлению объектами недвижимости. По состоянию на 2024 год до 30 % земель в границах ОЭЗ остаются неосвоенными из-за бюрократических барьеров и недостаточной инфраструктуры, что предопределяет проведение комплекса научно-практических исследований по управлению данными территориями.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследовать проблематику использования земельных ресурсов в границах особых экономических зон в России и определить возможные подходы для вовлечения имеющихся неосвоенных территорий в ОЭЗ в активный экономический оборот.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В исследовании использованы данные отчетности Минэкономразвития России о результатах функционирования особых экономических зон в России за период с начала их деятельности. Проведено сопоставление сведений площади земельных участков, предоставленных в аренду и (или) находящихся в собственности резидентов и иных инвесторов с объемами выручки от продажи товаров и оказания услуг, количеством рабочих мест и объектов инженерной инфраструктуры на территории ОЭЗ.

РЕЗУЛЬТАТЫ. На основе анализа этапов становления, нормативного регулирования, целеполагания ОЭЗ сгруппированы по направлениям деятельности, выделены типы проектов с обоснованием их реализации. Проведено соотношение количественной оценки имеющихся земельных ресурсов с социально-экономическими показателями функционирования ОЭЗ, позволившее сделать выводы о наличии значительных по площади свободных территорий, прежде всего в границах ОЭЗ туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ). На примере ОЭЗ ТРТ Кабардино-Балкарской Республики представлены предложения по расширению полезной площади для предоставления в аренду и (или) собственность резидентов и иных инвесторов.

ВЫВОДЫ. Данное исследование подчеркивает необходимость оптимизации управления земельными ресурсами в ОЭЗ, особенно туристско-рекреационного типа. Реализация предложенных мер может способствовать вовлечению неосвоенных территорий в активный экономический оборот и достижению целей регионального развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: особые экономические зоны, регионы, территория, земельные ресурсы, полезная площадь, проект планировки, Кабардино-Балкарская Республика

https://orcid.org/0000-0002-8115-9982

Research article

Improving the Mechanism for Managing Land Resources in Special Economic Zones

Nikolay I. Ivanov ✉
State University of Land Use Planning, Moscow, Russia
ivanov@guz.ru

Natalya A. Ivanova
State University of Land Use Planning, Moscow, Russia
ivanovaguz@yandex.ru

Andrey A. Riga
State University of Land Use Planning, Moscow, Russia
moonlight765@yandex.ru

TO CITE:
Ivanov N.I., Ivanova N.A., Riga A.A. Improving the Mechanism for Managing Land Resources in Special Economic Zones. *Research in Economic and Financial Problems.* 2025;3:2.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-2
EDN SJWUBX

DECLARATION OF COMPETING INTEREST: none declared.

RECEIVED: 21.07.2025
REVISED: 08.09.2025
ACCEPTED: 10.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Ivanov N.I., Ivanova N.A., Riga A.A.

ABSTRACT

INTRODUCTION. The territories of special economic zones (SEZs), which are a key instrument of regional development in Russia, facilitate an annual inflow of aggregate investments into the regions exceeding 1 trillion rubles. Currently, these zones require new approaches to real estate management. As of 2024, up to 30 % of land within SEZ boundaries remains undeveloped due to bureaucratic barriers and insufficient infrastructure. This necessitates a comprehensive program of scientific and practical research into the management of these territories.

AIM OF THE STUDY. To investigate the problems associated with the use of land resources within the boundaries of SEZs in Russia and to identify potential approaches for bringing the existing undeveloped territories within SEZs into active economic circulation.

MATERIALS AND METHODS. The study utilized data from the reporting of the Russian Ministry of Economic Development on the performance of SEZs since the start of their operations. A comparison was conducted between the data on the area of land plots provided for lease and/or owned by residents and other investors, and the volumes of revenue from the sale of goods and services, the number of jobs utility infrastructure in the SEZs.

RESULTS. Based on an analysis of the establishment stages, regulatory framework, and goal-setting of SEZs, they were grouped by their field of activity; types of projects were identified with a rationale for their implementation. A correlation was made between a quantitative assessment of available land resources and the socio-economic indicators of SEZ performance. This allowed to estimate the presence of significant areas of vacant land, primarily within SEZs of the tourist-recreational type. Using the example of this type in the Kabardino-Balkarian Republic, proposals are presented for expanding the usable area available for lease and/or ownership by residents and other investors.

CONCLUSIONS. This study highlights the need to optimize the management of land resources within SEZs, particularly those of the tourist-recreational type. The implementation of the proposed measures could facilitate the involvement of undeveloped territories in active economic circulation and contribute to the achievement of regional development goals.

KEYWORDS: special economic zones, regions, territory, land resources, usable area, planning project, Kabardino-Balkarian Republic

ВВЕДЕНИЕ

Особые (свободные, специальные) экономические зоны (ОЭЗ) являются эффективным инструментом территориального развития для привлечения инвестиций и передовых технологий, развития экспортной базы и условий для стимулирования инвестиций, развития экспорта, внедрения инноваций и улучшения социально-экономических показателей регионов. Согласно П. Хансону, ОЭЗ представляют собой инструмент региональной политики, направленный на стимулирование экономического роста за счет налоговых льгот, упрощенных административных процедур и улучшенной инфраструктуры [1]. М. Портер в своей теории конкурентных преимуществ отмечает, что ОЭЗ способствуют формированию кластеров, где концентрируются предприятия смежных отраслей, что повышает их эффективность [2].

В ходе изучения и анализа особенностей территориального развития и организации территории в особых экономических зонах отечественные ученые указывают на влияние ОЭЗ на пространственное развитие регионов России, отмечая их роль в преодолении территориальных диспропорций [3–5]. За счет объединения усилий государства и частного бизнеса появляется возможность финансировать и обеспечивать строительство дорог, энергомостов, логистических центров в ОЭЗ, что улучшает доступность отдаленных территорий, помогает снизить зависимость от экспорта сырьевых ресурсов (углеводороды, металлургия, зерно) за счет развития производств с высоким уровнем добавленной стоимости (машиностроение, пищевая промышленность, туризм и т. д.).

Но, несмотря на активное развитие особых экономических зон в России, в научных исследованиях сохраняются существенные пробелы, которые ограничивают эффективность управления этими территориями. В науке нет консенсуса по критериям оценки эффективности управления недвижимостью в ОЭЗ. Большинство исследований опирается на зарубежные модели (например, китайские или сингапурские), которые не всегда применимы к российским условиям [6–8]. Многие фокусируются на успешных ОЭЗ (например, «Алабуга»), но игнорируют проблемы зон в депрессивных регионах [9; 10]. Также имеется дефицит междисциплинарных исследований, объединяющих изучение проблем привлечения инвестиций, разработки нормативной базы, проектных предложений по организации территории ОЭЗ. Актуальным является внедрение эффективных механизмов освоения земель для разных типов ОЭЗ, в том числе туристско-рекреационного типа, где доля фактически неиспользуемых участков достигает 93 %.

С учетом представленной проблематики, целью научной статьи стало выявление и систематизация ключевых проблем в научных исследованиях по вопросам управления объектами недвижимости, землепользования и территориального развития особых экономических зон в России, а также определение перспективных направлений использования земельных ресурсов на примере одной ОЭЗ туристско-рекреационного типа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

На основе применения комплексной методологии по изучению функционирования, землепользования и территориального развития особых экономических зон в России использованы следующие материалы и методы. Основу аналитических сведений об объекте исследования составили официальные данные Минэкономразвития РФ о функционировании особых экономических зон за период с начала их деятельности. Анализ включал сопоставление количественных показателей, таких как площадь земельных участков, объемы инвестиций, выручка, количество рабочих мест и объектов инфраструктуры, что позволило оценить результативность ОЭЗ на основе официальной статистики.

Группировка разных типов ОЭЗ (промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые), основанная на классических принципах системного анализа в ходе экономических исследований, помогла структурировать информацию и выделить ключевые аспекты управления ОЭЗ, выявить различия в особенностях их территориального развития и землепользования.

Авторы провели количественную оценку земельных ресурсов, сравнив общую площадь ОЭЗ с полезной площадью, доступной для аренды или собственности резидентов. Особое внимание уделено ОЭЗ туристско-рекреационного типа. Представленный методический подход, активно используемый в работах по землеустройству и управлению объектами недвижимости, позволяет оценить степень освоенности территорий и выявить резервы для вовлечения земель в экономический оборот.

На примере ОЭЗ ТРТ Кабардино-Балкарской Республики проведен детальный анализ распределения земель по категориям, формам собственности и зонам размещения объектов. Использованы данные проектов планировки и перспективных планов территориального развития. Авторы выделили современные подходы к развитию ОЭЗ, такие как создание кластеров, цифровизация, экологические стандарты, и систематизировали с указанием примеров реализации

и ожидаемых эффектов. На основе анализа данных авторы предложили меры по вовлечению неосвоенных земель в экономический оборот, включая трансформацию видов разрешенного использования, развитие инфраструктуры и агротуризма.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Особые экономические зоны (ОЭЗ) в России являются важным инструментом территориального развития, стимулирующим экономический рост, привлечение инвестиций и создание высокотехнологичных производств. В условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения ОЭЗ приобретают особую значимость, выступая локомотивами региональной экономики.

Нормативно-правовая и регуляторная основа для реализации современной политики РФ в области ОЭЗ базируется на применении льготного режима для инвесторов. ФЗ № 116 «Об особых экономических зонах» (с изменениями 2020–2023 гг.) предусматривает: освобождение от налога на имущество на 10 лет, снижение ставки налога на прибыль (до 2 % в федеральный бюджет и 13,5 % в региональный), ускорение процедуры оформления земельных участков (срок сокращен до 30 дней). Кроме того, гибкие модели землепользования включают использование инструментов долгосрочной аренды с правом выкупа (до 49 лет), специальных земельных аукционов для резидентов ОЭЗ (минимальная ставка – 0,01 % от кадастровой стоимости), концессионных соглашений для инфраструктурных проектов.

На основе анализа этапов становления ОЭЗ, нормативного регулирования их деятельности экономистами выделяются цели создания ОЭЗ, которые целесообразно сгруппировать по направлениям: экономическое, социальное и научно-техническое (рисунок 1). Целевые ориентиры экономического направления, предусматривающие наращивание удельного веса страны в мировой экономике, привлечение иностранного капитала, подъем производства в стране, совершенствование рынка внутри страны, расширение географии национальной экономики преимущественно достигаются в деятельности *ОЭЗ промышленно-производственного типа и портовых ОЭЗ*. Для достижения целей научно-технического развития, связанных с внедрением новейших технологий в производство, повышением уровня научно-технической оснащенности в отраслях экономики, используются *ОЭЗ технико-внедренческого типа*.

Рисунок 1
Система целей деятельности особых экономических зон в Российской Федерации

Figure 1
The system of objectives of activities in special economic zones in the Russian Federation

Такие базовые экономические цели, как увеличение или создание рабочих мест, снижение уровня безработицы, повышение уровня и качество жизни населения отдельных регионов страны, характерны для деятельности всех предусмотренных в России особых экономических зон.

По состоянию на 2023 год из 44 созданных в России ОЭЗ наибольшее число (25) относится к промышленно-производственному типу (ОЭЗ ППТ). Прежде всего, этому способствовало наличие подходящих условий: как правило, такие зоны создаются в крупных промышленных центрах, которые отличаются близостью к ресурсной базе, доступностью к уже готовой инфраструктуре, разветвленной и хорошо организованной транспортно-логистической сети.

Большая часть общей площади ОЭЗ находится в границах зон туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ) – 70,0 тыс. га, или 71 % (таблица 1). При этом полезная площадь (по проекту планировки) для предоставления в аренду резидентам в ОЭЗ ТРТ находится на самом низком уровне среди всех видов зон – 7,2 % от общей площади. Наивысшее значение данного показателя по итогам 2023 года зафиксировано в ОЭЗ ППТ и ПОЭЗ – соответственно 65,6 и 60,2 %.

Показатели объема инвестиций и выручки, количества рабочих мест, созданных на территории ОЭЗ, объектов инженерной инфраструктуры, построенных на территории ОЭЗ, имеют наибольшие значения в ОЭЗ ППТ и ОЭЗ ТВТ – 80 % и более.

Таким образом, уже базовые основы функционирования ОЭЗ и анализ их фактической деятельности показывают, что ключевым активом для их создания, определяя их территориальную организацию и инвестиционную привлекательность, являются земельные ресурсы. Специалистами в сфере региональной экономики подчеркивается, что эффективность ОЭЗ напрямую зависит от рационального зонирования территории и обеспечения инфраструктурной связанности земельных участков [4]. Дополняют теоретические положения И. И. Рахмеева [11] и В. П. Чичканов [12], которые обращают внимание, что земельные ресурсы в ОЭЗ должны рассматриваться не как пассивный актив, а как платформа для формирования территориальных кластеров с мультипликативным эффектом, на инфраструктурной базе которой резидент инвестирует значительные средства в дальнейшее ведение бизнеса.

Процесс управления недвижимостью в особых экономических зонах России имеет динамичный характер, находящийся под влиянием комплекса экономических, политических и технологических факторов, что предопределяет совершенствование управленческих решений и механизмов развития самой системы.

Таблица 1

Основные результаты деятельности особых экономических зон по итогам 2023 года

Table 1

Main results of special economic zones in 2023

№ п/п	Показатель	ОЭЗ ППТ	ОЭЗ ТВТ	ОЭЗ ТРТ	ПОЭЗ	Всего
1	Количество ОЭЗ, ед.	25	7	10	2	44
2	Количество субъектов РФ, ед.	23	6	10	2	41
3	Общая площадь ОЭЗ, га	18 866	5104	61 999	1165	87 134
4	Полезная площадь (по проекту планировки) для предоставления в аренду резидентам, га / % от общей площади	12374 / 65,6	2816 / 55,2	4456 / 7,2	701 / 60,2	20348 / 23,4
5	Суммарная площадь земельных участков, предоставленных в аренду и (или) находящихся в собственности резидентов и иных инвесторов, в полезной площади ОЭЗ, га / %	4950 / 40	1183 / 42	1693 / 38	371 / 58	8139 / 40
6	Объем инвестиций осуществленных резидентами ОЭЗ на территории ОЭЗ в 2023 году, млн руб / млн руб. на 1 га	467394 / 24,8	174605 /34,2	16214 / 0,3	7158 / 6,1	665371 / 7,6
7	Объем выручки в 2023 году от продажи товаров выполнения работ, оказания услуг, млн руб / млн руб. на 1 га	376382 / 20,0	435333 / 85,3	1539 / 0,02	7691 / 6,6	763754 / 8,8
8	Количество рабочих мест, созданных на территории ОЭЗ, ед.	40839	38995	1707	1433	82974
9	Количество объектов инженерной инфраструктуры, построенных на территории ОЭЗ и введенных в эксплуатацию, ед. накопленным итогом	794	789	370	35	1988

Источник: Данные Минэкономразвития России [1]

Source: Information from the Ministry of Economic Development of Russia

[1] Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2023 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskih_zon_za_2023_god.html (дата обращения: 03.07.2025).

Изучая вопросы развития землепользования и организации территории ОЭЗ, авторами статьи проведена систематизация подходов к территориальному развитию ОЭЗ в России в условиях меняющихся внешних и внутренних вызовов (таблица 2).

В разрезе таких направлений и категорий, как нормативно-правовое регулирование, землепользование, кластерные модели, цифровизация, инфраструктура, экология и других, авторами статьи с учетом успешных примеров реализации выделяются современные подходы к территориальному развитию ОЭЗ: создание отраслевых кластеров, развитие сопутствующей инфраструктуры, внедрение ГИС для управления земельными участками, цифровые двойники территорий и т. д.

Возможными эффектами от внедрения предлагаемых подходов и механизмов управления станут снижение налоговой нагрузки, ускорение ввода объектов в эксплуатацию, повышение инвестиционной привлекательности, рост числа резидентов, снижение логистических издержек, повышение прозрачности сделок, оптимизация управления ресурсами и другие.

В сложившейся практике особые экономические зоны представляют собой крупный комплексный проект, включающий несколько локальных проектов, которые объединены общей целью и направлениями экономической деятельности, выделенными ресурсами и временем выполнения.

В этой связи экономисты всю совокупность реализуемых на территории ОЭЗ проектов разделяют на две группы: инфраструктурные проекты, предусматривающие создание на территории ОЭЗ объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и другой инфраструктуры; и инвестиционные проекты резидентов ОЭЗ, характеризующиеся автономностью и реализующиеся в соответствии со стратегическими целями создания и функционирования ОЭЗ (рисунок 2).

Таблица 2

Систематизация подходов к территориальному развитию ОЭЗ в России

Table 2

Systematization of approaches to the territorial development of SEZs in Russia

Категория, направление	Современные подходы	Примеры реализации	Эффект от реализации
Нормативно-правовое регулирование	Льготное налогообложение; Упрощенный порядок оформления земель	ОЭЗ «Алабуга» (Татарстан), ОЭЗ «Дубна» (Московская обл.)	Снижение налоговой нагрузки до 40 %, ускорение ввода объектов в эксплуатацию
Землепользование	Долгосрочная аренда до 49 лет с правом выкупа; Специальные земельные аукционы (от 0,01 % кадастровой стоимости)	ОЭЗ «Титановая долина» (Свердловская обл.), ОЭЗ «Ульяновск»	Повышение инвестиционной привлекательности, рост числа резидентов
Кластерные модели	Создание отраслевых кластеров (авто, IT, фарма); Развитие сопутствующей инфраструктуры	Автокластер в ОЭЗ «Алабуга», IT-кластер в «Иннополисе»	Снижение логистических издержек на 15–20 %, синергетический эффект
Цифровизация	Внедрение ГИС для управления земельными участками; Использование блокчейна для регистрации сделок; Цифровые двойники территорий	ОЭЗ «Дубна», ОЭЗ «Иннополис»	Повышение прозрачности сделок, оптимизация управления ресурсами
Инфраструктура	Готовые промышленные парки «под ключ»; Развитие телекоммуникаций (5G)	ОЭЗ «Алабуга», ОЭЗ «Технополис Москва»	Сокращение сроков запуска производств на 30–50 %
Экология и ESG	«Зеленые» стандарты строительства; Развитие возобновляемой энергетики	ОЭЗ «Каспий» (ветроэнергетика), ОЭЗ «Ступино» (экостандарты)	Повышение устойчивости, соответствие международным требованиям
Международное сотрудничество	Создание трансграничных ОЭЗ; Привлечение иностранных инвесторов (Китай, ЕАЭС)	ОЭЗ «Надеждинская», проект ОЭЗ «Россия-Казахстан»	Рост экспортно-ориентированных производств
Кадровая политика	Создание учебных центров на базе ОЭЗ; Программы переподготовки	«Академия Алабуга», ОЭЗ «Дубна»	Обеспечение предприятий квалифицированными кадрами
Маркетинг и продвижение	Участие в международных выставках (EXPO, SPIEF); Таргетированная реклама отраслевым инвесторам	Презентации ОЭЗ «Иннополис» на IT-форумах, продвижение ОЭЗ «Ступино»	Привлечение стратегических инвесторов

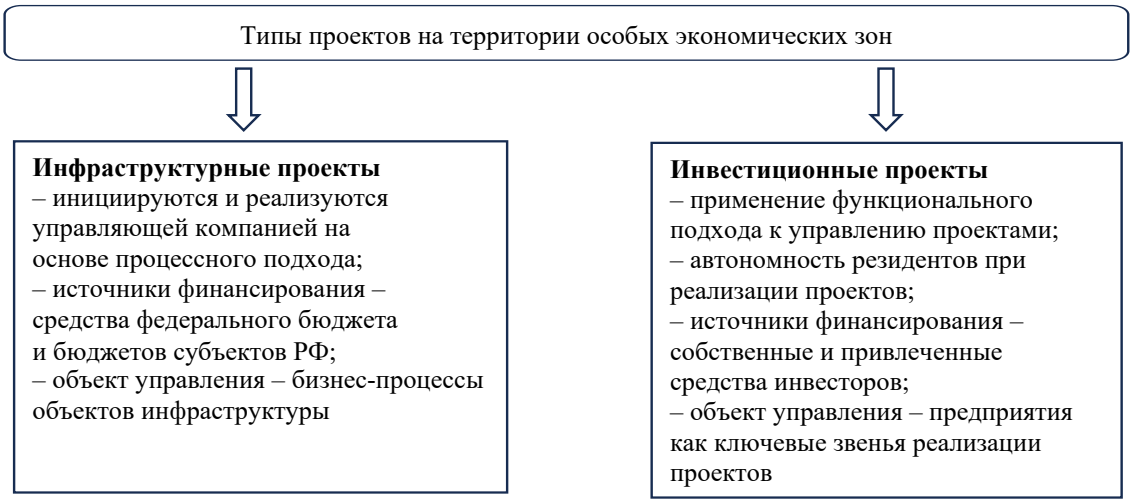

Рисунок 2
Характеристика типов проектов на территории особых экономических зон

Figure 2
Characteristics of project types in special economic zones

Обобщая содержание схемы на рисунке 2, можно сделать вывод об относительно более высоком риске достижения целей при реализации инвестиционных проектов, где резиденты за счет собственных и иных внебюджетных средств имеют большую свободу при осуществлении производственной, коммерческой, финансовой деятельности. Объектом управления здесь является предприятие как юридическое лицо с определенной структурой, функциями и комплексом экономических отношений в системе реализации проектов. Земельные участки и объекты недвижимости выступают в качестве пространственного базиса для функционирования предприятий-резидентов.

Как отмечает А. С. Фартушина, «инфраструктурные проекты инициируются и реализуются управляющей компанией на основе процессного подхода, что позволяет прогнозировать результаты с достаточно высокой степенью объективности и минимизировать риски» [13]. Создание объектов инфраструктуры с соответствующим земельно-хозяйственным устройством территории становится одной из ключевых задач предприятия.

Как уже было показано выше, наиболее значительные площади среди всех видов ОЭЗ отведены под зоны туристско-рекреационного типа, где к основным задачам относится создание и обслуживание туристских, рекреационных и курортных центров, сохранение окружающей среды, природных и культурных ценностей [14; 15]. Их решение невозможно без анализа особенностей использования земли с учетом опыта льготного режима землепользования и налогообложения, проблем включения земельных ресурсов в состав полезной площади для предоставления в аренду резидентам и стоимость материальных активов хозяйствующих субъектов.

Рассмотрим аспекты практического использования земельных ресурсов и иных объектов недвижимости на примере ОЭЗ туристско-рекреационного типа Кабардино-Балкарской Республики.

Вся территория ОЭЗ состоит из 68 смежных земельных участков на общей площади 2682,1 га (таблица 3). Земли распределены между четырьмя категориями земельного фонда, 95 % которых относится к категории особо охраняемых территорий и объектов.

В государственной и муниципальной собственности находится 99,96 % земель ОЭЗ, или 62 из 68 зарегистрированных земельных участков. 87,5 % земель находятся в федеральной собственности и 10,8 %, из которых более половины находятся в аренде. В неразграниченном статусе остаются 24 земельных участка на площади 41,65 га, или 1,5 % (таблица 4), в т. ч. 7 участков используются на правах постоянного (бессрочного) пользования на площади 9,29 га, и 15 участков находятся в аренде на площади 31,1 га.

Основными землепользователями в составе федеральной собственности являются ФГБУ «Национальный парк «Приэльбрусье», ГУП КБР «Учебно-тренировочная база «Мир», ФГБОУ ВПО «МГУ им. М. В. Ломоносова». В муниципальной собственности находятся земельные участки села Эльбрус.

Таблица 3

Распределение земель особой экономической зоны туристско-рекреационного типа Кабардино-Балкарской Республики по категориям земельного фонда

Table 3

Distribution of lands of the special economic zone of the tourist and recreational type of the Kabardino-Balkarian Republic by land fund categories

№ п/п	Категория земель	Количество земельных участков	Площадь, (га)	% к итогу
1	Земли населенных пунктов	7	4,16	0,15
2	Земли особо охраняемых территорий и объектов	57	2 543,06	94,82
3	Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения	3	0,60	0,02
4	Земли сельскохозяйственного назначения	1	134,28	5,01
	Итого	68	2 682,10	100,00

Источник: По данным Министерства курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики [2]

Source: According to the Ministry of Resorts and Tourism of the Kabardino-Balkarian Republic

Таблица 4

Распределение земель особой экономической зоны туристско-рекреационного типа Кабардино-Балкарской Республики по формам собственности

Table 4

Distribution of lands of the special economic zone of the tourist and recreational type of the Kabardino-Balkarian Republic by ownership form

№ п/п	Форма собственности	Количество земельных участков	Площадь, га	% к итогу	Основные землепользователи
1	Государственная и муниципальная собственность, в т. ч.:	62	2680,92	99,96	***
	– собственность Российской Федерации, собственность субъекта Российской Федерации	16	2348,66	87,57	ФГБУ «Национальный парк «Приэльбрусье», ГУП КБР «Учебно-тренировочная база «Мир», ФГБОУ ВПО «МГУ им. М. В. Ломоносова»
	– муниципальная собственность	22	290,61	10,84	Территория с. Эльбрус
	– неразграниченная государственная собственность	24	41,65	1,55	ОАО «Эльбрустурист», ООО «Эльбрусмежтранс», ПАО «Курорт Эльбрус», АО «Курорты Северного Кавказа»
2	Частная собственность	6	1,18	0,04	АО «Курорты Северного Кавказа», физические лица
	Итого	68	2 682,10	100	***

Источник: По данным Министерства курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики [3]

Source: According to the Ministry of Resorts and Tourism of the Kabardino-Balkarian Republic

[2] Перспективный план развития туристско-рекреационной особой экономической зоны на территориях Эльбрусского и Зольского муниципальных районов Кабардино-Балкарской Республики на период до 2029 года. URL: https://minturizm.kbr.ru/upload/medialibrary/b1f/proekt_raspor_OEZ26.02.docx https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskih_zon_za_2023_god.html (дата обращения: 15.06.2025).

[3] Перспективный план развития туристско-рекреационной особой экономической зоны на территориях Эльбрусского и Зольского муниципальных районов Кабардино-Балкарской Республики на период до 2029 года. URL: https://minturizm.kbr.ru/upload/medialibrary/b1f/proekt_raspor_OEZ26.02.docx https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskih_zon_za_2023_god.html (дата обращения: 15.06.2025).

В соответствии с проектом планировки территории ОЭЗ ТРТ Кабардино-Балкарской Республики 2019 года предусмотрено выделение зон размещения объектов. Их краткая характеристика представлена в таблице 5, фрагмент схемы – на рисунке 3. Описание территориальных зон показывает, что в 8 из 10 территориальных зон на перспективу предусмотрена различного рода застройка для обслуживания потока гостей, проживания на курорте, предоставления широкого выбора услуг, проведения научно-исследовательских и проектно-изыскательских мероприятий, занятия спортом и физкультурой.

В двух наиболее значительных по площади природных комплексах – зоне зеленых насаждений общего пользования и зоне природных ландшафтов – предусматривается сохранение естественных качеств окружающей природной среды путем ограничения хозяйственной деятельности, организации пешеходных дорожек, обустройства трасс для зимних походов, соблюдения режима использования природных ресурсов в заказниках, сохранения свойств земель, являющихся особо ценными.

При этом по проекту планировки ОЭЗ ТРТ Кабардино-Балкарской Республики полезная площадь, предназначенная для предоставления резидентам, по состоянию на 2023 год составляет 51 га, или 1,9 %. Фактически предоставлено резидентам и иным инвесторам, заключившим соглашения о взаимодействии в сфере создания инфраструктуры ОЭЗ, – 35 га (таблица 6).

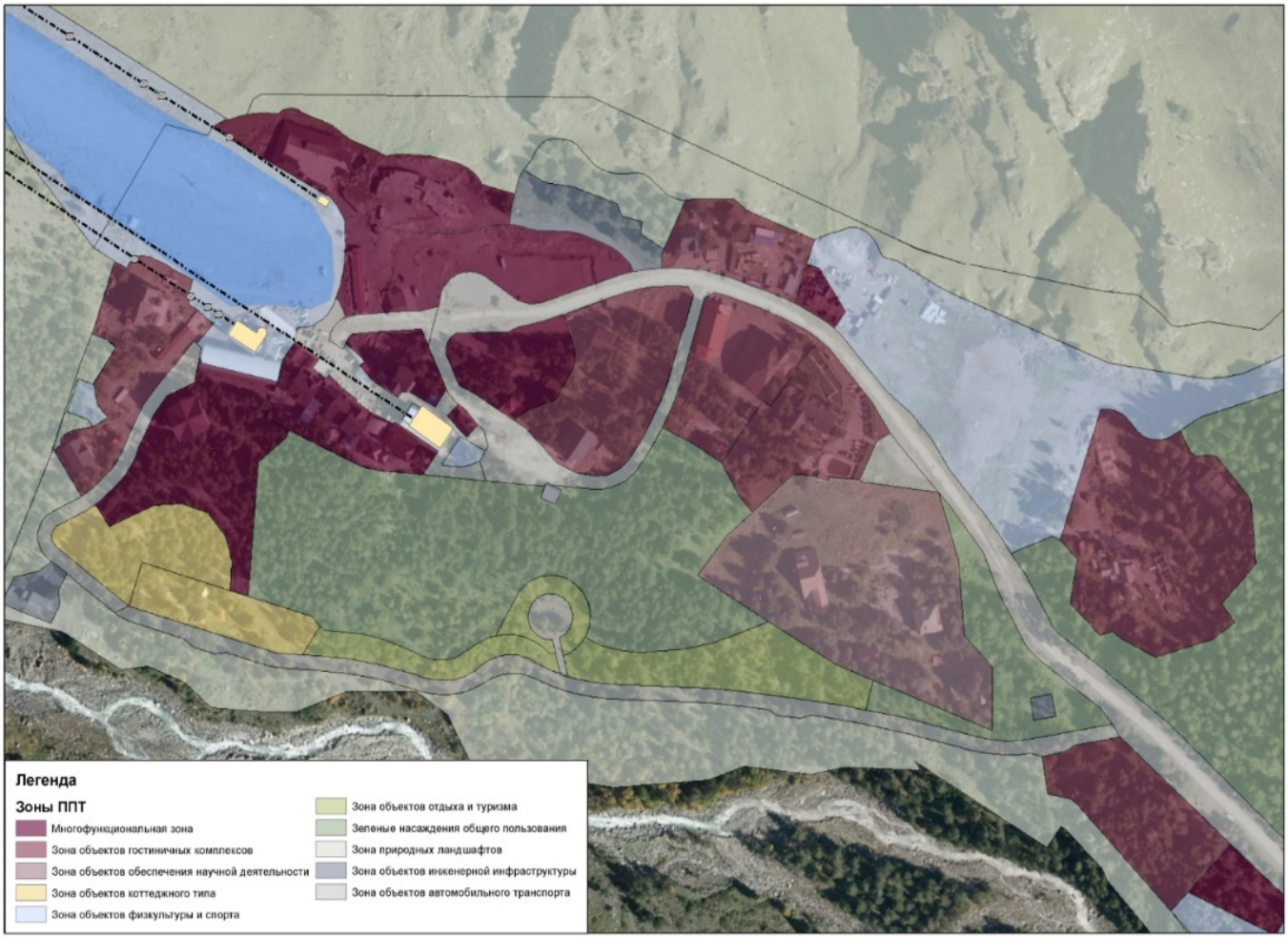

Рисунок 3
Фрагмент схемы размещения особой экономической зоны туристско-рекреационного типа Кабардино-Балкарской Республики

Figure 3
Fragment of the layout of the special economic zone of the tourist and recreational type in the Kabardino-Balkarian Republic

Таблица 5

Характеристика зон размещения объектов на территории ОЭЗ ТРТ Кабардино-Балкарской Республики

Table 5

Characteristics of the sites located in the TRT SEZ of the Kabardino-Balkarian Republic

№ п/п	Территориальная зона	Расположение	Характеристика
1	Многофункциональная зона	Азау	Запланирована сконцентрированная застройка для обслуживания большого потока гостей, предоставления широкого выбора услуг, видов деятельности
2	Зона объектов гостиничных комплексов	Азау	Основное предназначение – размещение гостиниц и апарт-отелей
3	Зона обеспечения научной деятельности	Азау	Территория УНБ МГУ им. М. В. Ломоносова, включающая объекты капитального строительства для проведения научно-исследовательских и проектно-изыскательских мероприятий
		Горная часть	Территория международной астрономической обсерватории и метеостанции (в настоящее время недействующая)
4	Зона объектов коттеджного типа	Азау	Предназначена для застройки отдельно стоящими коттеджами или шале, что расширяет линейку предложений типов мест размещения на курорте
5	Зона объектов физкультуры и спорта	Азау	Предусматривает устройство площадок для занятия спортом и физкультурой, размещение спортивных баз и лагерей
		Горная часть	Предусмотрены горнолыжные трассы, сноу-парки, озера для оснежения, станции канатных дорог, гаражи гондол, укрытия и мастерские для ратраков и другая сопутствующая инфраструктура
6	Зона объектов отдыха и туризма	Азау	Предусмотрено размещение сооружений, пригодных к использованию в качестве жилья (палаточные городки, кемпинги и т. п.) с возможностью подключения к инженерным сетям, находящимся на земельных участках общего пользования
7	Зона зеленых насаждений общего пользования	Азау	Предусматривает сохранение естественных качеств окружающей природной среды путем ограничения хозяйственной деятельности, организации пешеходных дорожек, обустройства трасс для зимних походов
8	Зона природных ландшафтов	Земли особо охраняемых территорий и объектов	Самая большая по площади зона ВТРК «Эльбрус», предусматривающая сохранение естественных качеств окружающей природной среды путем ограничения хозяйственной деятельности, соблюдения режима использования природных ресурсов в заказниках, сохранения свойств земель, являющихся особо ценными
9	Зона объектов инженерной инфраструктуры	По всей территории ОЭЗ	Предусмотрено размещение объектов инженерной инфраструктуры для обеспечения функционирования курорта: коммунальное обслуживание, связь, специальное пользование водными объектами, гидротехнические сооружения
10	Зона транспортной и коммунальной инфраструктур	Азау	Зона транспортной инфраструктуры включает размещение: – технически связанных с автодорогами сооружений; – земельных участков общего пользования; – объектов гаражного назначения; – объектов капитального строительства, предназначенных для оказания населению или организациям бытовых услуг

Таблица 6

Характеристика зон размещения объектов на территории ОЭЗ ТРТ Кабардино-Балкарской Республики

Table 6

Characteristics of the zones where facilities are located in the TRT SEZ of the Kabardino-Balkarian Republic

№ п/п	Показатель	2019 год	2023 год
1	Общая площадь ОЭЗ, га	2682,1	2682,1
2	Полезная площадь (по проекту планировки) для предоставления в аренду резидентам, га	25,0	51,0
3	Суммарная площадь земельных участков, предоставленных в аренду и (или) находящихся в собственности резидентов и иных инвесторов, в полезной площади ОЭЗ, га	0	35,0

Отметим, что с 2019 по 2023 год отмечается незначительное увеличение как полезной площади в границах данной ОЭЗ (на 26 га), так и фактически предоставленной (на 35 га). Условия землепользования на территории ОЭЗ Кабардино-Балкарской Республики для продолжения и развития данного процесса имеются в виде наличия 134 га земель сельскохозяйственного назначения и 291 га земель муниципальной собственности, но с рядом условий, учетом юридических, инфраструктурных и экологических ограничений.

Включение сельхозземель в проекты планировки ОЭЗ целесообразно для агротуризма, ландшафтного дизайна и рекреации, создания экоферм, виноделен с дегустационными залами, а также производства местных продуктов при снабжении курортных объектов. Оптимальный путь – поэтапное включение этих территорий в ОЭЗ с соответствующими проектами, сочетающими туризм и агротематику.

Преимущества использования муниципальных земель в ходе расширения полезной площади ОЭЗ ТРТ связаны с относительной гибкостью в территориальном зонировании, возможностями изменения видов разрешенного использования в рамках правил землепользования и застройки (ПЗЗ), высоким потенциалом для инфраструктурных проектов. Данные земельные участки можно использовать под:

– объекты туризма (отели, кемпинги, СПА-комплексы);
– рекреационные зоны (парки, терренкуры, спортивные трассы);
– сопутствующую инфраструктуру (рестораны, торговые площадки, сервисные центры).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье были изучены ключевые аспекты управления земельными ресурсами в особых экономических зонах России с акцентом на проблемы вовлечения неосвоенных территорий в экономический оборот. Основное внимание уделено анализу эффективности использования земель в различных типах ОЭЗ, включая промышленно-производственные, технико-внедренческие, портовые и туристско-рекреационные зоны. На примере ОЭЗ туристско-рекреационного типа Кабардино-Балкарской Республики рассмотрены практические механизмы расширения полезной площади и повышения инвестиционной привлекательности.

Полученные результаты показали, что, несмотря на значительные площади, выделенные под ОЭЗ, особенно туристско-рекреационного типа, их полезное использование остается крайне низким – в среднем не более 7,2 %. Основными препятствиями являются бюрократические барьеры, недостаток инфраструктуры и сложности в изменении разрешенного вида использования земель. При этом выявлено, что наибольшая эффективность достигается в промышленно-производственных и технико-внедренческих зонах, где доля освоенных территорий превышает 60 %.

Практическая значимость исследования заключается в предложенных мерах по оптимизации землепользования, включая:

– внедрение гибких механизмов аренды и выкупа земель, таких как долгосрочная аренда до 49 лет и специальные аукционы с минимальными ставками;
– развитие инфраструктурных проектов, включая цифровизацию управления земельными участками (ГИС, блокчейн);
– использование кластерного подхода для создания синергетического эффекта в туристско-рекреационных зонах, например, сочетание агротуризма с рекреационными услугами;
– поэтапное включение в оборот земель сельскохозяйственного назначения и муниципальных территорий с учетом экологических и юридических ограничений.

Разработанную методику возможно применить не только для анализа других ОЭЗ в России, но и для адаптации зарубежного опыта к российским условиям. В частности, перспективным направлением является изучение трансграничных ОЭЗ и механизмов привлечения иностранных инвестиций, особенно в условиях санкционного давления.

В качестве направлений будущих исследований можно выделить:

– разработку унифицированных критериев оценки эффективности управления земельными ресурсами в ОЭЗ, учитывающих региональную специфику;
– изучение влияния ESG-стандартов на инвестиционную привлекательность ОЭЗ, включая «зеленое» строительство и возобновляемую энергетику;
– анализ роли цифровых технологий (например, цифровых двойников территорий) в прогнозировании развития ОЭЗ.

Проведенное исследование подтверждает, что оптимизация землепользования в ОЭЗ способна стать драйвером регионального развития, обеспечивая рост инвестиций, создание рабочих мест и повышение конкурентоспособности территорий. Реализация предложенных мер требует скоординированных действий государства, бизнеса и научного сообщества для преодоления существующих барьеров и максимального использования потенциала ОЭЗ.

Вклад авторов

Иванов Н. И.: руководство исследованием, концептуализация, редактирование рукописи.

Иванова Н. А.: администрирование, анализ и верификация данных.

Рига А. А.: создание черновика рукописи, визуализация, табличное сопровождение результатов исследования, обзор литературных источников.

Contributions

Ivanov N. I.: supervision, conceptualization, writing-review & editing.

Ivanova N. A.: project administration, formal analysis, validation.

Riga A. A.: writing-original draft, visualization, resources.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Hanson P. The Current State of the Russian Economy. *Russian Analytical Digest.* 2014;149:2-6.
2. Porter M.E. Clusters and Special Economic Zones: Common Roots, Different Approaches. *Harvard Business Review.* 2000;6:77-90.
3. Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации. *Вопросы экономики.* 2001;9:15-28. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2001-9-15-28 EDN MZYTKH

   Granberg A.G. The Strategy of Russia's Territorial Socioeconomic Development: From Idea to Implementation. *Economic issues.* 2001;9:15-28. (In Russ.). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2001-9-15-28 EDN MZYTKH
4. Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем. *Регион: экономика и социология*. 2008;2:120-150. EDN IYDAHR

   Granberg A.G., Suslov V.I., Supitsyn S.A. Economic-mathematical Studies of Multiregional Systems. *Region: Economics and Sociology*. 2008;2:120-150. (In Russ.). EDN IYDAHR
5. Пухов О.В., Прошкина Е.В. Особые экономические зоны: современное состояние и эффективность функционирования. *Экономические и гуманитарные науки*. 2022;9:91-97. https://doi.org/10.33979/2073-7424-2022-368-9-91-97 EDN CYJRCD

   Pukhov O.V., Proshkina E.V. Special Economic Zones: Current State and Effectiveness of Functioning. *Economic and Humanitarian Sciences*. 2022;9:91-97. (In Russ.). https://doi.org/10.33979/2073-7424-2022-368-9-91-97 EDN CYJRCD
6. Shuibao Zh. Special Economic Zones in the People's Republic of China: the Initial Stages. *Lex Portus.* 2019;3:21-35. https://doi.org/10.26886/2524-101X.3.2019.2
7. Майоров И.М., Щеглов М.В. Свободные экономические зоны как инструмент привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику: опыт Китая. *Фундаментальные исследования*. 2018;3:52-57. EDN YUUOQQ

   Mayorov I.M., Shcheglov M.V. Free Economic Zones as a Tool for Attracting Foreign Investment in the National Economy: Experience of China. *Fundamental Research*. 2018;3:52-57. (In Russ.). EDN YUUOQQ
8. Цзи Ци, Алексеев Ю.Г., Дудко Н.А. Функционирование зоны развития новых и высоких технологий «Китайско-сингапурский индустриальный парк Сучжоу». *Наука и техника*. 2017;3:262-270. https://doi.org/10.21122/2227-1031-2017-16-3-262-270

   Qi Ji, Aliakseyeu Yu.G., Dudko N.A. Operation of New and High-Tech Development Zone – «ChinaSingapore Suzhou Industrial Park». *Science and Technique*. 2017;3:262–270. (In Russ.). https://doi.org/10.21122/2227-1031-2017-16-3-262-270
9. Соловьев Н.А. Сравнение особых экономических зон технико-внедренческого и промышленно-производственного типа на примере ОЭЗ Иннополис и ОЭЗ Алабуга. *Вестник Евразийской науки*. 2024;16(2):56. EDN ORMGAF

   Solovyov N.A. Comparison of special economic zones of technical innovation and industrial production type using the example of the Innopolis SEZ and Alabuga SEZ. *The Eurasian Scientific Journal.* 2024;16(2):56. (In Russ.). EDN ORMGAF
10. Платонова Т.Е. Особые экономические зоны Российской Федерации и их вклад в развитие региональной экономики. *Экономические науки.* 2024;11(240):207-212. https://doi.org/10.14451/1.240.207

    Platonova T.E. Special Economic Zones of the Russian Federation and Their Contribution to the Development of the Regional Economy. *Economic Sciences.* 2024;11(240):207-212. (In Russ.). https://doi.org/10.14451/1.240.207
11. Рахмеева И.И., Чеснокова Л.К. Особые экономические зоны: эконометрическая оценка эффектов и перспективы развития. *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика.* 2023;18(1):5-24. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2023-1-5-24 EDN OJEUNF

Rakhmeeva I.I., Chesnyukova L.K. Special Economic Zones: Econometric Assessment of Effects and Development Prospects. *Perm University Herald. Economy.* 2023;8(1):5-24. (In Russ.). https://doi.org/10.17072/1994-9960-2023-1-5-24 EDN OJEUNF

12. Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А. Территории опережающего развития в контексте обеспечения экономической безопасности макрорегиона. *Экономика региона*. 2018;14(1):227-242. https://doi.org/10.17059/2018-1-18 EDN YWWBTO

    Chichkanov V.P., Belyaevskaya-Plotnik L.A. Priority Development Areas in the Context of the Economic Security of Macro-Region. *Economy of Region*. 2018;14(1):227-242. (In Russ.). https://doi.org/10.17059/2018-1-18 EDN YWWBTO

13. Фартушина А.С. Формирование системы управления особой экономической зоной: теоретический аспект. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика.* 2017;3:36-40. https://doi.org/10.24143/2073-5537-2017-3-36-40 EDN ZHMWCB

    Fartushina A.S. Formation of a Special Economic Zone Management System: The Theoretical Aspect. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics.* 2017;3:36-40. https://doi.org/10.24143/2073-5537-2017-3-36-40 (In Russ.). EDN ZHMWCB

14. Фомин А.А., Мамонтова И.Ю. Состояние земельных и водных ресурсов планеты и методы устойчивого ведения сельского хозяйства. *Международный сельскохозяйственный журнал.* 2022;4(388):420-422. https://doi.org/10.55186/25876740_2022_65_4_420 EDN YCDWJX

    Fomin A.A., Mamontova I.Yu. The State of the Land and Water Resources and Methods of Sustainable Agriculture. *International Agricultural Journal*. 2022;4(388):420-422. (In Russ.). https://doi.org/10.55186/25876740_2022_65_4_420 EDN YCDWJX

15. Klystun V.N., Stolyarov V.M. Thirty Years of Land Transformation in Russia. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2020;579:012126. https://doi.org/10.1088/1755-1315/579/1/012126

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-3

Исследовательская статья

Особенности и предпочтения вьетнамской молодежи в туристических направлениях по России

Чан Хоанг Ань

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

chan.ka@students.dvfu.ru

Ву За Чунг

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

vu.zc@dvfu.ru

Галенко Елена Васильевна

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

SPIN-код: 8521-3310

galenko.ev@dvfu.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Чан Х.А., Ву З.Ч., Галенко Е.В. Особенности и предпочтения вьетнамской молодежи в туристических направлениях по России. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2025;3:3.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-3
EDN PUZFMZ

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:
авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 08.05.2025
ДОРАБОТАНА: 08.09.2025
ПРИНЯТА: 10.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Чан Х.А., Ву З.Ч., Галенко Е.В.

АННОТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. В сложившихся условиях геополитической ситуации Вьетнам становится важным партнером России в области туризма, что открывает новые горизонты для развития двустороннего туристического обмена. В 2024 году во Вьетнаме побывали примерно 232 300 россиян, в то время как из России во Вьетнам приехало всего 4,7 тысячи человек. Однако потенциал выездного туризма из Вьетнама в Россию остается в значительной степени неиспользованным из-за недостаточного понимания предпочтений молодых вьетнамских туристов.

ЦЕЛЬ. Анализ туристических предпочтений вьетнамской молодежи, выявление препятствий для выбора России в качестве направления и разработка рекомендаций по повышению привлекательности российских регионов для этой аудитории.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Применялись социологические опросы среди вьетнамской молодежи (18–29 лет), глубинное интервью с экспертом, контент-анализ социальных сетей, сравнительный анализ стоимости и времени перелетов, а также системный анализ существующих туристических программ.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Исследования показали, что вьетнамская молодежь высоко ценит путешествия как способ получения впечатлений, отдавая предпочтение доступным направлениям, позволяющим увидеть уникальные пейзажи и получить культурный опыт. Несмотря на низкую осведомленность о молодежных турах в Россию, интерес к аутентичным впечатлениям остается высоким. Основным препятствием является ограниченная информация и отсутствие специализированных туров для молодежи.

ВЫВОДЫ. Для привлечения молодежи необходимо разрабатывать туры, учитывающие в программе пребывания особенности вьетнамской молодежи и предпочтения, а также их активное продвижение через социальные сети.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежный туризм, туристические предпочтения, поведение туристов, вьетнамская молодежь

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-3 Research article

Features and Preferences of Vietnamese Youth in Tourist Destinations in Russia

Tran Hoang Anh
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
chan.ka@students.dvfu.ru

Elena V. Galenko
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
galenko.ev@dvfu.ru

Vu Za Chung
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
vu.zc@dvfu.ru

TO CITE:
Tran H.A., Vu Z.C., Galenko E.V. Features and Preferences of Vietnamese Youth in Tourist Destinations in Russia. *Research in Economic and Financial Problems.* 2025;3:3.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-3
EDN PUZFMZ

DECLARATION OF COMPETING INTEREST: none declared.

RECEIVED: 08.05.2025
REVISED: 08.09.2025
ACCEPTED: 10.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Tran H. A., Vu Z. C., Galenko E. V.

ABSTRACT

INTRODUCTION. In the current geopolitical situation, Vietnam is becoming an important partner for Russia in the field of tourism, which opens up new horizons for the development of bilateral tourist exchange. In 2024, approximately 232,300 Russians visited Vietnam, while only 4.7 thousand people came from Russia to Vietnam. However, the potential of outbound tourism from Vietnam to Russia remains largely untapped due to a lack of understanding of the preferences of young Vietnamese tourists.

AIM. To analyze tourist preferences of Vietnamese youth, identification of obstacles to choosing Russia as a destination and development of recommendations to increase the attractiveness of Russian regions for this audience.

MATERIALS AND METHODS. The study used sociological surveys among Vietnamese youth (18–29 years old), in-depth interviews with experts, content analysis of social networks, comparative analysis of the cost and time of flights, and a systemic analysis of existing tourism programs.

RESULTS. The study showed that Vietnamese youth highly value travel as a way to gain impressions, giving preference to accessible destinations that allow them to see unique landscapes and gain cultural experience. Despite the low awareness of youth tours to Russia, interest in authentic experiences remains high. The main obstacle is limited information and the lack of specialized tours for youth.

CONCLUSIONS. To attract young people, it is necessary to develop tours that take into account the characteristics of Vietnamese youth and their preferences in the program of stay, as well as their active promotion through social networks.

KEYWORDS: youth tourism, tourist preferences, tourist behavior, Vietnamese youth

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современной геополитической обстановки и переориентации российского туристического рынка на азиатское направление Вьетнам становится ключевым партнером в сфере туризма [1]. Укрепление дружественных отношений между странами, рост уровня жизни среднего класса во Вьетнаме и растущий интерес к России создают благоприятные условия для развития въездного туризма из Вьетнама. Стоит отметить, что туристические компании и другие предприятия индустрии гостеприимства сталкиваются с трудностями в привлечении туристов, в том числе из Вьетнама. Это связано с тем, что они не всегда могут понять потребности молодых туристов из этой страны. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость более глубокого изучения выделенной проблемы, чтобы сделать российские регионы более привлекательными для туристов.

Несмотря на то, что проблематика молодежного туризма достаточно широко освещена в научной литературе, специфика восприятия российских туристических направлений вьетнамской молодежью изучена фрагментарно. Анализируя новые геополитические вызовы современного мира и сложившееся восприятие России во Вьетнаме, авторы выявили положительные аспекты образа России, которые сформировались у вьетнамцев. Эти аспекты связаны в основном с социокультурной сферой и укреплением позиций России на международной арене. Основные позитивные тенденции в формировании образа России включают:

- создание имиджа России как туристической страны с разнообразной природой, множеством достопримечательностей и красивыми городами;
- формирование образа России как страны с богатой культурой и искусством;
- укрепление дружественных отношений между Россией и Вьетнамом;
- признание России как потенциального рынка для привлечения вьетнамских инвестиций;
- готовность России противостоять экономическим санкциям западных стран.

Активное развитие сотрудничества в сфере образования, культуры и туризма подтверждается большим количеством квот для вьетнамских студентов и заявок на обучение в российских учебных заведениях. Культурные связи укрепляются через регулярные выставки, а Вьетнам занимает прочные позиции как популярное туристическое направление [1–3].

В работах других исследователей подчеркивается растущий интерес к путешествиям по России, который растет из-за активизации предпринимательства, государственной поддержки и цифровизации туризма. Авторы подчеркивают изменения в последние годы туристического спроса, который индивидуализируется, показывает возросшие требования к качеству и разнообразию услуг. Несмотря на то, что Россия обладает значительными туристско-рекреационными ресурсами для культурного, научного, делового, религиозного, спортивного, сельского, горнолыжного, экстремального, лечебно-оздоровительного, круизного и рыболовного туризма, а въездной туризм в страну привлекает миллионы иностранных туристов, для них Москва и Санкт-Петербург остаются ключевыми направлениями. С целью создания новых центров притяжения туристов необходимо активнее использовать богатейшие туристические ресурсы Дальневосточного Приморья, побережья Каспийского, Черного, Азовского, Балтийского морей, где в перспективе могут отдыхать более 10 млн туристов, в том числе вьетнамская молодежь [4–8].

В рамках углубленного анализа туристического рынка другая группа исследователей детально изучила характеристики молодых туристов, включая их поведенческие паттерны, потребительские предпочтения, вкусовые ориентиры, а также динамику спроса и предложения [3; 9–12]. Следует отметить, что молодые туристы составляют значимый сегмент туристического рынка, демонстрируя более высокую частоту поездок и склонность к открытию новых направлений. Они также менее подвержены ограничениям, связанным с природными катаклизмами или политическими нестабильностями. Молодые люди проявляют высокую активность во время путешествий, предпочитая разнообразные виды деятельности. Сегментационные исследования показывают, что предпочтения в отношении видов деятельности варьируются в зависимости от социально-демографических характеристик, мотивации путешествий и поведенческих особенностей [6; 13–16]. В частности, некоторыми авторами [3; 8; 17; 18] установлено, что молодые мужчины склонны к активному отдыху и занятиям спортом, в то время как женщины предпочитают шопинг. Молодые туристы младшего возраста более активны и участвуют в большем количестве мероприятий. Они любят новое и интересное, поэтому активно используют технологии дополненной и виртуальной реальности. Эти технологии дополняют их отдых увлекательными виртуальными экскурсиями и делают путешествия еще более привлекательными. Связи между уровнем образования и предпочтениями в отношении видов деятельности не обнаружено, что указывает на многофакторность в формировании потребительских предпочтений

данной группы. Данные изыскания авторов позволили сформировать комплексный портрет современного молодого путешественника, что является важным шагом в понимании специфики данной демографической группы.

Некоторые авторы современные исследования туризма молодежи сосредоточили на общих тенденциях поведения поколений Y и Z, таких как стремление к аутентичным впечатлениям и цифровому планированию поездок [13]. Однако специфика предпочтений вьетнамской молодежи в контексте России остается малоизученной, а существующие работы часто игнорируют барьеры, связанные с восприятием и доступностью информации о российских направлениях [2]. Данное исследование призвано заполнить этот пробел, анализируя туристские привычки и барьеры для вьетнамской молодежи.

Цель работы – проанализировать особенности туристического поведения вьетнамской молодежи, выявить основные причины низкой популярности России как туристического направления и разработать комплекс мер по оптимизации туристического предложения для данной целевой группы.

В статье представлены гипотезы о том, что географическая удаленность, недостаток информации и отсутствие молодежных туров снижают интерес к России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для изучения специфики управления восприятием молодых туристов из Вьетнама с целью их привлечения в регионы России был использован индуктивный подход в рамках интерпретативной парадигмы. Этот подход позволил выявить закономерности на основе анализа конкретных данных и их интерпретации с учетом субъективных предпочтений и поведения целевой аудитории.

В исследовании использовалась выборка, ориентированная исключительно на молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет. Социологический опрос проводился на вьетнамском языке с декабря 2024 года через онлайн-анкеты в интернете на платформах социальных сетей и университетские рассылки для охвата широкой аудитории. Опрос был ориентирован на вьетнамских молодых людей поколения Z, которое, по данным McKinsey, к 2025 году составит четверть населения Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. Опрос включал ряд вопросов о туристических предпочтениях, привычках, факторах выбора направлений и осведомленности о турах в Россию. Например, для проверки гипотезы о низкой популярности России как направления был задан вопрос: «Если бы у вас было достаточно времени и финансовых возможностей, стали бы вы рассматривать туристическую поездку в Российскую Федерацию как альтернативу другим странам?». Результаты опроса были обработаны с помощью статистического анализа, что позволило количественно оценить долю респондентов, не рассматривающих Россию (67,7 %), а также выявить ключевые факторы выбора направлений, такие как стоимость путешествия (65,3 %), природные ландшафты (63,9 %) и культурные впечатления (55,6 %). Сбор данных продолжался четыре месяца, в течение которых из 78 полученных анкет 50 ответов были сохранены для статистического анализа. Остальные ответы были исключены из-за чрезмерного количества пропущенных данных, определяемого как наличие более 40 % неохваченных вопросов. Выборка молодых людей в этом исследовании состоит из 50 человек, с более высокой репрезентативностью мужчин (63 %) по сравнению с женщинами (37 %). Более половины участников (71 %) проживают в Хошимине, в то время как остальные – в различных местах, включая другие города (29 %). Образовательный уровень выборки показывает, что 21 % имеют среднее образование, а 79 % имеют степень колледжа или университета. Большинство участников (96 %) не имеют детей. Среди тех, у кого есть дети, имеют одного ребенка. Около 64 % вьетнамских представителей поколения Z относятся к группе со средним доходом, 36 % относятся к группе с низким доходом. Этот разнообразный демографический профиль обеспечивает всестороннее понимание молодого взрослого населения, охватывая различные аспекты их жизни и экономического положения.

Для углубленного понимания барьеров и мотиваций применялся метод глубинного интервью (дата и время проведения 06.05.2025, 18:00). Респондент – Нгуен Минь Чанг (38 лет), старший менеджер туристической компании AA TOUR. Цель проведения интервью: изучить текущую ситуацию и направления развития в сфере маркетинга по привлечению вьетнамских туристов в Российскую Федерацию. Интервьюер – Чан Хоанг Ань (студент из Вьетнама). В частности, интервью с г-жой Нгуен Минь Транг, старшим менеджером компании AA Tour, предоставило информацию о состоянии туристического рынка и отсутствии специ-

[1] Инфографика: понимание азиатских путешественников. Текст : электронный // Outbox: [сайт]. URL: https://the-outbox.com/infographic-understanding-your-asian-gen-z-travelers/ (дата обращения: 27.06.2024).

ализированных молодежных туров в Россию. «AA Tour» – это туристическая компания, расположенная в Ханое во Вьетнаме, которая предлагает широкий спектр туристических услуг для путешественников всех типов. Компания была основана в 2014 году и работает уже 11 лет. В настоящее время целевыми клиентами «AA Tour» по турам в Россию являются в основном люди среднего возраста, семьи с детьми и семейные пары. Согласно статистике компании, около 80 % клиентов, выбирающих эти туры, старше 35 лет, что свидетельствует об особой привлекательности путешествия для группы зрелых клиентов. Однако, руководствуясь стратегическим видением, «AA Tour» стремится расширить потенциальную клиентскую базу, ориентируясь на людей в возрасте до 30 лет – молодое поколение, которое динамично развивается и стремится к новым впечатлениям. Для достижения этой цели компания планирует разработать новые туристические продукты в соответствии с интересами и стилем современной вьетнамской молодежи. Все участники опроса и интервью дали информированное согласие на использование данных. Анонимность опроса соблюдена.

Исследование информационного пространства было проведено через анализ социальных сетей, популярных во Вьетнаме. Целью исследования было оценить, насколько широко представлен российский туризм в этих сетях.

Для оценки характера и объема информации о российских направлениях был применен метод контент-анализа. Поиск по ключевым словам, таким как «российский туризм», показал, что количество публикаций на эту тему ограничено (всего 13 000). В то же время по другим направлениям, например, по корейскому туризму, количество публикаций значительно больше – 195 000. Это подтверждает, что Россия не так заметна в цифровом пространстве.

Чтобы проверить гипотезу о транспортных барьерах, был проведен сравнительный анализ стоимости авиабилетов и времени перелета из Хошимина в Москву и европейские города. Для этого были использованы данные сайта Aviasales на 9 марта 2025 года. Этот метод позволил опровергнуть предположение о том, что высокая стоимость и длительность перелета являются основными препятствиями.

Метод системного анализа использовался для оценки существующих туристических программ в Россию, предлагаемых вьетнамскими компаниями (Viettravel, Pattour, AA Tour). Была составлена таблица с характеристиками туров, что выявило их ориентацию на семейных туристов и людей среднего возраста, а не на молодежь. Дополнительно применялся метод наблюдения, основанный на анализе вторичных источников (отчетов, статей, данных компаний), для изучения общих тенденций молодежного туризма во Вьетнаме.

Комбинация этих методов позволила сформировать целостную картину туристического поведения вьетнамской молодежи, проверить гипотезы о географической удаленности, недостатке информации и отсутствии специализированных туров, а также разработать рекомендации по управлению впечатлениями для повышения привлекательности российских регионов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Между Вьетнамом и Российской Федерацией установились прочные стратегические отношения, особенно в сфере туризма и гостеприимства. Россия является важным рынком для вьетнамского туризма, в то время как Вьетнам пока не представляет собой значимый рынок для въездного туризма в Россию [2] [2]. Результаты опроса показали, что 67,7 % молодых вьетнамцев не имеют информации о туристических направлениях в России, поэтому они не рассматривают ее как возможное место для отдыха.

Проведенные социологические исследования, анализ научных материалов и тщательное изучение информации в популярных социальных сетях во Вьетнаме позволили выдвинуть гипотезы, объясняющие эту ситуацию.

Гипотеза 1: Географическая отдаленность России и высокие транспортные издержки создают существенные препятствия для вьетнамской молодежи при выборе направления для туристической поездки.

Вьетнамская молодежь выбирает европейские страны в качестве туристического направления, так как Европа благодаря рекламной политике давно уже рассматривается идеальным местом для отдыха. Такие страны, как Англия, Франция, Германия, Испания или Греция, являются очень привлекательными туристическими направлениями для вьетнамских

[2] Въездные туристские поездки. Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.03.2025).

туристов [3]. Интерес вьетнамцев к европейскому туризму неуклонно растет, что демонстрируется сообществом в социальной сети. Ярким доказательством данной информации является группа «Путешествие, чтобы исследовать Европу», насчитывающая более 603 тысяч участников. Здесь молодые люди с энтузиазмом делятся своим опытом путешествий, а также планами и намерениями относительно своих поездок. В процессе опроса о туристических направлениях, которые они хотели бы посетить в будущем, 35,5 % респондентов заявили, что выбрали бы для своих будущих поездок такие европейские страны, как Англия, Франция, Италия, Нидерланды, Греция, Венгрия и Швейцария.

Чтобы лучше понять выбор путешествий, была составлена сравнительная таблица стоимости авиабилетов и времени в пути. В таблице 1 приведены результаты сравнения стоимости авиабилетов из Хошимина (Вьетнам) в Москву (Российскую Федерацию) и ряд других стран Европы, а также времени перелета и стоимости авиабилетов туда и обратно. Тарифы были рассчитаны на основе результатов поиска на сайте Aviasales 9 марта 2025 года.

Таблица 1

Сравнение цен на билеты и времени полета из Хошимина в некоторые страны Европы

Table 1

Comparison of ticket prices and flight times from Ho Chi Minh City to some European countries

Место назначения	Стандартный тариф эконом-класса (доллары США)	Время полета
Москва (Российская Федерация)	1052	10 часов
Лондон (Великобритания)	1416	16 часов
Париж (Франция)	1487	17 часов
Будапешт (Венгрия)	2645	16 часов
Афины (Греция)	1595	14 часов
Цюрих (Швейцария)	1376	16 часов

Источник: исследования авторов

Source: researches by the authors

Как видно из таблицы, стоимость авиабилета из Хошимина (Вьетнам) в Москву (Российская Федерация) туда и обратно значительно дешевле, чем в другие города Европы. С февраля 2024 года авиакомпания «Аэрофлот» увеличила частоту прямых рейсов из аэропорта Шереметьево в Хошимин, Вьетнам. Рейсы уже выполняются три раза в неделю: добавлены рейсы в пятницу, а также два рейса в среду и воскресенье [4]. В настоящее время Вьетнам является одной из немногих стран, имеющих прямое авиасообщение с Российской Федерацией. Это свидетельствует о тесном сотрудничестве между двумя странами в области экономического развития, особенно в области туризма. Кроме того, прямой перелет из Хошимина в Москву длится всего 9–10 часов, что намного короче, чем путешествие в Англию или Францию, которое обычно длится 16–17 часов. Таким образом, данная гипотеза не подтвердилась, так как выбор в пользу путешествия по России имеет множество вариантов авиабилетов по разумным ценам и более быстрому времени в пути, чем в других европейских странах.

Гипотеза 2: Молодые вьетнамцы не знают о туристских направлениях по России, так как на популярных платформах и в социальных сетях во Вьетнаме данная информация не представлена или представлена в недостаточном объеме.

Молодые путешественники представляют собой важнейший сегмент рынка для индустрии туризма. Миллениалы и поколение Z – это представители цифрового мира, которые подходят к путешествиям иначе, чем предыдущие поколения, стремясь к аутентичным впечатлениям, культурному погружению и возможностям личностного роста [8]. Цифровые возможности являются основным выбором для молодых путешественников. Социальные сети превратились в мощные инструменты, влияющие на выбор путешествий. Они представляют собой не просто источники вдохновения, а полноценные платформы для планирования поездок. Влиятельные блогеры (инфлюенсеры), тревел-блогеры и обычные пользователи, делящиеся своим опытом, играют ключевую роль в формировании представлений о различных направлениях и принятии решений о путешествиях [5].

Когда молодых людей спрашивают об их любимых туристических направлениях и местах, которые они

[3] Европейские страны, любимые вьетнамскими туристами. Текст : электронный // Vietnam Open Tour: [сайт]. URL: https://vietnamopentour.vn/tin-du-lich/nhung-nuoc-chau-au-duoc-du-khach-viet-yeu-thich (дата обращения: 21.03.2025).

[4] «Аэрофлот» увеличит число рейсов из Москвы в Хошимин. Текст : электронный // RTN (RATA-news) : [сайт]. [обновлено 5.02.2025]. URL: https://ratanews.ru/news/lightning/aeroflot-uvelicit-cislo-reisov-iz-moskvy-v-xosimin (дата обращения: 30.03.2025).

[5] Будут ли интересы молодежи стимулировать туризм в 2025 году. Текст : электронный // VnEconomy: [сайт]. [обновлено 18.02.2025]. URL: https://vneconomy.vn/so-thich-cua-gioi-tre-se-thuc-day-nganh-du-lich-2025.htm (дата обращения: 30.03.2025).

хотели бы посетить в будущем, большинство из них по многим причинам не выбирают Россию. По словам Нгуен Минь Транг, старшего менеджера туристической компании AA Tour, в настоящее время на туристическом рынке Вьетнама существует множество платформ для социальных сетей, которые могут стать потенциальными каналами продаж для молодежи. Нгуен Минь Транг считает, что молодые вьетнамцы знают о знаменитых достопримечательностях и туристических направлениях в России из средств массовой информации, таких как Красная площадь и Зимний дворец, но они не рассматривают возможность выбора России в качестве потенциального туристического направления. По словам Нгуен Минь Транг, рекламные кампании не создают достаточной мотивации для молодых людей выбрать Россию в качестве туристской дестинации. Авторами статьи был проведен опрос о популярности изображений России и русской культуры во вьетнамских социальных сетях. Результаты показали, что 76,3 % респондентов видели изображения или информацию, связанные с Российской Федерацией, на популярных платформах социальных сетей во Вьетнаме. Однако доля изображений или информации на тему туризма составила всего 20 %. Таким образом, можно сделать вывод, что информация о российском туризме дошла до определенного количества молодых туристов, но их число незначительно. Опрос показал, что 50 % респондентов знают о туристических направлениях и образах, связанных с туризмом в России.

Проведенное исследование о количестве сообщений о туризме во вьетнамских социальных сетях показало следующие данные: про российский туризм до 13 000 сообщений, 20 000 сообщений о французском туризме, более 195 000 сообщений о корейском туризме. Российский туризм недостаточно конкурентоспособен на туристическом рынке Вьетнама. Однако это также в некоторой степени свидетельствует об интересе вьетнамских туристов, особенно части молодежи Вьетнама, к путешествиям в Россию, больше узнать о стране.

Очевидно, что в настоящее время мобильные платформы, интерактивный контент, предварительные просмотры в виртуальной реальности и алгоритмы персонализированных рекомендаций являются важными инструментами для привлечения их внимания и воображения. Успешный маркетинг требует понимания мотивации молодых путешественников. Речь идет не только о продаже места назначения, но и о предоставлении возможностей для саморазвития, культурного взаимопонимания и незабываемых впечатлений, которыми можно поделиться на цифровых платформах [15].

Информации по привлекательности российского туризма недостаточно для того, чтобы молодые вьетнамские туристы выбрали это место в качестве места отдыха. Большинство из них имеют определенные представления только через социальные сети. Поэтому нельзя сделать вывод, что приведенная выше гипотеза полностью верна. Причина в том, что одни не знают о российском туризме, а другие имеют определенное представление о российском туризме через социальные сети. Таким образом, выдвинутая выше гипотеза не подтверждается.

Гипотеза 3: В настоящее время турфирмы Вьетнама продают туры по Российской Федерации, которые ориентированы в основном на людей среднего возраста, старше 35 лет, семьи с детьми и семейные пары, для возраста до 30 лет туры ограничены, отсутствие молодежных туров снижает интерес к России.

Проведенное интервью с г-жой Нгуен Минь Транг, старшим менеджером компании «AA Tour», подтверждает, что действительно фирма ориентируется на туристов среднего возраста. В то же время, учитывая демографическую ситуацию, где лидером становится поколение Z, фирма расширяет клиентскую базу, ориентируясь на людей в возрасте до 30 лет. Учитывая выбранный возраст молодежи, от 18 до 29 лет, необходимо отметить, что Азиатское поколение Z отличается жаждой приключений и позитивным настроем: 64,1 % готовы к путешествиям, а индекс исходящих настроений достигает 117,3. Родившиеся с 1997 по 2012 год стремительно становятся ключевым сегментом туристической индустрии благодаря своим уникальным ценностям и предпочтениям. Самостоятельное планирование поездок, внимание к соотношению цены и качества, стремление к необычным впечатлениям – вот их главные черты [6]. Необходимо отметить цели молодого вьетнамского туриста: желание узнать новое о других культурах, получить уникальный опыт общения и участия в мероприятиях, узнать больше о научном и образовательном туризме, познакомиться с информацией о возможностях обучения. Проведенное исследование TravelPerk подтверждает большое желание молодых туристов путешествовать. Также они отмечают, что представители поколения Z часто путешествуют, совершая в среднем три поездки в год.

[6] Инфографика: понимание азиатских путешественников. Текст : электронный // Outbox: [сайт]. [обновлено 27.06.2024]. URL: https://the-outbox.com/infographic-understanding-your-asian-gen-z-travelers/ (дата обращения: 15.03.2025).

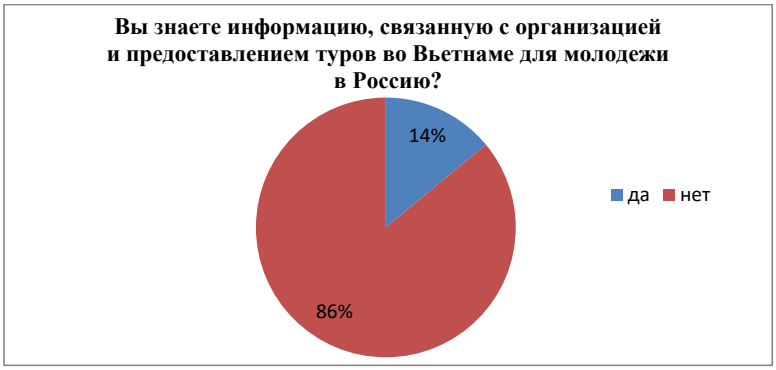

Рисунок 1
Уровень осведомленности о молодежных турах в Российскую Федерацию
Источник: составлено авторами

Figure 1
Level of awareness about youth tours to the Russian Federation
Source: compiled by the authors

Шестьдесят пять процентов представителей поколения Z планировали, что в 2024 году будут тратить на путешествия больше, чем в прошлом году, тем самым увеличивая расходы на достижение своих целей [7].

Молодежные путешествия стали стабильным и постоянно растущим направлением, они заметно влияют на масштабы и структуру глобального развития туризма. Формирование их будущих планов покупок и поездок часто основывается на содержании социальных сетей или опыте других молодых туристов. Молодежные путешествия приобретают все большее значение в мировом туризме. В 1990-х годах на них приходилось 15 % туристического рынка, за последнее десятилетие они выросли до 20 % и, как ожидается, достигнут 25 % в ближайшие годы [8].

Согласно информации Научно-исследовательского института развития туризма (Национальный департамент туризма Вьетнама), в настоящее время не только в мире, но и во Вьетнаме молодежный туризм находится на подъеме и является перспективным направлением туристической индустрии. Во многих отчетах и данных по всему миру утверждается, что молодежь считается самым богатым поколением в сфере туризма, потому что они любят проводить время и открывать для себя что-то новое, готовы тратить больше денег на путешествия. Молодые люди, путешествуя, не слишком ориентируются на траты на обычные товары и услуги. Вместо этого они путешествуют, потому что хотят удовлетворить свои интересы и сформировать впечатление о месте назначения. В эпоху высоких технологий вьетнамская молодежь также очень быстро улавливает тенденции развития туризма среди молодежи во всем мире [9].

Обладая большим потенциалом, вьетнамский туристический рынок еще не сформировал множество специальных туров, отвечающих потребностям молодежи, особенно для рынка Российской Федерации, который еще не известен и не привлекателен для молодых вьетнамцев. Проведенное интервью с Нгуен Минь Транг, старшим менеджером по туризму компании AA Tour, показало, что туров в РФ специально для молодых туристов очень мало на вьетнамском туристическом рынке. В настоящее время компания AA Tour предлагает только одну туристическую программу в Россию (Ханой/Хошимин – Москва – Санкт-Петербург) для целевой группы туристов – семейных пар, людей среднего возраста или постоянных клиентов компании, которые уже имели опыт поездок в Россию. Нгуен Минь Транг считает, что молодежный туризм – перспективный, туристическим компаниям и туроператорам необходимо обратить на это особое внимание. Российская Федерация также является достаточно заманчивым направлением для молодых туристов, но пока не привлекает к себе должного внимания из-за отсутствия разработанных туров. Проведенный опрос о молодежных турах в Российскую Федерацию среди молодых вьетнамцев подтвердил уровень осведомленности о молодежных турах в Российскую Федерацию (рисунок 1).

[7] Статистика и тенденции путешествий 30+ поколения Z. Текст : электронный // TravelPerk: [сайт]. [обновлено 27.06.2024]. URL: https://www.travelperk.com/blog/gen-z-travel-statistics-trends/ (дата обращения: 15.05.2025).

[8] Молодежные путешествия. Текст : электронный // Wikipedia: [сайт]. [обновлено 15.02.2025]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Youth_travel (дата обращения: 15.05.2025).

Результаты показали, что до 86 % респондентов (что соответствует 43/50 ответов) никогда не слышали о молодежных турах в Российскую Федерацию. Несмотря на это, многие из них выразили заинтересованность в путешествии. Если бы такие туры были доступны, участники опроса отметили, что с высокой вероятностью рассмотрели бы их как вариант для путешествия. Более того, некоторые респонденты подчеркнули, что поездка в Россию могла бы стать для них уникальным опытом, позволяющим познакомиться с культурой, историей и природой страны. Таким образом, несмотря на низкую осведомленность, потенциал для привлечения вьетнамской молодежи в рамках таких программ остается большим.

Для характеристики разработанных туров в Россию, доступных на туристическом рынке Вьетнама, в марте 2025 года была составлена таблица 2.

Статистика, представленная в таблице, основана на текущих туристических программах крупнейших туристических компаний Вьетнама или туристических компаний, специализирующихся на российском туризме. Анализируя туры в Россию, которые в последнее время занимают заметное место на вьетнамском рынке, можно отметить, что среди них практически отсутствуют программы, специально разработанные для туристов молодого поколения. Большинство туров отличаются универсальным подходом и не вполне соответствуют интересам и ожиданиям современной молодежи. Молодые путешественники сегодня все чаще выбирают динамичные и яркие виды отдыха, такие как экстремальные виды спорта, участие в культурных фестивалях, посещение интерактивных выставок или исследование современных городских пространств. В существующих предложениях редко встречаются маршруты, включающие, например, посещение знакового символа современной Москвы, делового центра Москва-Сити, который мог бы стать эффектной и запоминающейся частью путешествия для этой аудитории. Таким образом, выдвинутая гипотеза находит свое подтверждение.

Туристические привычки и поведение вьетнамской молодежи

Туристическое поведение – это процесс, который турист совершает посредством наблюдаемых или ненаблюдаемых действий до, во время и после поездки [10]. Этот процесс выражается во множестве различных событий, от намерения до поиска, ознакомления с информацией, принятия решения о покупке/выборе, использовании туристического продукта или услуги или обмена чувствами для удовлетворения определенных потребностей и желаний [12]. Чтобы понять, чего хотят молодые вьетнамцы, путешествуя, необходимо тщательно изучить, какие ценности они стремятся получить от своих поездок.

В ходе исследования, направленного на изучение предпочтений и образа жизни молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, был проведен детальный опрос, посвященный путешествиям. Целью опроса было выявить интересы и тенденции в проведении свободного времени среди этой возрастной группы.

Результаты опроса показали, что 57,1 % респондентов предпочитают путешествия и изучение новых мест в качестве основного способа проведения свободного времени. Этот вид активности занял второе место после просмотра фильмов, телепередач и развлекательного контента в интернете (66,1 %) и серфинга в социальных сетях (58,9 %).

Таблица 2
Характеристики текущих туров в Россию

Table 2
Characteristics of Current Tours to Russia

Компания	Название тура	Длительность	Стоимость (USD)	Основные достопримечательности
Viettravel	Москва – Санкт-Петербург	9 дней	1500	Кремль, Петергоф, метро
Pattour	Круиз по Волге	10 дней	1800	Углич, Кижи, Валаам
Pattour	Транссибирская магистраль	19 дней	2500	Байкал, Иркутск, Казань
AA Tour	Золотое кольцо	10 дней	1700	Москва, Ростов, Ярославль
AA Tour	Золотая осень	9 дней	1600	Красная площадь, Эрмитаж

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors

Эти данные наглядно демонстрируют растущий интерес молодежи к путешествиям как способу отдыха и получения новых впечатлений. Итоги опроса о том, когда молодые любители путешествий предпочитают проводить свой отпуск, представлены на рисунке 2.

Более конкретно, 35 % респондентов заявили, что время от времени планируют поездки в свободное время, в то время как 9 % подтвердили, что часто путешествуют, 18 % опрошенных сказали, что летние каникулы – это самое подходящее время для знакомства с миром, в то время как 18 % готовы путешествовать, когда у них появляется свободное время. В частности, если бы они не были ограничены финансами и временем, 92,7 % участников опроса выразили желание совершить поездку за границу, продемонстрировав сильное желание расширить свой кругозор. Когда их спросили о продолжительности их поездок, 50 % респондентов ответили, что обычно они тратят на каждую поездку около недели, в то время как 41,1 % отдают предпочтение коротким поездкам продолжительностью от 3 до 5 дней, которые подходят для напряженного графика современной молодежи.

Результат опроса о наиболее важных факторах, влияющих на выбор туристического направления, представлен на рисунке 3.

Ключевые факторы, влияющие на выбор места назначения, включают стоимость (22 %), красивые пейзажи (21 %), уникальную кухню (19 %), уникальные культурные впечатления (18 %), возможности для отдыха, восстанавливающие силы после работы (11 %), комфорт и роскошь (7 %).

Рисунок 2

Когда молодые любители путешествий предпочитают проводить свой отпуск?

Figure 2

When do young tourists prefer to spend their holidays?

Рисунок 3

Важные факторы, влияющие на выбор туристического направления

Источник: составлено авторами

Figure 3

Important factors influencing the choice of a tourist destination

Source: compiled by the authors

Примечательно, что 71,4 % участников отдали особое предпочтение местному культурному опыту, подчеркнув важность объединения и изучения уникальной самобытности каждого места назначения. Более того, 92,9 % опрошенных подтвердили свою готовность больше инвестировать в услуги, которые формируют уникальные и запоминающиеся впечатления, демонстрируя тенденцию разумного потребления и придавая приоритетное значение качеству в поведении современной молодежи в поездках. Эти цифры не только рисуют общую картину туристических предпочтений молодого поколения, но и отражают изменения в том, как они наслаждаются жизнью, проявляя тенденцию к поиску более глубоких и значимых ценностей в каждой поездке.

После проведения опроса молодые люди поделились интересными идеями и предложениями, направленными на развитие туристического опыта для молодых вьетнамцев. Некоторые люди говорили, что в дополнение к посещению красивых мест для фотографирования можно создавать небольшие мини-игры для повышения командного духа и формирования новых впечатлений. Кроме того, многие респонденты заявили, что предпочитают поездку в сочетании с ознакомлением с местной культурой и кухней, а не просто с осмотром достопримечательностей. Эти предложения не только отвечают практическим потребностям молодежи, но и способствуют устойчивому развитию туристической индустрии Вьетнама, создавая долгосрочные ценности как для туристов, так и для дестинаций.

Компания ezCloud Vietnam опубликовала результаты исследования, посвященного различиям в поведении представителей поколения Z в поездках по сравнению с другими поколениями. Исследование показывает, что люди поколения Z находятся под сильным влиянием платформ социальных сетей и мобильных приложений; они родились в период экономического процветания, без особых трудностей в экономических условиях; они решают путешествовать довольно быстро, как только у них появляется свободное время; стоимость поездок невелика, но частота поездок выше, чем у других поколений.

Согласно результатам исследования ezCloud (2022), поколение Z рано испытало на себе жизнь в плоском мире. На них влияют многие течения мышления, в том числе идеология «YOLO» (Живешь только один раз). Более того, жизнь становится все более изменчивой и рискованной, поколение Z родилось в довольно процветающих экономических условиях, поэтому они любят исследовать, испытывать и наслаждаться. Конкретные результаты исследования заключаются в следующем [9]:

– что касается цели организации поездки: поколение Z интересуется поездками с целью развлечения и получения новых впечатлений без необходимости совмещать посещение родственников, работу и не любит путешествовать большими группами; в то же время другие поколения заинтересованы в поездках в гости к родственникам, работе и часто путешествуют большими группами;
– что касается развлечений во время поездки: «осмотр достопримечательностей» и «кухня» – это те виды деятельности, которые их особенно интересуют, и на них приходится больший процент, чем на другие поколения. Знакомство с местной культурой, высокое качество обслуживания и безопасность – вот к чему они стремятся;
– процесс планирования поездки: по сравнению с предыдущими поколениями представители поколения Z не тратят много времени на планирование своих поездок заранее. Они часто проводят исследования с опозданием и принимают решение довольно быстро, за 2–3 дня до поездки, когда им нужно отправиться в путешествие или воспользоваться определенной туристической услугой;
– расходы на поездки: красивые рекламные изображения и привлекательные рекламные акции – это факторы, которые их особенно интересуют при поиске информации о своей поездке; это люди, которые зависят от своих семей или только начали работать, поэтому поставщики услуг должны обращать внимание на низкие цены;
– что касается справочных каналов и методов бронирования услуг: поколение Z, принадлежащее к поколению, которое регулярно взаимодействует с цифровыми платформами, больше интересуется каналами OTA (онлайн-турагентствами) и онлайн-методами, чем брошюрами, листовками и книгами с описанием туристических программ. Популярные OTA-каналы включают Booking, Agoda, Tripadvisor, Airbnb, Skyscanner и т. д. Форма eWOM (маркетинг в социальных сетях) будет более эффективной, чем предыдущие традиционные формы, если поставщики услуг хотят ориентироваться на рынок поколения Z.

Таким образом, туризм становится все более популярным видом досуга среди молодых вьетнамцев в свободное время. Часть молодых вьетнамцев любит короткие поездки, программа которых содержит

[9] Чем путешествия поколения Z отличаются от путешествий других поколений. Текст : электронный // Ezcloud: [сайт]. [обновлено 05.03.2025]. URL: https://ezcloud.vn/gen-z-di-du-lich-khac-gi-so-voi-the-he-con-lai-phan-1.html (дата обращения: 30.03.2025).

красивые пейзажи, разумные цены, уникальную кухню и особенно интересные культурные впечатления. Им нравится знакомиться с культурой и образом жизни тех мест, которые они посещают, и лучше понимать их. Кроме того, они готовы платить за туристические услуги, которые дают им возможность получить незабываемые впечатления. Благодаря своей восприимчивости к информации и технологиям молодое поколение туристов все чаще имеет возможность самостоятельно планировать и осуществлять свои поездки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье исследовались предпочтения вьетнамской молодежи при выборе туристических направлений. Центральной проблемой, установленной в ходе исследования, является дефицит туристических продуктов, адаптированных под запросы молодежной аудитории Вьетнама.

Гипотеза 1 не подтвердилась: хотя расстояние между Россией и Вьетнамом большое, а цены на авиабилеты высокие, молодежь не считает поездки в Европу выгоднее. Гипотеза 2 частично подтвердилась: молодые вьетнамцы узнают о России через соцсети, но осведомленность о российских турах остается низкой. Гипотеза 3 подтвердилась: турфирмы предлагают туры для семей и людей среднего возраста, ограничивая выбор молодежи.

Методика поведения молодых туристов поможет создать предложения, соответствующие их предпочтениям: короткие поездки (3–7 дней), природные достопримечательности, гастрономические и культурные впечатления.

Управление впечатлениями молодежи важно для туристической отрасли России. Чтобы привлечь эту аудиторию, необходимо активно использовать социальные сети, которые позволяют охватить широкую аудиторию молодых людей, ищущих информацию и впечатления. Кроме того, необходимо разработать новый тур, ориентированный исключительно на молодежь, который учитывает их ценности, интересы и желания, предлагая уникальный опыт, созданный специально для этой аудитории.

К ограничениям настоящего исследования следует отнести отсутствие данных об особенностях туристического поведения вьетнамской молодежи. Кроме того, выборка опроса в 50 респондентов может быть недостаточно репрезентативной для точного отражения реальной ситуации. Возможными направлениями будущих исследований могут стать оценка эффективности внедрения цифровых инструментов для продвижения российских туристических продуктов, а также разработка моделей туристических маршрутов, оптимизированных под запросы различных сегментов вьетнамского туристического рынка.

Вклад авторов

Чан Х. А.: обзор литературных источников, проведение исследования.

Ву З. Ч.: верификация данных, методология, проведение исследования.

Галенко Е. В.: концептуализация, руководство исследованием.

Contributions

Tran H. A.: literature review, research implementation.

Vu Z. C.: data verification, methodology, research implementation.

Galenko E. V.: conceptualization, research management.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шпаковская М.А., Чанг В.Т. Вьетнам и его место в проекте «Большая Евразия». *Постсоветские исследования.* 2022;7:693-702. EDN QGQTQD

   Shpakovskaya M.A., Trang V.T. Vietnam and its place in the Greater Eurasia Project. *Post-Soviet Studies.* 2022;7(5):693-702. (In Russ.). EDN QGQTQD

2. Müller A., Bácsné E.B., Ráthonyi G.G., Hrisztov J.T., Kulcsár N., Rákó E., Kovács S., Lengyel, A. Segmentation of young adult tourists visiting Croatian cities: a Hungarian case study. *Geojournal of Tourism and Geosites,* 2024:55(3),1076-1089. https://doi.org/10.30892/gtg.55309-1281

3. Грабельников А.А., Нгуен Т.З. Образ России во вьетнамских сетевых СМИ. *Социально-гуманитарные знания.* 2017;8:114-127. EDN ZGZKRV

Grabelnikov A.A., Nguen Thi Ziu Image of Russia in web media of Vietnam. *Social and Humanitarian Knowledge.* 2017;8:114-127. (In Russ.). EDN ZGZKRV

4. Даниленко Н.Н., Суранова О.А. Возможности и ограничения сферы туризма и гостеприимства по удовлетворению социальных потребностей туристов. *Baikal Research Journal.* 2021;1:1-14. https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(1).14

   Danilenko N.N., Suranova O.A. Opportunities and limitations of tourism and hospitality to meet the social needs of tourists. *Baikal Research Journal.* 2021;1:1-14. (In Russ.). https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(1).14

5. Emil J., Doris G.O., Maja U.M. Tourist Behaviour: An Overview of Models to Date. *MIC 2017: Managing the Global Economy: Proceedings of the Joint International Conference,* Monastier di Treviso, Italy, 24–27 May 2017. University of Primorska Press.

6. Квита Г.Н., Гончарова А.В. К вопросу об изменении в поведении потребителей туристических услуг. *Повышение конкурентоспособности социально-экономических систем в условиях трансграничного сотрудничества регионов : VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. Посвящена 75-летию Гуманитарно-педагогической академии,* Ялта, 04–05 апреля 2019 года. Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал»; 2019. P. 227-229.

   Kvita G.N., Goncharova A.V. On the issue of changes in the behavior of consumers of tourism services. *Increasing the competitiveness of socio-economic systems in the context of cross-border cooperation between regions: VI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, dedicated to the 75th anniversary of the Humanitarian and Pedagogical Academy,* Yalta, April 4–5, 2019. Yalta : Arial Publishing House LLC; 2019. P. 227-229. (In Russ.).

7. Cohen S.A., Prayag G., Moital M. Consumer behaviour in tourism: Concepts, influences and opportunities. *Current Issues in Tourism.* 2013;17:872-909. https://doi.org/10.1080/13683500.2013.850064

8. Eusebio C., Carneiro J.M. How Diverse is the Youth Tourism Market? An Activity-Based Segmentation Study. *Tourism: An International Interdisciplinary Journal.* 2015;63(3):295-316.

9. Alberto F.L. Tourism Impacts: Evidence of Impacts on employment, gender, income. *Economic and Private Sector Professional: Evidence and Applied Knowledge Services.* 2014:1-22.

10. Барашок И.В., Деркачева Л.Н. Концепт этно-экологического туризма в российской практике. *Сервис в России и за рубежом.* 2022;5(102):48-55. https://doi.org/10.5281/zenodo.7394947 EDN LHBSXL

    Barashok I.V., Derkacheva L.N. The Concept of Ethnoecological Tourism in Russian Practices. *Services in Russia and Abroad.* 2022;16(5):48-55. (In Russ.). https://doi.org/10.5281/zenodo.7394947 EDN LHBSXL

11. Зиеба Я. Туристский спрос: специфика и современные тенденции. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2022;8-3(71):161-163. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-8-3-161-163 EDN SIUVBR

    Zieba J. Tourism demand: specificity and modern trends. *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2022;8-3(71):161-163. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-8-3-161-163 EDN SIUVBR

12. Дементьев В.С., Андреев А.А. Динамика въездного и выездного туризма в России в период 2014–2022 гг. *Псковский регионологический журнал.* 2023;(1):56-71. https://doi.org/10.37490/S221979310023983-4

    Dementiev V.S., Andreev A.A. Dynamics of incoming and outgoing tourism in Russia in 2014–2022. *Pskov Journal of Regional Studies.* 2023;1:56-72. (In Russ.). https://doi.org/10.37490/S221979310023983-4

13. Галенко Е.В., Фан Л.Т. Туризм третьего возраста во Вьетнаме: предпочтения и ограничения. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2024.1;6. https://doi.org/10.31279/2782-6414-2024-1-6

    Galenko E.V., Phan L.T. Third Age Tourism in Vietnam: Preferences and Limitations. *Research in Economic and Financial Problems.* 2024.1;6. (In Russ.). https://doi.org/10.31279/2782-6414-2024-1-6

14. Беззубов С.Д. Проблемы развития въездного туризма. *Научные высказывания.* 2024;1(48):10-13.

    Bezzubov S.D. Problems of Inbound Tourism Development. *Scientific Statements.* 2024;1(48):10-13. (In Russ.).

15. Pham T.D., Fan D.X.F., Lyu J., Liu, D. Behave Green or Not: Conceptualising the Environmentally Responsible Behaviour of Vietnamese Generation Z Tourists and Its Transition Process. *Current Issues in Tourism.* 2025;1-17. https://doi.org/10.1080/13683500.2025.2488031

16. Munar A., Jacobsen J. Motivations for Sharing Tourism Experiences Through Social Media. *Tourism Management.* 2014;43:46-54. https://doi.org/10.1016/j.tourman.2014.01.012

17. Haesung W., Sunghwa Y., Eunj K. Pop culture, destination images, and visit intentions: Theory and research on travel motivations of Chinese and Russian tourists. *Journal of Business Research.* 2016;69(2):631-641. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.06.020

18. Nguyen H.Q.N. Asian students' preferences on destinations: choice criteria and purchase process for leisure accommodation when traveling in Europe. M.;2018.52 p.
19. Pham T.T.N. Personalized tourism trends – development premise and strategic recommendations. *Journal of Science and Technology Development.* 2016;19(5).
20. Van K.H., Truong D.C., Chuc N., Thu G.P.T. Determinants of Sustainable Accommodation Choice in Vietnam: An Empirical Analysis of Tourists' Behavioral Intentions. *International Journal of Sustainable Development and Planning,* 2025.20(2):731-739. https://doi.org/10.18280/ijsdp.200222
21. Yousaf A., Amin J., Santos A.C. Tourists' motivations to travel: A theoretical perspective on existing literature. *Tourism and Hospitality Management.* 2018;2(1):197-221. https://doi.org/10.20867/thm.24.1.8

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-4

Original research

Determinants of Post-Harvest Losses Among Smallholder Tomato, Kale, and Papaya Producers in East Showa Zone, Oromia Region, Ethiopia

Michael Tarekegn
College of Agriculture and Environmental Sciences, University of South Africa (UNISA), Addis Ababa, Ethiopia
michaeltaree@gmail.com

Michael Antwi
College of Agriculture and Environmental Sciences, University of South Africa (UNISA), South Africa
mikeantwi1959@gmail.com

Sibongile Tekana
College of Agriculture and Environmental Sciences, University of South Africa (UNISA), South Africa
tekanss@unisa.ac.za

Shimelis Admassu
Addis Ababa University, Addis Ababa, Ethiopia
shimelis.admassu@aait.edu.et

TO CITE:
Tarekegn M., Tekana S., Antwi M., Admassu Sh. Determinants of Post-Harvest Losses Among Smallholder Tomato, Kale, and Papaya Producers in East Showa Zone, Oromia Region, Ethiopia. *Research in Economic and Financial Problems.* 2025;3:4.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-4
EDN NJUTYY

DECLARATION OF COMPETING INTEREST: none declared.

RECEIVED: 15.08.2025
REVISED: 17.09.2025
ACCEPTED: 19.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Tarekegn M., Tekana S., Antwi M., Admassu Sh.

ABSTRACT

INTRODUCTION. Post-harvest losses (PHL) are a major constraint for smallholder vegetable farmers, reducing income, food availability, and household resilience. Understanding the extent and determinants of these losses is vital for designing effective interventions.

AIM. To analyze the demographic, socioeconomic, cultural, and institutional factors influencing post-harvest economic losses in the vegetable value chain of the Oromia region, Ethiopia.

MATERIALS AND METHODS. Primary data were collected using KoboCollect from 359 randomly selected vegetable-producing households using a semi-structured questionnaire administered through face-to-face interviews. Data were analyzed using descriptive statistics (mean, standard deviation, and frequency) in SPSS version 24.0, and a Multiple Linear Regression Model was applied to identify factors influencing post-harvest losses.

RESULTS. Households cultivated an average of 0.475 hectares of land, with vegetables contributing 70.95 % of total income and livestock 26.17 %. Tomato, kale, and papaya recorded post-harvest losses of 11.84 %, 8.62 %, and 13.81 % at producer level, respectively. Regression results identified yield, cultivated area, production experience, age, weather, transport, labor, and education as significant determinants of PHL.

CONCLUSIONS. Post-harvest losses significantly undermine the livelihoods of smallholder vegetable farmers. The findings highlight the need for training, affordable storage facilities, integrated pest management, and strategic investments in infrastructure, irrigation, and marketing. This study contributes to existing literature by integrating socioeconomic, biophysical, and market factors, offering practical insights for enhancing food security and farmer resilience in the region.

KEYWORD: tomato, kale, papaya, post-harvest loss, smallholders, food security, Multiple Linear Regression Model, Oromia

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-4 Исследовательская статья

Детерминанты послеуборочных потерь в малом производстве томатов, капусты кале и папайи в Восточной зоне Сева, регион Оромия, Эфиопия

Майкл Тарекегн
Колледж сельскохозяйственных и экологических наук, Университет Южной Африки (UNISA), Аддис-Абеба, Эфиопия
michaeltaree@gmail.com

Сибонгиле Текана
Колледж сельскохозяйственных и экологических наук, Университет Южной Африки (UNISA), Южная Африка
tekanss@unisa.ac.za

Майкл Антви
Колледж сельскохозяйственных и экологических наук, Университет Южной Африки (UNISA), Южная Африка
mikeantwi1959@gmail.com

Шимелис Адмассу
Аддис-Абебский университет, Аддис-Абеба, Эфиопия
shimelis.admassu@aait.edu.et

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Тарекегн М., Текана С., Антви М., Адмассу Ш. Детерминанты послеуборочных потерь в малом производстве томатов, капусты кале и папайи в Восточной зоне Сева, регион Оромия, Эфиопия. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2025;3:4. https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-4
EDN NJUTYY

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:
авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 15.08.2025
ДОРАБОТАНА: 17.09.2025
ПРИНЯТА: 19.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Тарекегн М., Текана С., Антви М., Адмассу Ш.

АННОТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Послеуборочные потери (ПУП) являются серьезным ограничением для мелких фермеров, выращивающих овощи, поскольку они снижают доходы, доступность продовольствия и устойчивость домохозяйств. Понимание масштабов и определяющих факторов этих потерь крайне важно для разработки эффективных мер поддержки.

ЦЕЛЬ. Проанализировать демографические, социально-экономические, культурные и институциональные факторы, влияющие на экономические потери после сбора урожая в овощной цепочке создания стоимости в регионе Оромия, Эфиопия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Первичные данные были собраны с помощью приложения KoboCollect от 359 случайно выбранных домохозяйств, выращивающих овощи, с использованием полуструктурированного вопросника в ходе личных интервью. Данные были проанализированы с помощью описательной статистики (среднее значение, стандартное отклонение и частота) в SPSS версии 24.0, а для выявления факторов, влияющих на послеуборочные потери, была применена модель множественной линейной регрессии.

РЕЗУЛЬТАТЫ. В среднем домохозяйства обрабатывали 0,475 гектара земли. При этом на овощи приходилось 70,95 % общего дохода, а на животноводство – 26,17 %. Уровень послеуборочных потерь на уровне производителя для томатов, капусты кале и папайи составил 11,84, 8,62 и 13,81 % соответственно. Результаты регрессионного анализа показали, что значимыми детерминантами ПУП являются урожайность, площадь возделывания, опыт производства, возраст фермера, погодные условия, транспортировка, рабочая сила и уровень образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Послеуборочные потери существенно подрывают средства к существованию мелких фермеров, выращивающих овощи. Результаты исследования подчеркивают необходимость в обучении, доступных хранилищах, интегрированной системе защиты растений, а также стратегических инвестициях в инфраструктуру, орошение и маркетинг. Данное исследование вносит вклад в существующую литературу за счет интеграции социально-экономических, биогеофизических и рыночных факторов, предлагая практические рекомендации для повышения продовольственной безопасности и устойчивости фермеров в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: томат, капуста кале, папайя, послеуборочные потери, мелкие землевладельцы, продовольственная безопасность, модель множественной линейной регрессии, Оромия

1. INTRODUCTION

Agriculture plays a crucial role in the livelihoods of many households, particularly in rural areas where farming is often the primary source of income [1]. The Oromia region in Ethiopia is characterized by a large population engaged in subsistence farming, particularly in vegetable production, which plays a crucial role in the local economy and food security. However, smallholder vegetable farmers in the Eastern Showa zone of Oromia region face numerous challenges that impact their livelihoods, including postharvest losses, lack of access to markets, inadequate storage facilities, limited processing opportunities, and unreliable transportation infrastructure [2]. These challenges contribute to reduced incomes, limited access to nutritious food, and compromised food security among farming communities.

Postharvest economic losses refer to a wide range of challenges and inefficiencies that occur after crops are harvested, including physical losses, poor handling practices, improper storage, inadequate transportation, and difficulties in accessing markets [3]. These losses not only reduce farmers' incomes but also have broader consequences on food availability, affordability, and nutritional security within the community [4]. Understanding the causes and implications of these losses is crucial for designing targeted interventions aimed at mitigating the impacts and supporting smallholder farmers in enhancing their economic and food security status.

Food and nutritional security encompasses both the availability and affordability of diverse, safe, and nutritious food for individuals and communities [5]. Achieving food and nutritional security is particularly critical for vulnerable populations, including smallholder farmers in the East Showa zone of Oromia region. Insufficient access to food and inadequate dietary diversity can lead to malnutrition, stunted growth, and other health issues, contributing to a cycle of poverty and underdevelopment [6].

Thus, the main aim of the study was to analyze the demographic and socioeconomic factors, cultural dynamics, and institutional arrangements that influence post-harvest economic losses within the value chain of vegetable production in the study area.

2. MATERIALS AND METHODS

2.1. Description of the study area

The study was conducted in Adami Tulu Jido Kombolcha (ATJK) woreda and Dugda woreda of the East Showa Zone in the Oromia Region of Ethiopia. Adami Tulu Jido Kombolcha woreda is located at the center of the region in the Great Rift Valley area that lies between the Ethiopian plateau to the north and the Somalia plateau to the south [7]. Geographically the area is located between 38°25'E and 38° 55'E longitude and 7°35'N and 8°05'N latitude [7]. The altitude ranges from 1500 m to 2300 m above sea level [8]. The average annual rainfall of the area ranges from 650 to 750 mm with a higher erratic in nature [9].

Dugda woreda on the other hand is bordered by Bora Woreda in the North and North West, Arsi zone in the East, Adami Tulu Jido Kombolcha Woreda in the South and Gurage zone of SNNPR in the West [10]. It is found between $8^0$01'N to $8^0$10'North latitude and $38^0$31'E to $38^0$57'E longitude. The Woreda has a total of 40 kebeles where 36 kebeles are under rural administrations and the remaining four are urban kebeles [11]. The altitude of the woreda ranges from 1600 to 2020 masl [10]. According to [12] the woreda receives a mean annual rainfall of 750 mm with a monomodal pattern, which falls much between October and November. These climatic conditions of the study woredas contribute to the agricultural practices in the woreda, particularly vegetable cultivation.

The map presented in Figure 1 delineates the geographic context of the study area in Ethiopia. Centrally located within the country, the Oromia Region houses the East Showa Zone, which is situated in the southernmost part of Oromia region. For this research, two specific woredas (districts) were selected from the East Showa Zone: Adami Tulu Jido Kombolcha (ATJK) Woreda and Dugda Woreda.

Within these woredas, the study identified three kebeles (the smallest administrative divisions) for detailed examination, as illustrated in Figure 1. From ATJK Woreda, the chosen kebeles are Bochesa, Dodicha, and Edo Gejela. In Dugda Woreda, the selected kebeles include Dodota Denbel, Tuchi Denbel, and Woyo Gebriel.

The map effectively visualizes this hierarchical spatial framework, progressing from the national level of Ethiopia to the regional context of Oromia, down to the zonal specification of East Showa, and subsequently to the woreda and kebele levels where the research was implemented. This structured approach ensures a comprehensive understanding of the study's geographical setting.

2.2. Demographic and socio-economic setup

The selected woredas for this study are characterized by their strong reputation for vegetable production, particularly among smallholder farmers (SHFs), as noted by [13]. These areas possess favorable agro-ecological conditions that support vegetable cultivation and are strategically located in peri-urban settings, which include communal rural areas.

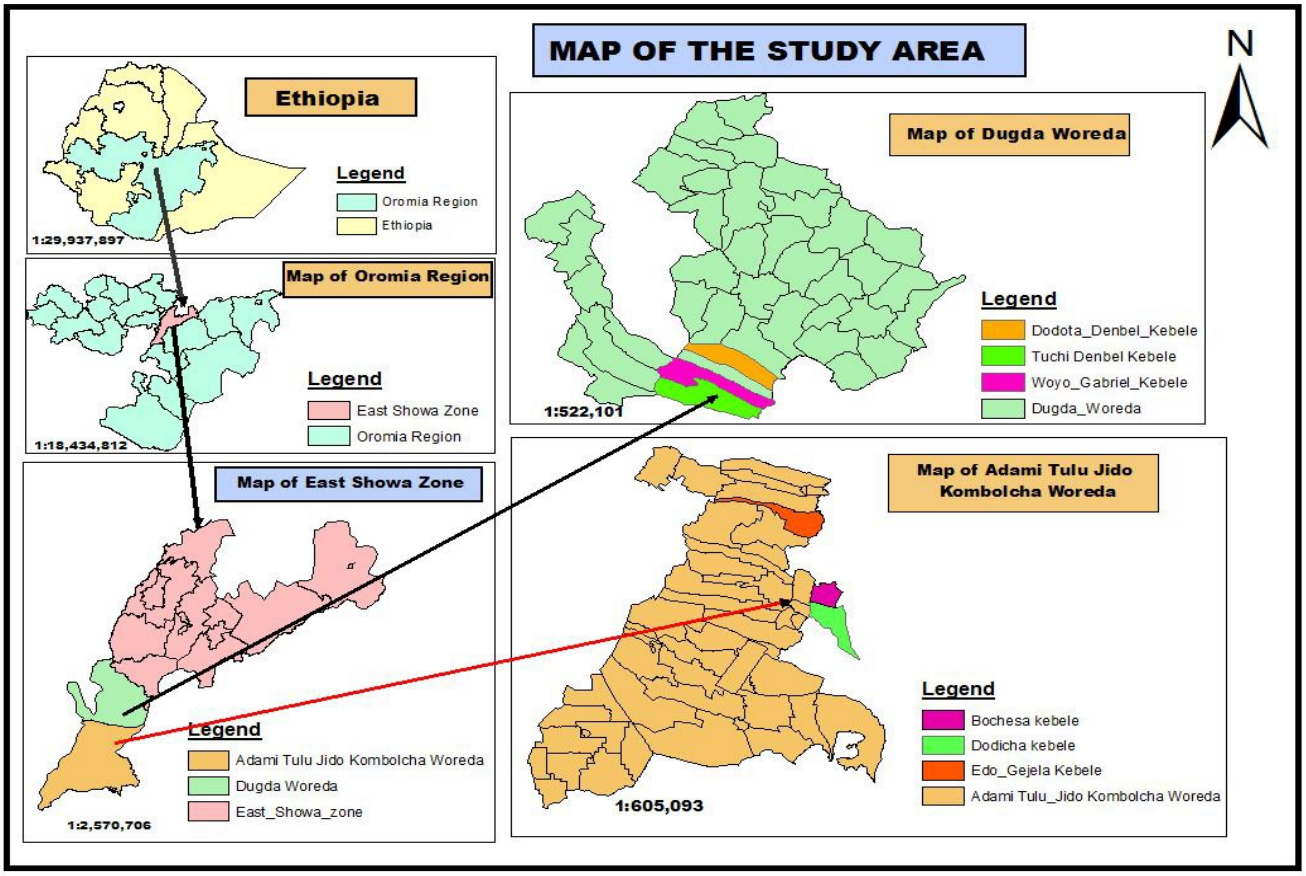

Figure 1
Map of the study area

Their proximity to major markets, especially in the capital city of Addis Ababa and Eastern Ethiopia, provides smallholder vegetable farmers with significant opportunities to supply urban markets. With a combined non-farming population exceeding 5.96 million, as reported by the Ethiopian Government in 2022, there is a robust demand for vegetable produce in Addis Ababa [14]. Additionally, all key vegetable producers and marketing actors are actively engaged in distributing products primarily to the eastern and central markets of the country. Furthermore, these woredas face challenges related to food and nutritional insecurity.

2.3. Sampling procedure

The study adopted a multistage sampling technique for the selection of specific locations as well as target hosueholds engaged in the production and selling of vegetables. This sampling technique helped to select the study areas and target populations moving down from the woreda level to kebele and finally household level.

Accordingly, three stage sampling techniques were employed. In the first stage two woredas namely ATJK and Dugda woredas out of the the twelve woredas of the East Showa zone of Oromia region were purposively selected. The second stage where the study employed was the random selection of fruits and vegetables producing kebeles from each woreda to have a total of 6kebeles. In the third stage, farming households at the kebele level were randomly sampled from the list of smallholder farmers provided by the Woreda Agricultural Office. Finally, total samples of 359 smallholder vegetable farmers out of the 8730 total smallholder farmers were ultimately interviewed in the six kebeles.

The sample size of respondents was determined using the formula by [15]. The Krejcie and Morgan formula specified below is often chosen for sample size determination due to its simplicity and ease of use, particularly for researchers working with large populations. The Krejcie and Morgan table is well-suited for estimating sample sizes, particularly when studying proportions like vegetable producing households, and is readily adaptable to finite populations for ensuring representativeness. It provides a straightforward way to determine the required sample size for a given population, making it a valuable tool for researchers.

$$S = \frac{X^2 NP(1-P)}{d^2(N-1) + X^2 P(1-P)}$$

where,

S = required sample size

X^2 = the table value of chi-square for one degree of freedom at the desired confidence level

N = the population size (8730)

P = the population proportion (assumed to be .50 since this would provide the maximum sample size)

d = the degree of accuracy expressed as a proportion (.05)

The sample size was calculated using the [15] formula above. The total population of smallholder vegetable farmers in the study kebeles were 8730 (Table 1). Accordingly, the sample size of the study was 359 smallholder vegetable farmers. Table 1 presents the distribution of smallholder farmers across selected woredas and kebeles involved in the study. It highlights two main woredas: Adami Tulu Jido Kombolcha (ATJK) and Dugda. In ATJK Woreda, there are three kebeles – Bochesa, Dodicha, and Edo Gejela – totaling 183 smallholder farmers. In Dugda Woreda, the study covers three kebeles as well: Dodota Denbel, Tuchi Denbel, and Woyo Gebriel, with a combined total of 176 smallholder farmers. Overall, the total number of smallholder farmers represented in the study is 359. This table effectively summarizes the population of smallholder farmers within the chosen geographical areas, facilitating a clearer understanding of the research context.

Table 1

Sample size of each study kebele

SN	Woreda	Kebele	Number of smallholder farmers
1	ATJK	Bochesa	69
		Dodicha	57
		Edo Gejela	57
Subtotal			183
2	Dugda	Dodota Denbel	55
		Tuchi Denbel	60
		Weyo Gebriel	61
Subtotal			176
Total			359

ATJK: Adami Tulu Jido Kombolcha

2.4. Method of data collection and analysis

This study employed positivism philosophy, deductive approach, quantitative research method, utilizing a survey research strategy within a cross-sectional study design. The choice of this method was to effectively achieve the study's objective, elucidate causal relationships among variables through deductive reasoning, and address the research inquiries [16].

According to [16] a research population is defined as those large groups of individuals or objects which have similarity in characteristics in which the research is relied on. In this study, the target population were the smallholder vegetable farmers in Adamitulu Jido Komblocha woreda and Dugda woreda.

The primary data for the research was collected from individual households in the vegetable-producing community within the specified study areas. Furthermore, secondary data was gathered from an array of reports, published research outcomes, and relevant institutional sources.

This combination of sources provided a comprehensive understanding of the community's agricultural practices. This primary data collection was conducted through direct, face-to-face interactions utilizing a semi-structured questionnaire aimed at vegetable smallholder farmers (SHFs). The questionnaire was carefully designed to collect quantitative data using the koboCollect application. Before launching the official survey, the questionnaire was assessed for reliability and tested with 20 smallholder farmers who were not part of the main survey population. This initial testing played a critical role in ensuring that the questionnaire accurately addressed the research questions and objectives while also helping to eliminate any unnecessary questions. The data collection process is fundamental to the execution of the research project; thus, both primary and secondary data were employed in this investigation, with the koboCollect platform facilitating the data acquisition.

2.5. Data analysis

Microsoft Excel program and Statistical Package for Social Sciences (SPSS) version 29.0 were used for primary data entry and data analysis respectively. Descriptive statistics such as mean, standard deviation and frequencies were used to examine the demographic and socio-economic characteristics of the smallholder farmers. The Multiple Linear Regression Model /MLR/ was employed to examine factors associated with the postharvest losses of the crops under study.

2.6. Methods for measuring food losses

The four methodologies for assessing postharvest losses, as developed by [17], include the Aggregate Self-Reported Method, the Category Method, the Attribute Method,

and the Price Method. For the purposes of this particular study, the Aggregate Self-Reported Method was selected for implementation. This specific method relies on the information provided directly by the producers, which, in this context, refers to smallholder vegetable farmers operating within the study area.

2.7. Calculation of weight loss data at producers' level

For the assessment of weight loss, only one specific value chain was analyzed for each of the crop: tomato, kale, and papaya. The calculation of weight loss for these crops was conducted immediately after they were freshly harvested from the smallholder vegetable farmers' fields. Following the initial harvest, the subsequent losses that occurred during harvesting, transportation of the produce from the field to market, as well as during storage and marketing processes, were also recorded as per the information gathered from the producers. Notably, these subsequent losses were tracked while the farmers themselves managed these stages of the value chain. This approach ensured that the assessment captured the complete picture of weight loss from the moment of harvest through to the point of sale.

2.8. Multiple Linear Regression model to examine the factors associated with postharvest losses

Multiple Linear Regression/MLR is a convenient model for dependent variables of interest, such as post-harvest economic losses indices which are continuous in nature rather than categorical [18]. This makes MLR more suitable than logistic regression, which is designed for binary or multinomial outcomes. Furthermore, MLR allows simultaneous examination of the effect of several predictor variables – including demographic, socioeconomic, and market-related factors – on the magnitude of losses and food security outcomes [19]. Compared to alternative models, MLR provides not only the direction and significance of relationships but also the magnitude of changes in the dependent variable for unit changes in explanatory factors, which is crucial for generating policy-relevant insights [20].

Therefore, to achieve the research objectives, a Multiple Linear Regression (MLR) model was employed, drawing on methodologies similar to those utilized in previous studies conducted by [21]; as well as [22]. This comprehensive model allowed for a thorough examination of the determinants affecting postharvest losses in the selected crops.

Additionally, functional analysis was performed to explore the factors contributing to postharvest economic losses at the farm level, drawing parallels to methodologies employed in earlier research on food grains by [21]; as well as studies on chickpeas by [23] and vegetables by [24]. This multifaceted approach not only provided insights into the extent of postharvest losses but also highlighted the critical factors that farmers must consider to mitigate these losses effectively. The general form of the estimated multiple regression equation is as follows:

$$\hat{y} = b_0 + b_1 X_1 + b_2 X_2 + b_3 X_3 + \ldots b_k X_k,$$

and the population model

$$\mu_y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \ldots \beta_k X_k,$$

where

k = the number of independent variables (also called predictor variables)

$\hat{y}$ = the predicted value of the dependent variable (computed by using the multiple regression equation)

$x_1, x_2 \ldots, x_k$ = the independent variables

β_0 is the y-intercept (the value of y when all the predictor variables equal 0)

b_0 is the estimate of β_0 based on that sample data

$\beta_1, \beta_2, \beta_3, \ldots \beta_k$ are the coefficients of the independent variables $x_1, x_2 \ldots x_k$

$B_1, b_2, b_3, \ldots, b_k$ are the sample estimates of the coefficients $\beta_1, \beta_2, \beta_3, \ldots \beta_k$

Hence the following multiple linear regression function was adopted in the present study:

$$Y = a_0 + a_1 X_1 + a_2 X_2 + a_3 X_3 + \ldots a_9 X_9 + e,$$

where

Y = Post-harvest losses of vegetables/fruits at farm level in quintals

X_1 = Total yield of vegetables/fruits in quintals

X_2 = Area under vegetables/fruits (ha)

X_3 = Age of the household head (hhh) in years

X_4 = Vegetable/fruits production experience of the hhh

X_5 = Education status of the hhh

X_6 = Storage dummy which takes the value '0' if the storage facility is adequate and value '1' otherwise

X_7 = Weather dummy which takes the value '0' if the weather during harvesting is favorable and value '1', otherwise

X_8 = Transportation dummy which takes the value '0' if transport facility is adequate and value '1' otherwise

X_9 = Labour dummy which takes the value '0' if the labour availability during harvesting is adequate and value '1', otherwise.

e = Random-error

3. RESULTS AND DISCUSSION

3.1. Descriptive results of the demographic and socio-economic characteristic of the respondents

The demographic and the socioeconomic characteristics of the vegetable producing households surveyed in the study areas are shown in Table 2 below. Age of the head of the household, size of the household, experience in the production of vegetables of the household and the size of the farm were the components used to evaluate the demographic and socio-economic characteristic of the households surveyed (Table 2). The One-way-ANOVA showed that in the sampled kebeles of the study area, the average age of farmers varied significantly at p<1 % probability level among the respondents. The average age of households ranged from 34.5 years in the Bochesa kebele to 43.3 years in the Tuchi Denbel kebele. Bochesa kebele stands out with the youngest vegetable-producing households, while Tuchi Denbel has the oldest. The presence of young smallholder farmers in Bochesa kebele can be attributed to the availability of an irrigation scheme, which encourages young farmers to engage in vegetable production using irrigated water and achieve two to three harvests per year.

The study is consistent with the findings of various researchers. A study conducted in Dugda and Mieso woredas by [25] in the year 2010 over 161 respondents indicated that the average age of the respondents in Dugda and Mieso woredas were 41 and 38years respectively. In Dugda woreda according to [25], the mean age of the sampled households was slightly above the overall average age of 38.83 years of this study finding. Likewise, the average age of respondents from Mieso, as reported in their findings, is 38 years, which is slightly lower than the average of 38.83 years found in this study. [26] also reported that the average age of the sampled households in ATJK and Dugda woredas was 34.4 years which is much lower than the finding of this study. [27] conducted a study in Illuababora zone of Oromia region over 117 smallholder farmers. As a result, the average age of the surveyed smallholder farmers was 43.62 years.

As such, the average household size of the sample respondents from both woredas is 4.95 and the mean household size varied significantly at p<1 % among the surveyed kebeles based on the One-way ANOVA result. Woyo Gebriel has the lowest household size of 3.9 and Dodota Denbel has the highest average household size of 6.73 (apprx 7). The availability of larger househld size impacts the shortage of labour at various stages of vegetable production [28]. According to [29], in Ethiopia, as of the 2016 survey data the typical household consists of approximately 4.8 (5) individuals which is slightly lower than the finding of this study. The average household size tends to be larger in rural areas, where it reaches about 5.2 individuals per household. In contrast, smaller towns report a lower average household size of 4.3 individuals, while larger towns have even smaller average, with only 3.7 individuals per household. Specifically, within the Oromiya region, the average household size mirrors the national rural trend; also standing at 5.2 individuals per household. This is a little bit higher than the finding of this study. The average household size according to the finding of [26] which was conducted in both woredas of ATJK and Dugda was 5.5persons which is slightly higher than the result of this study 4.95 (5) persons. However, the average household size (10 persons) which was reported by [30] was extremely high when compared to the finding of this study.

Table 2
Socio-economic characteristics of the respondents

Variables	Woreda												Over all	
	ATJK						Dugda							
	Kebele						Kebele							
	Bochesa		Dodicha		Edo Gojela		Dodota Denbel		Tuchi Denbel		Weyo Gebriel			
Sample size	69		57		57		55		60		61		359	
Farmers characteristics														
	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD
Age	34.6	4.10	39.9	5.74	40.7	8.46	36.3	4.25	43.4	7.69	38.1	6.278	38.83	6.09
Household size	4.7	1.58	5.7	2.22	4.51	2.6	6.73	2.313	4.18	1.73	3.90	2.119	4.95	2.09
Vegetable production experience	10.5	3.19	12.63	3.60	10.53	4.63	6.96	2.70	9.52	4.49	9.56	3.892	9.96	3.75
Farm size	0.95	0.18	0.88	0.19	1.59	0.61	1.61	0.62	1.37	0.39	1.02	0.26	1.22	.50

SD = Standard Deviation

Source: Survey data

The respondents also have substantial experience in vegetable production, averaging around 9.96 years, which enhances their expertise and knowledge of crop management and market dynamics. Farmers at Dodota Denbel have the lowest average of 6.96 years and farmers at Dodicha have the highest of 12.63 years of vegetable production experience, respectively. Such substantial experience in vegetable production potentially helps to practice the postharvest management activitities and enhance food availability for families, local community and reduce the prices of foods. The average vegetable production experience of the farmers in the study areas was greater than the average vegetable experiences reported in ATJK (6.6 years) and Dugda woredas (4.8 years) in a study conducted by by [26].

The study considers the size of the farm owned by the vegetable producing households, along with other socioeconomic characteristics of the respondents. Among smallholder farmers considered for the study, the average farm size for vegetable production ranges from 0.88 hectares in Dodicha kebele to 1.61 hectares in Dodota Denbel kebele. Similarly, the average farm size of respondents from Edo Gejela kebele have an average farm size of 1.59 hectares. Across both study areas (ATJK and Dugda woredas), the average farm size for vegetable production among sampled households is 1.22 hectares. Specifically, of the 359 respondents, 117 households have land holdings less than 1 hectare, while the remaining 242 households have an average land size of between 1.02 and 1.61 hectares. The One-way ANOVA and descriptive findings indicate a significant variation at $p<1$ % probability level in the land sizes allocated to vegetable production among the studied kebeles.

As revealed during data collection, this variation in land holding by the sampled respondents is attributed to some farmers in Dodota Denbel kebele who rented additional land for vegetable production. The average landholding of the respondents in the study kebeles is nearly consistent with the results reported by [30], which indicated that farmers have 1.2 hectares per household. However, the average land holding of the respondents in this study is inconsistent with finding of [31] where the high average land holding of the farmers is 3.2 ha.

3.2. Main sources of income

Table 3 provides information on various variables related to sources of incomes of the farmers in ATJK and Dugda woredas. The variables include sample size and the source of household income and amount. The study areas listed in the table are Bochesa, Dodicha, Edo Gojela, Dodota Denbel, Tuchi Denbel and Woyo Gebriel kebeles. The sample size shows the number of farmers surveyed in each kebele. The source of household income and amount section shows the mean and standard deviation for different sources of income for the farmers. The sources of income listed include vegetables, livestock, salary, pension, and safetynet. The mean represents the average amount of income from each source, while the standard deviation indicates the variation or spread of the income data. Overall, the table provides a comprehensive overview of the sources of income in different kebeles of the study households.

Table 3
Sources of incomes of the respondents

Variables	Woreda										Over all			
	ATJK						Dugda							
	Kebele						Kebele							
	Bochesa		Dodicha		Edo Gojela		Dodota Denbel		Tuchi Denbel		Woyo Gebriel			
Sample size	69		57		57		55		60		61		359	
Source of household income and amount														
	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD
Vegetable	170,217	105,084.2	108,776	44,386.4	570,152	379,109.6	882,462	781,090.4	286,766	12,118.6	377,374	345,093.5	399,291	311,147.1
Livestock	27,939	12,220.1	21,998	15,299.4	14,266	21,455.7	31,754	11,238.6	27,487	16,586.5	41,108	16,893.2	27,425	15,615.6
Safetynet Program	1,341	3,739.5	510	1,878.2	265	2,004.5	95	710.3	571	2,522.2	505	2,003.2	548	2,143.0
Salary/ Wages	1,103	5,219.1	446	1,472.9	1,108	4,079.3	–	–	–	–	620	2,010.3	546	2,130
Pension	175	1,457.5	–	–	1,216	1,667.6	–	–	732	2,253.7	–	–	354	896.4

Source: Survey data

In the study areas, smallholder vegetable farmers have multiple sources of income to support their livelihoods. These include income from vegetable production, livestock, the Safetynet program, salary, and pension. The study analyzed data from 359 respondents and found that revenue from vegetable production is the main source of income among all study areas. The presence of different sources of irrigation water could explain the dominance of the revenue generated from vegetables in the study areas. According to the study condcuted by [32] and visual observation during the data collection period, farmers in the study areas primarily rely on water from the Meki river, Bulbula river and Lake Ziway for irrigation. Others also involve the extraction of groundwater. Farmers in both woredas have the option of participating in a joint irrigation scheme or irrigate their fields individually. In ATJK woreda, the predominant irrigation system is the joint scheme, while in Meki individual irrigation systems that utilize water from boreholes and the Meki River are more prevalent [32].

The results of this study indicate that the average annual income from vegetable production in the surveyed areas is Birr 399,291.34. Additionally, the One-way ANOVA analysis revealed significant differences at p<1 % probability level in the mean income of farmers from vegetable production across the sampled kebeles. The average household income from vegetables and fruits farming in ATJK and Dugda woredas, based on the sampled households, was extremely higher than the Birr 13,714 ($686) per year reported by [33] for the year 2016. This indicates the exponential rise in the share of vegetable on household income and the potential of vegetable farming to enhance household income, especially in the sampled woredas, as it is one of the primary agricultural activities in those areas. The increase in the proportion of income derived from vegetables can be attributed to several factors, including the expansion of irrigation systems, the use of inputs such as seeds, fertilizers, and chemicals, enhanced market access, and improvements in postharvest management practices.

At kebele level, Dodota Denbel has generated an annual income of Birr 882,462.00 which is the highest out of the studied kebeles followed by Edo Gejela stands at Birr 570,152.09 and Woyo Gebriel Birr 377,373.90 from vegetable, respectively. Among the sampled households, Bochesa kebele had the least amount of income from vegetables, which is equivalent to Birr 170,217.30 per season.

As the findings of the study indicated, revenue generated from livestock stood the second source of income next to vegetable. As a result, the annual average revenue generated from livestock is Birr 27,425.69. Among the studied kebeles, Woyo Gebriel kebele had the highest annual income of Bir 41,108.52 from livestock. On the contrary, Edo Gejela had the lowest income from livestock among the six studied kebeles, which is equivalent to Bir 14,108.52. Likewise, the average annual income the farmers received from safetynet program, salary, and pension is Birr 548.42, 546.60, and 354.13 respectively.

3.3. Income generated from each crop

Table 4 from the survey showed the quantity sold and average income generated from two vegetable crops and a fruit crop in ATJK Woreda and Dugda Woreda. The results provided insights into the sales and income patterns specific to these two woredas. As the table displayed, out of the surveyed respondents in ATJK woreda, we found no tomato and papaya producers in Dodicha kebele and no papaya producers in Dodota Denbel and Tuchi Denbel kebeles in Dugda woreda. Based on the results of the survey, it was found that tomato was the most profitable crop, generating the highest average annual income. In Dodota Denbel, the average annual income from tomatoes was Birr 1,591,477.78, which was obtained by selling 370.11 quintals of tomato. Similarly, in Woyo Gebriel, the average annual income from tomato was Bir 707,247.62, derived from selling 164.48 quintals of tomato. Tomato cultivation in both kebeles relied primarily on irrigation methods using water from the Meki River and groundwater through the use of water pumps.

According to Table 4, there were notable variations in the quantities sold and prices in different kebeles of the study areas. For example, in Dodota Denben kebele, 370.11 quintals of tomato were sold, generating an average annual income of Birr 1,591.477.78. On the other hand, in Tuchi Denbel kebele proportionally a lower quantity of the same vegetable (155.34quintal) fetched relatively lower average annual income of Birr 605,837.14. This indicated that the price per kg of tomato in Dodota Denbel is 4Birr higher than the Tuchi Denbel. These variations can be attributed to the different market outlets used by farmers in each kebele, season of production as well as variations in product quality. Farmers in Dodota Denbel kebele primarily sold their produce to whole-sellers, while those in Tuchi Denebel kebele mainly used middle men (chapter 5). Besides, the prices in these markets can fluctuate depending on the forces of supply and demand.

Similarly, the survey result according to Table 4, kale was identified as the second most lucrative crop in terms of revenue generation in the study areas. This crop made a significant contribution to the income of farmers in the kebeles of Edo Gejela, Woyo Gebriel and Dodota Denbel, providing them with substantial amounts of income. In Edo Gejela, farmers earned an average annual income of Birr 309,331.25 by selling 71.94 quintals of kale. Similarly, in Woyo Gebriel and Dodota Denbel, the annual average income the farmers obtained were Bir 200,477.86 and 198,768.21 from the sale of 46.62 and 44.17 quintals of kale respectively.

Table 4
Quantity sold and income generated

Crop	ATJK Woreda						Dugda woreda					
	Kebele						Kebele					
	Bochesa		Dodicha		Edo Gejela		Dodota Denbel		Tuchi Denbel		Woyo Gebriel	
	Average quantity sold (Qtl/ season)	Average income (Birr/ season)	Average quantity sold (Qtl/ season)	Average income (Birr/ season)	Average quantity sold (Qtl/ season)	Average income (Birr/ season)	Average quantity sold (Qtl/ season)	Average income (Birr/ season)	Average quantity sold (Qtl/ season)	Average income (Birr/ season)	Average quantity sold (Qtl/ season)	Average income (Birr/ season)
Tomato	71.37	321,175	–	–	168.08	756,353	370.11	1,591,477	155.34	605,837	164.48	707,247
Kale	29.72	124,844	25.90	108,776	71.94	309,331	44.17	198,768	40.36	181,625	46.62	200,477
Papaya	43.57	108,928	–	–	138.66	318,919	–	–	–	–	85.59	213,977

1ETB=0.0177USD as of 31Dec 2023
Source: Survey data

In contrast, the study findings revealed that papaya, although it was not produced by the sample respondents in the three kebeles of Dodicha, Dodota Denbele, and Tuchi Denbel, emerged as the third most profitable crop in terms of revenue generation from the studied crops. This highlights the potential of papaya cultivation in the study kebeles. In Edo Gejela, the average annual income generated from selling 138.66 quintals of papaya was Birr 318,919.92, while in Woyo Gebriel and Bochesa, the average annual incomes from selling 85.59 and 43.57 quintals of papaya were Bir 213,977.27 and 108,928.85 respectively.

The reasons for the variations in yield and income could be attributed to factors such as soil quality, climate conditions, farming practices, market demand, and access to resources and infrastructure. Different kebeles may have different agricultural conditions that affect the productivity and profitability of specific crops. Additionally, factors such as market prices, competition, and the availability of buyers can also impact the income generated from selling crops.

In general, the study findings highlight the economic potential of the three crops in the study areas. These crops have proven to be lucrative sources of income for farmers, in both woredas. The results suggest that further investments and support in the cultivation of papaya and kale could greatly benefit farmers in terms of income generation.

3.4. Estimated postharvest losses of the studied crops

Table 5 summarizes data on the average estimated losses in yield (quintals per household) and revenue loss (Birr per household) for tomato, kale, and papaya crops in the study areas. The findings revealed that tomato demonstrates a high average yield of 174.33 quintals per household, but also experiences a substantial average yield loss of 19.81 quintals, resulting in an estimated revenue loss of Birr 87,175.46 and a percentage loss of 11.84 %. In comparison, kale yields average quintals of 41.90 with a yield loss of 3.62 quintals, leading to an estimated revenue loss of Birr 15,554.83 and a percentage loss of 8.62 %. Papaya, with an average yield of 103.28 quintals, faces the highest yield loss of 14.51 quintals among the studied crops, translating into an estimated revenue loss of Birr 33,371.08 and a higher percentage loss of 13.81 %. These figures underscore the varying degrees of production efficiency and vulnerability to yield losses among the three crops, influencing their economic viability and management strategies in agriculture.

Percentage wise, papaya experiences the highest loss at 13.81 %, more than tomato 11.84 % and kale 8.62 %. These comparisons highlight papaya's average production and revenue, along with its higher vulnerability to yield losses, while kale appears relatively more resilient in managing yield losses. This finding was significantly lower than the results reported by [34], which indicated that a study conducted in four districts of the East Showa zone in the Oromia region found postharvest losses of tomatoes at producers level due to inadequate postharvest management practices to be 20.5 %. However, the finding of [35] in the rural districts of Tanzania over 420 maize farming households found out that smallholder farmers experienced postharvest losses of as much as 11.7 %. Additionally, a similar study conducted on tomatoes in the Fogera districts of Amhara region in Ethiopia reported that postharvest losses at the producer level were 21.24 % before the produce reached wholesalers or local collectors [36].

Table 5
Estimated post-harvest loss of the studied crops

Crop type	Average yield produced (qtl)	Average yield consumed (qtl)	Average yield loss (qtl)	Average yield sold (qtl)	Average revenue/ income in birr	Average revenue loss ($/season)	Estimated percentage (%) loss
Tomato	174.33	0.43	19.81	154.09	570,388	87.175	11.84
Kale	41.90	0.73	3.62	37.56	162,960	15.554	8.62
Papaya	103.28	0.66	14.51	88.11	211,024	33,371	13.81

Source: Survey data

The elevated percentage loss of papaya, despite its average production volume among the studied crops, suggests potential challenges linked to specific vulnerabilities or environmental factors in its cultivation. This comparison underscores the importance of understanding absolute and relative losses in agricultural production. Farmers and policymakers can utilize these insights to prioritize initiatives aimed at enhancing yield resilience and minimizing losses, thereby bolstering overall agricultural productivity and economic sustainability. Understanding these dynamics is crucial to inform effective crop management strategies and risk mitigation approaches in agriculture.

3.5. Percentage share of factors affecting post-harvest losses at farm level

Figure 2 summarizes information on the main causes of post-harvest losses obtained from vegetable production during the 2023/24 cropping season as reported by sample respondents. The figure shows the proportion of respondents based on different causes of post-harvest losses (PHL) in three vegetable/fruit crops. The study adopted causes of PHL such as mechanical damage, pests and diseases, weather conditions, over maturity, rough handling, and delayed marketing. The y-axis represents the percentage of causes of PHL associated with each crop in the x-axis.

Tomato: Mechanical damage appears to be the leading cause of post-harvest loss at 27.73 %, closely followed by pests and diseases at 22.69 %. Weather conditions and over maturity are also significant factors, contributing 18.49 % and 15.97 %, respectively. Rough handling and delayed marketing are less impactful, but still notable at 8.40 % and 6.72 %, respectively. Nevertheless, a study carried out in Zimbabwe by [37] revealed that a significant majority of farmers, approximately 90 %, identified pests and diseases as the primary factors contributing to the substantial post-harvest losses experienced in tomato production. The study by [37] further explained that farmers involved in the production of rape, covo, and tomatoes identified decay and rough handling as the second and third leading contributors to post-harvest losses, respectively. The significant amount of vegetables that damage or rot can be attributed to a lack of knowledge of proper handling, road conditions and inadequate or nonexistent of storage facilities in the areas under study.

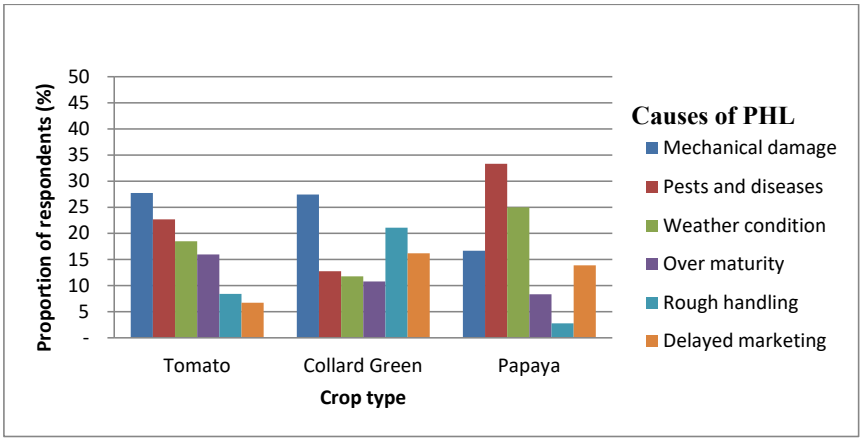

Figure 2
Main causes of vegetable post-harvest loss

PHL: Post-harvest Loss
Source: Survey data

Kale: mechanical damage is the leading factor contributing to a loss of 27.45 % closely followed by rough handling at 21.08 %, suggesting that the physical handling of the crop needs improvement. Other factors such as pests and diseases, weather conditions, and delayed marketing account for 12.75 %, 11.76 %, and 16.18 % of the loss, respectively. Over maturity is responsible for a smaller portion of the loss, at 10.78 %.

Papaya: For papaya, pests and diseases are the leading cause of post-harvest loss, accounting for 33.33 %. Weather conditions play an important role as well, contributing 25 % to the loss. Mechanical damage is also a major factor, accounting for 16.67 % of the loss. Delayed marketing and over maturity contribute 13.89 % and 8.33 %, respectively, while rough handling has the smallest impact at 2.78 %. These findings highlight the specific factors contributing to post-harvest loss in each crop and emphasize the importance of addressing these issues to minimize loss and improve overall crop quality.

3.6. Factors associated with post-harvest losses at farm level (Multiple Linear Regression Model)

As the variables in Table 6 indicated, the postharvest losses (continuous dependent variable) of vegetables are caused by multiples of explanatory variables like demographic, socioeconomic, biophysical, and sociocultural factors such as yield, area allocated for vegetable production, age of the household head, and experience of the household head in vegetable production. These variables are a continuous variable used as predictors. Besides educational status of the households, availability of storage for the vegetables, weather condition during the postharvest period, availability of transportation for the shipment of the produces, and labour availability for the harvesting and other activities of the vegetables are also the other predictor variables considered as dummy variable.

Table 6 summarizes the results of a multiple linear regression (MLR) analysis conducted using SPSS version 24.0, focusing on the studied crops: Tomato, Kale, and Papaya. Postharvest loss in this study is the dependent variable. The analysis reveals that some independent variables included in the model are strong predictors of postharvest losses of the three crops, as evidenced by the high R^2 values for all three models 0.977 for Tomato and Kale, and 0.986 for Papaya. These values indicate that the model explains a significant proportion of the variance in yield loss for each crop. The results of the multiple linear regression show high F-statistics for tomato (522.292), kale (932.685), and papaya (234.860). Additionally, the adjusted R^2 values are impressive at 0.977 for both tomato and kale, and 0.986 for papaya. These findings reinforce the statistical significance of the models, allowing for the rejection of the null hypothesis.

Table 6
Factors affecting post-harvest losses at farm level (Multiple Linear regression Model)

Explanatory variable	Tomato			Kale			Papaya		
	Standardized Coefficient	T	P-value	Standardized Coefficient	t	P-value	Standardized Coefficient	t	P-value
	Beta			Beta			Beta		
(Constant)		–0.405	0.686		3.456	0.001		1.143	0.263
Yield	1.720	–0.405	0.000***	1.034	19.926	0.000***	1.025	10.35	0.000***
Area	–0.885	10.132	0.000***	–0.173	–3.717	0.000***	–0.094	–1.142	0.263^{NS}
Age of hhh	0.079	–5.925	0.182	–0.120	–1.925	0.056	–0.285	–2.498	0.019*
Experience of hhh	–0.145	1.343	0.036**	–0.168	–2.612	0.010**	0.251	2.715	0.011**
Education of hhh	0.027	–2.122	0.569^{NS}	0.138	3.935	0.000***	0.008	0.115	0.909^{NS}
Storage Dummy	0.000	0.571	0.992	0.007	0.617	0.538	0.016	0.577	0.569^{NS}
Weather Dummy	0.079	0.010	0.001**	–0.004	–0.381	0.704	0.048	1.759	0.090^{NS}
Transport Dummy	0.029	3.426	0.073	–0.029	–2.634	0.009**	0.015	0.603	0.552^{NS}
Labour Dummy	–0.001	1.808	0.936	0.001	0.061	0.951	1.025	10.35	0.000***
F	522.292			932.685			234.860		
R	.989[a]			.989[a]			.993[a]		
R^2	0.977			0.977			0.986		

* Significant at p<10, ** Significant at p<5, *** significant at p<1, ^{NS} not significant, hhh = household head

In terms of key variables, the yield variable consistently exhibits a highly significant correlation with the dependent variable, post-harvest loss, for the three crops at $p < 0.01$ significance level. This suggests that higher yields are strongly and positively correlated with higher post-harvest losses of the three crops considered in the study. A unit increase in yield increases the post-harvest losses of tomato, kale and papaya by a factor of 1.720, 1.034, and 1.025 respectively with other factors held constant. Several studies support the finding that higher yields are often associated with increased post-harvest losses due to constraints in handling, storage, and marketing. For example, [38] reported that farm-level factors such as landholding size and production scale significantly influenced post-harvest losses in Ethiopia, while [39] found that higher production potential in northern Ethiopia often translated into greater losses when market access and infrastructure were inadequate. Similarly, [40] highlighted that poor handling practices and sociodemographic factors were major contributors to post-harvest losses of fruits and vegetables, indicating that increased production without improved post-harvest management can exacerbate the problem. Collectively, these studies reinforce the conclusion that while higher yields can boost output, they also heighten vulnerability to post-harvest losses if not matched by adequate infrastructure, labor, and management practices.

The area variable shows a negative and significant correlation with post-harvest losses of tomatoes and kale at $p < 0.01$ significance level. This implies that a unit increase in area results in reduction of 0.885 and 0.173 units of post-harvest losses in tomato and kale respectively, with other factors held constant. This contradictory finding may suggest that as area increases, the farmers may hire efficient labour, better funding, and appropriate marketing channels. For Papaya, the area variable is not significant ($p = 0.263$), indicating that it does not substantially affect yields. The age of the household head presents varying significance across the crops; it is not significant for tomatoes ($p = 0.182$), marginally significant for kale ($p = 0.056$) and significant for papaya ($p = 0.019$). This negative correlation implies that a unit increase in age of the farmer reduces the postharvest losses kale and papaya by 0.120 and 0.285 units respectively, with other factors held constant. This suggests that older household heads may be more associated with a less post-harvest loss of kale and papaya due to efficiency in managing the crop.

The experience of the household head in tomato and kale vegetable production yields a negativeand significant correlation with postharvest losses (at $p < 0.05$); while for papaya, experience has a positive correlation with the postharvest losses (at $p < 0.05$). This result for tomato and kale do not violate the null hypothesis that having greater experience in vegetable production will lead to lower postharvest loss. The value of the standardized coefficient (beta) for tomato and kale is -0.145 and -0.168, respectively. This implies that one unit increase in the experience of the household head in vegetable production reduces post-harvest losses of tomato and kale by factors of -0.145 and -0.168, respectively. For papaya, experience has a positive correlation with the postharvest losses ($b = 0.251$; $p < 0.05$). Thus, a unit increase in experience results in 0.251 units increase in postharvest losses, with other factors held constant. This is contrary to expectation, and may be due to lack of other critical resources. Experienced farmers may stick to traditional handling and storage practices rather than adopting improved post-harvest technologies for delicate crops like papaya. Familiarity with production may not translate into market-related post-harvest practices, especially when papaya requires specialized handling due to its fragility. This suggests a knowledge – practice gap where experience reinforces habits that are not optimal for minimizing losses. [41] highlighted that postharvest losses in papaya are often due to improper harvesting, mishandling, and inadequate storage and transportation practices. These issues may arise from a lack of awareness or resistance to adopting new technologies among farmers. [42] assessed farmers' knowledge and management practices regarding papaya mealybug control in Tanzania. The study revealed that despite some awareness of biological control methods, farmers lacked the knowledge, experience, and technical support to implement these practices effectively.

Regarding the level of education of the household head, it is significant only for kale ($p < 0.001$), suggesting that higher levels of education may positively influence kale post-harvest loss. This implies that a unit increase in level of education results in 3.935 units increase in postharvest losses, other factors held constant ($p < 0.001$). This is also contrary to expectation but the reason may be that most of their education might not be related to the field of vegetable production and marketing. Besides, the positive association between household head education and kale post-harvest loss is somewhat counterintuitive, suggesting complex underlying mechanisms. Educated farmers may prioritize market expansion, selling larger volumes quickly or reaching distant markets, which can compromise careful handling and storage. They may also adopt labor-saving or mechanized practices that are less gentle on delicate crops like kale, or delegate handling to less experienced labor due to off-farm employment or business activities, inadvertently increasing losses. Additionally, educated farmers might experiment with innovative storage or marketing strategies that initially result in higher losses until optimized. These findings highlight crop-specific dynamics and indicate that quantitative analysis alone may not fully capture the behavioral and contextual factors influenc-

ing losses. Further research – particularly mixed-method or longitudinal studies – could explore these pathways, including decision-making processes, risk perceptions, technology adoption, and interactions with market access, infrastructure, and climate variability. No significant effects were observed for tomato or papaya yields.

Additionally, the dummies for storage, weather, transport, and labor reveal varying levels of significance. The storage dummy does not show a significant effect across all crops. This could be due to the proximity of the main road and nearby towns. In addition, farmers sell their crops to whole sellers and middlemen at once. The weather dummy is significant for tomatoes ($p = 0.001$) but not for Kale ($p = 0.704$) or Papaya ($p = 0.090$), indicating that weather conditions can disproportionately impact tomato yields quality and postharvest losses. Tomatoes are highly sensitive to rainfall and temperature during harvest and storage, making them more vulnerable to weather variability. In contrast, kale can be harvested continuously over time, which buffers against short-term weather shocks, while papaya losses may be more strongly driven by handling and labor quality than by weather variation. These differences highlight the crop-specific nature of post-harvest vulnerabilities and the need for tailored interventions rather than one-size-fits-all strategies.

The Transport Dummy shows significant negative effects on kale ($b = -0.029$; $p = 0.009$) but not significant on tomato or papaya, suggesting that transportation logistics are more critical for kale production. Although kale is physiologically less perishable than tomato and papaya, the significant negative effect of transport on its post-harvest losses can be attributed to market and handling dynamics. Kale's economic value depends heavily on freshness and appearance, and even slight wilting or damage during transport can lead to rejection or price reduction. Its bulky leaves are more prone to mechanical damage if not properly packaged, and unlike tomatoes and papayas, which are often collected directly by middlemen, farmers frequently handle kale transport themselves, increasing exposure to loss. Additionally, kale has a shorter market-driven shelf life, as buyers demand crisp, visually appealing leaves. Thus, transport emerges as a critical determinant of kale losses despite its relative physiological resilience. This finding was consistent with the finding of [43] that it examines the supply chains of various vegetables, including Chinese kale, and identifies transportation as a significant factor contributing to post-harvest losses. The findings highlight how improper handling and packaging during transport can lead to quality deterioration, underscoring the importance of effective logistics in reducing losses. The study highlighted that the mode of transport and handling practices were critical factors influencing the quality and quantity of kale reaching the market. Besides, [44] investigated the impact of transportation, storage, and retail shelf conditions on lettuce quality and phytonutrient losses in South Africa. The study found that transportation significantly affected lettuce quality, leading to nutrient losses. While the focus was on lettuce, the findings are relevant to kale, given their similar handling requirements and perishability.

Lastly, the Labour Dummy is positive and significant for papaya ($b = 1.025$; $p < 0.001$). Thus, increase in labour results in increase in postharvest losses of papaya, other factors held constant. This may be due to poor quality of the labour; highlighting the importance of labor availability or quality in influencing papaya yields. Not all labor is skilled. In papaya cultivation, where the papaya fruits are fragile and highly perishable, careless or inexperienced labor may cause bruising, improper harvesting, or rough handling, increasing post-harvest damage. This highlights the importance of labor quality and training, not just quantity, in reducing losses. [45] found that harvesting and handling practices significantly determine papaya fruit quality during the supply chain. Improper manual handling causes bruising and microcracks, increasing microbial spoilage and postharvest loss. [46] in Ethiopia reported that poor handling, inappropriate packaging, and untrained labor during transport and storage were major drivers of papaya postharvest losses, confirming that labor quality is a critical factor.

In conclusion, the results indicate that while yield remains a consistently strong predictor of post-harvest losses across all crops, the influence of other factors such as area cultivated, farmer age, farming experience, education level, and the dummies for storage, weather, transport, and labor varies significantly by crop type. These differences suggest that post-harvest losses are not driven by a single dominant factor but rather emerge from a complex interaction of socioeconomic characteristics, production decisions, and environmental conditions. For instance, the varying impact of education and experience may reflect differences in farmers' adoption of improved post-harvest practices or market strategies, while the contrasting significance of weather across crops underscores the biological and physiological sensitivities of specific vegetables and fruits. Likewise, the insignificant role of storage highlights the importance of immediate market access and short supply chains in the study area. These findings call for more targeted, crop-specific approaches in designing interventions, rather than generalized recommendations for all perishable crops. Further investigation into farming practices, the quality and efficiency of market linkages, and localized environmental constraints would help uncover the underlying mechanisms of these relationships, thereby providing stronger empirical grounds for developing policies and technologies that minimize post-harvest losses and enhance food security among smallholder farmers.

4. CONCLUSION AND POLICY RECOMMENDATIONS

The study carried out in various kebeles reveals a demographic and socioeconomic status of smallholder farmers. The average age of the respondents is 39 years, indicating a workforce generally in the prime of their productive years. The average household size is 5, suggesting the typical family structure in the study areas. The respondents also have substantial experience in vegetable production, averaging around 10 years, which enhances their expertise and knowledge of crop management and market dynamics.

In terms of land allocated for vegetable cultivation, the average farm size per household is approximately 1.22 hectares. This land serves as the primary resource base for agricultural production and livelihood security for the respondents and their families.

Income diversification is crucial for these households, with sources that include vegetable sales, livestock rearing, salaries, pensions, and social safety nets. The overall percentage income contribution of vegetables, livestock, safetynet, salary and pension is 93.26, 6.41, 0.0.13, 0.13 and 0.08 %, respectively.

Post-harvest losses are a critical concern in agricultural productivity. The study identifies various stages, harvesting, handling, transportation, marketing, and storage, as vulnerable points where losses occur. Specifically, tomato, kale and papaya suffer losses of 11.84 %, 8.62 %, and 13.81 %, respectively at the producer level. Factors contributing to these losses include mechanical damage, pests and diseases, weather conditions, over maturity, rough handling, and delayed marketing.

For tomatoes, mechanical damage is the leading cause of losses at 27.73 %, closely followed by pests and diseases at 22.69 %. Weather conditions and over maturity also contribute significantly, accounting for 18.49 % and 15.97 % of losses, respectively. Kale face considerable losses due to rough handling (21.08 %) and mechanical damage (27.45 %), with weather conditions, pests and diseases, and delayed marketing adding to the losses. Papayas suffer mainly from pests and diseases (33.33 %) and weather conditions (25 %), with mechanical damage and over maturity also playing a significant role.

The multiple linear regression analysis provides valuable insights into postharvest losses for tomato, kale, and papaya crops. High R^2 values (0.977 for tomato and kale, 0.986 for papaya) indicate that the models effectively explain the variance in yield loss, supported by significant F-statistics. The yield variable consistently shows a strong positive correlation with postharvest losses across all crops, suggesting that higher yields lead to increased losses, which aligns with previous studies. Interestingly, the area variable negatively correlates with losses for tomato and kale, implying that larger farming areas may facilitate better management practices. Experience in vegetable production reduces losses for tomato and kale but has a counterintuitive positive correlation for papaya, potentially due to resource limitations. Education significantly affects kale losses, raising questions about its relevance in agricultural practices.

The findings of this study underscore the critical need for targeted policy interventions to address post-harvest losses and improve food and nutrition security among smallholder vegetable farmers in the East Showa zone of the Oromia region. Given the significant economic losses attributed to inadequate post-harvest management practices, it is imperative that government, smallholder farmers, value chin actors, and non-governmental organizations (NGOs) implement a comprehensive framework aimed at improving post-harvest management, enhancing market access, and ultimately boosting the livelihoods of smallholder farmers.

✓ Development of a post-harvest management improvement framework:

A structured framework should be established to guide smallholder farmers in implementing effective post-harvest management practices. This framework should include training programs focused on best-practices for harvesting, handling, storage, and transportation to minimize losses. Training should be tailored to address the specific challenges identified in the study, such as mechanical damage, pests and diseases, weather conditions, over-maturity, rough handling, and delayed marketing. Furthermore, the framework should promote the use of low-cost technologies and innovative practices that are suitable for local conditions.

✓ Strengthening market access and diversification

To reduce reliance on intermediaries or middlemen and improve farmers' income, policies should be developed to facilitate direct market access. This can be achieved by establishing and increasing farmer cooperatives that enable collective marketing, thereby increasing bargaining power of the producers and reducing transaction costs. Additionally, initiatives to diversify vegetable production should be promoted, encouraging farmers to explore high-value crops that can fetch better prices in the market. The government, smallholder farmers' cooperatives, market actors and NGOs should collaborate to provide market information and training on market trends, enabling farmers to make informed decisions.

✓ Investment in infrastructure:

Improving rural infrastructure, particularly roads and transportation facilities, is essential to reduce post-harvest losses and improve market access. The government should

prioritize investments in feeder roads that connect farmers to major markets, thereby minimizing transportation costs and time. Additionally, establishing storage facilities in strategic locations can help mitigate losses due to spoilage and provide farmers with the flexibility to sell their produce at optimal times.

✓ Promotion of gender-sensitive policies:

Given the significant role of women in vegetable production, policies must be designed to empower female farmers. This includes providing targeted training and resources that enhance their participation in post-harvest management and market access. Gender-sensitive policies should also address the barriers women face in accessing credit and land ownership, ensuring equitable opportunities for all farmers.

In conclusion, the implementation of these policy recommendations can significantly reduce post-harvest losses, improve food security, and improve the livelihoods of smallholder vegetable farmers in the study areas in particular and in Ethiopia in general. By fostering a supportive environment that addresses the multifaceted challenges faced by these farmers, stakeholders can contribute to a more resilient agricultural sector and a more food-secure nation.

Acknowledgments

I extend my gratitude to my supervisors for their relentless support throughout my PhD journey. Additionally, I would like to express my sincere gratitude to the University of South Africa/UNISA and the Food and Nutrition Office of the Ethiopian Ministry of Agriculture for their generous sponsorship for my study. Furthermore, I also acknowledge my childhood friend Dr Tewolde for his encouragement and supports throughout this journey.

Authors' Contributions

Michael Tarekegn: conceptualization. data curation, formal analysis, funding acquisition, investigation, methodology, visualization, writing original draft.

Sibongile Tekana: supervision, validation, data verification.

Michael Antwi: supervision, writing-review and editing.

Shimelis Admassu: supervision.

REFERENCE

1. Khan N., Fahad S., Naushad M., Faisal S. Analysis of Livelihood in the World and Its Impact on World Economy. *SSRN Electronic Journal.* 2020;10:54 https://doi.org/10.2139/ssrn.3717265
2. Emana B., Afari-Sefa V., Nenguwo N., Ayana A., Kebede D., Mohammed H. Characterization of Pre- and Postharvest Losses of Tomato Supply Chain in Ethiopia. *Agriculture and Food Security*. 2017;6(1):1-11. https://doi.org/10.1186/s40066-016-0085-1
3. Kiaya V., 2014. Post-Harvest Losses and Strategies to Reduce Them. *Technical Paper on Postharvest Losses, Action Contre la Faim (ACF)*. 25(3):1-25.
4. Nordhagen S. Gender Equity and Reduction of Post-Harvest Losses in Agricultural Value Chains. Gain Working Paper n°20. 2021. https://doi.org/10.36072/wp.20
5. Lele U., Masters W.A., Kinabo J., Meenakshi J.V., Ramaswami B., Tagwireyi J., et al. Technical Working Group on Measuring Food and Nutrition Security Measuring Food and Nutrition Security: An Independent Technical Assessment and User's Guide for Existing Indicators. 2016:134.
6. Akseer N., Al-Gashm S., Mehta S., Mokdad A., Bhutta Z.A. Global and Regional Trends in the Nutritional Status of Young People: a Critical and Neglected Age Group. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2017;1393(1):3-20. https://doi.org/10.1111/nyas.13336
7. Gemechu T., Wakbulcho G., Rao G.N., Adamu T. The Current and Future Trend of Rainfall and Its Variability in Adami-Tulu Jido-Kombolcha Woreda, Central Rift Valley of Ethiopia. 2015;5(22).
8. Gudisa M., Angassa A., Abebe A., Feyisa K., Scholars P., Prof A. Journal of Emerging Technologies and Innovative Research. 2018;12.
9. Umeta G., Duguma M., Hundesa F., Muleta M. Participatory Analysis of Problems Limiting Goat Production at Selected Districts of East Showa Zone, Ethiopia. *African Journal of Agricultural Research*. 2011;6(26):5701-14.
10. Denbel T.E. Woody Species Diversity and Structure of Protected Woodlands Adjacent to Free Grazing Land Woodland at Dugda Woreda. *International Journal of Forestry Research.* 2021;6:10 https://doi.org/10.1155/2021/8834892
11. Setegn D. Analysis of Vegetable Market Chain in Dugda Woreda, East Shoa Zone, Oromia Region, Ethiopia. MA thesis in Regional and Local Development Studies. Addis Ababa, Ethiopia. 2015.

12. Ereso D.T. Woody Species Diversity and Structure of Protected Woodlands Adjacent to Free Grazing Land Woodland at Dugda Woreda, Oromia, Ethiopia. *International Journal of Forestry Research*. 2021(1):8834892. https://doi.org/10.1155/2021/8834892
13. Agricultural Sample Survey 2014/15. Volume II Report on Livestock and Livestock Characteristics (Private Peasant Holdings). Central Statistical Agency, Addis Ababa: Ethiopia. 2015:188.
14. Andualem Y., Prof M., Gokcekus H. Urbanization and Solid Waste Management Challenges, in Addis Ababa City, Ethiopia. *Civil and Environmental Research.* 2019;11(5):6-15.
15. Krejcie R.V., Morgan D.W. Determining Sample Size for Research Activities. *Educational and Psychological Measurement.* 1970;30(3):607-610.
16. Twycross A. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches Creswell John W Sage 320 £29 0761924426 0761924426. *Nurse Researcher.* 2004;12(1):82-83. https://doi.org/10.7748/nr.12.1.82.s2
17. Mackiewicz J. Writing Center Talk Over Time: A Mixed-Method Study. Writing Center Talk Over Time: A Mixed-Method Study. 2018:242.
18. Khan Z., Hussain S., Salahuddin N., Israr M. Post Harvest Losses in Tomato in Talash Tehsil Timergarah District Dir Lower. *International Journal of Computational Intelligence in Control*. 2021;13(2).
19. Chrisendo D., Piipponen J., Heino M., Kummu M. Socioeconomic Factors of Global Food Loss. *Agriculture and Food Security.* 2023;12(1):1-18. https://doi.org/10.1186/s40066-023-00426-4
20. Roustaei N. Application and Interpretation of Linear-Regression Analysis. *Medical Hypothesis, Discovery and Innovation in Ophthalmology.* 2024;13(3):151. https://doi.org/10.51329/mehdiophthal1506
21. Basavaraja H., Mahajanashetti S.B., Udagatti N.C. Economic Analysis of Post-harvest Losses in Food Grains in India: A Case Study of Karnataka. A*gricultural Economics Research Review.* 2007;20(1):117-26. https://doi.org/10.22004/ag.econ.47429
22. Kumar D., Kalita P. Reducing Postharvest Losses during Storage of Grain Crops to Strengthen Food Security in Developing Countries. *Foods*. 2017;6(1):8. https://doi.org/10.3390/foods6010008
23. Nag S., Nahatkar S., Sharma H. Post-Harvest Losses of Chickpea as Perceived by the Producers of Sehore District of Madhya Pradesh. *Agricultural Marketing.* 2000; 43(3):12-16.
24. Sharma G., Singh S.P. Economic Analysis of Post-harvest Losses in Marketing of Vegetables in Uttarakhand. *Agricultural Economics Research Review*. 2011;24(2): 309-315.
25. Bogale A. Willingness to Pay for Rainfall Risk Insurance by Smallholder Farmers in Central Rift Valley of Ethiopia: The case of Dugda and Mieso Districts. *African Journal of Agricultural Research*. 2015;10(28):2738-2747. https://doi.org/10.5897/AJAR2014.9360
26. Putter H., Hengsdijk H., Tufa S., Dedefo R., Wayu A. Scoping Study of Horticulture Smallholder Production in the Central Rift Valley of Ethiopia. Arable farming, Multifunctional Agriculture and Field Production of Vegetables Ethiopian Horticulture Producer Exporters Association (EHPEA). 2012:495.
27. Hegena B., Teshome A. Vegetable Market Supply by Small Holder Farmers in Ethiopia. *Cogent Social Sciences*. 2022;8(1). https://doi.org/10.1080/23311886.2022.2057058
28. Yegbemey R.N., Komlan Ahihou C.M., Olorunnipa I., Benali M., Afari-Sefa V., Schreinemachers P. COVID-19 Effects and Resilience of Vegetable Farmers in North-Western Nigeria. *Agronomy.* 2021;11(9):1808. https://doi.org/10.3390/agronomy11091808
29. Living Standards Measurement Study – Integrated Surveys on Agriculture (LSMS-ISA). World Bank Group. Available from: https://www.worldbank.org/en/programs/lsms/initiatives/lsms-ISA
30. Wamatu J., Tucho T.A., Tadesse E., Abate D., Debele G., Semman U., et al. A Gender Perspective Into the Potential to Enhance Livestock Productivity Through Improved Feeding in Haleku, Adami Tullu District, East Shewa, Ethiopia. Amman, Jordan: International Center for Agricultural Research in the Dry Areas. 2015.
31. Beshir B. *Small Scale Irrigation Users Peasant Horticulture in DugdaBora and Adami Tulu Jido Kombolcha Woredas East Shewa Zone: Challenges and Opportunities*. Masters thesis, Addis Ababa University. 2004.
32. Herman De Putter, H. Hengsdijk, Tufa S., Dedefo R., Wayu A. Scoping Study of Horticulture Smallholder Production in the Central Rift Valley of Ethiopia. Producer Exporters Association (EHPEA). 2016; 495.
33. Gebremedhin G., Belliethathan S. Socio-Economic Benefit of Wetland Ecosystem (in Case of Lake Ziway). *Preprints*. 2016; 2016070068. https://doi.org/10.20944/preprints201607.0068.v1
34. Abera G., Ibrahim A.M., Forsido S.F., Kuyu CG. Assessment on Post-harvest losses of Tomato (Lycopersicon Esculentem Mill.) in Selected Districts of East Shewa Zone of Ethiopia Using a Commodity System Analysis Methodology. *Heliyon*. 2020;6(4):e03749. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03749

35. Chegere M.J. Post-harvest Losses Reduction by Small-Scale Maize farmers: The role of handling practices. *Food Policy*. 2018;(1)77:103-15.
36. Asrat F., Ayalew A., Degu A. Postharvest Loss Assessment of Tomato (*Solanum lycopersicum* L.) in Fogera, Ethiopia. *Turkish Journal of Agriculture – Food Science and Technology*. 2019;7(8):1146-1155. https://doi.org/10.24925/turjaf.v7i8.1146-1155.2460
37. Mukarumbwa P. Determinants of Smallholder Vegetable Farmers' Participation in Post-Harvest Practices and Market Access: Evidence From Mashonaland East Province of Zimbabwe. 2017;11:1-77.
38. Debebe S. Post-Harvest Losses of Crops and its Determinants in Ethiopia: Tobit Model Analysis. *Agriculture and Food Security*. 2022;11(1):1-8. https://doi.org/10.1186/s40066-022-00357-6
39. Rahiel H.A., Zenebe A.K., Leake G.W., Gebremedhin B.W. Assessment of Production Potential and Post-Harvest Losses of Fruits and Vegetables in Northern Region of Ethiopia. *Agriculture and Food Security.* 2018;7(1):1-13. https://doi.org/10.1186/s40066-018-0181-5
40. Yeshiwas Y., Tadele E. An Investigation Into Major Causes for Postharvest Losses of Horticultural Crops and Their Handling Practice in Debre Markos, North-Western Ethiopia. *Advances in Agriculture*. 2021;(1):1985303. https://doi.org/10.1155/2021/1985303
41. Prasad K., Paul J.R. Postharvest Losses of Papaya and Practice for Management. *Food and Scientific Reports.* 2021;2(1):7-11.
42. Mwanauta R.W., Ndakidemi P.A., Venkataramana P.B. Characterization of Farmer's Knowledge and Management Practices of Papaya Mealybug Paracoccus Magnatus (Hemiptera: Pseudococcidae) in Tanzania. *Saudi Journal of Biological Sciences.* 2022;29(5):3539-3545. https://doi.org/10.1016/j.sjbs.2022.02.037
43. Petrovici D.A., Ritson C. Food Consumption Patterns in Romania. *British Food Journal.* 2000;102(4):290-308. https://doi.org/10.1108/00070700010327724
44. Managa M.G., Tinyani P.P., Senyolo G.M., Soundy P., Sultanbawa Y., Sivakumar D. Impact of Transportation, Storage, and Retail Shelf Conditions on Lettuce Quality and Phytonutrients Losses in the Supply Chain. *Food Science and Nutrition.* 2018;6(6):1527-1536. https://doi.org/10.1002/fsn3.685
45. Sivakumar D., Wall M.M. Papaya Fruit Quality Management During the Postharvest Supply Chain. *Food Reviews International.* 2013;29(1):24-48. https://doi.org/10.1080/87559129.2012.692138
46. Getnet M., Alemu K., Tsedaley B. Status of Postharvest Papaya Anthracnose (Colletotrichum Gloeosporioides) in Assosa Zone, Western Ethiopia. *Discover Food*. 2024;4(1):1-13. https://doi.org/10.1007/s44187-024-00095-7

https://orcid.org/0000-0002-8115-9982

Исследовательская статья

Механизм полисубъектного управления аграрно-территориальной системы

Байдаков Андрей Николаевич
Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Россия
SPIN-код: 4192-5948
baid21@mail.ru

Звягинцева Ольга Сергеевна
Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Россия
SPIN-код: 4180-2356
o-zvyagintseva@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Байдаков А.Н., Звягинцева О.С. Механизм полисубъектного управления аграрно-территориальной системы. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2025;3:4.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-2-1
EDN OTVOIM

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:
авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 03.03.2025
ДОРАБОТАНА: 17.04.2025
ПРИНЯТА: 05.06.2025

COPYRIGHT: © 2025 Байдаков А.Н., Звягинцева О.С.

АННОТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Управление сложными системами требует глубокого методологического исследования всех фаз развития системы, связей между ее элементами, возникающими противоречиями, тем более с учетом его многосубъектного характера. Возникает необходимость изучения полисубъектного управления сложными природно-социально-экономическими объектами – аграрно-территориальной системы (АТС), с выделением их ключевых подсистем – сельскохозяйственной природной, сельскохозяйственной производственной, сельскохозяйственной экономической, социальной.

ЦЕЛЬ. Рассмотрение АТС, с одной стороны, в качестве единого природно-социально-экономического объекта в административно определенных границах, а с другой стороны – в системном восприятии его ключевых подсистем с их эмерджентной, целевой и функциональной разнонаправленностью и необходимостью обеспечения их взаимосвязанного непротиворечивого целенаправленного развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основывалось на системной методологии в ее структурно-логическом воплощении через призму системной последовательности «цель – функции – структура – поведение – результат». Построение механизма управления основано на исследованиях ученых, включая теоретические, аналитические и прикладные работы по АТС и ее подсистемам, а также системному управлению.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Разработана общая схема механизма полисубъектного управления системой и ее компонентами, отвечающего указанной системной последовательности. Для информационно-аналитического обеспечения и согласования действий субъектов управления в границах сельской территории предлагается включение в механизм оценочного блока, мультипликатора, коммуникационного интегратора с обоснованием их места, роли и функций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Предложенный методологический подход и отвечающий ему системный инструментарий могут быть использованы в качестве основы для практического воплощения системной методологии в управлении АТС любого уровня – федерация, регион, муниципалитет, поселение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аграрно-территориальная система, сельское хозяйство, системный подход, механизм полисубъектного управления, коммуникационный интегратор, мультипликатор

https://orcid.org/0000-0002-8115-9982

Research article

The Mechanism of Polisuplain Control of Agrarian-Territorial Systems

Andrey N. Baidakov
Stavropol State Agrarian University,
Stavropol, Russia
baid21@mail.ru

Olga S. Zvyagintseva
Stavropol State Agrarian University,
Stavropol, Russia
o-zvyagintseva@yandex.ru

TO CITE:
Baidakov A.N., Zvyagintseva O.S.
The Mechanism of Polisuplain Control of Agrarian-Territorial Systems. *Research in Economic and Financial Problems.* 2025;3:4.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-2-1
EDN OTVOIM

DECLARATION OF COMPETING INTEREST: none declared.

RECEIVED: 03.03.2025
REVISED: 17.04.2025
ACCEPTED: 05.06.2025

COPYRIGHT: © 2025 Baidakov A.N., Zvyagintseva O.S.

ABSTRACT

INTRODUCTION. Managing complex systems requires deep methodological research into all phases of system development, the relationships between its elements, and emerging contradictions, especially considering its multi-stakeholder nature. There is a need to study multi-stakeholder management of complex natural-social-economic objects-agrarian-territorial systems (ATS)-with the identification of their key subsystems: agricultural natural, agricultural production, agricultural economic, and social.

AIM. To examine ATS, on the one hand, as a unified natural-social-economic object within administratively defined boundaries and, on the other hand, through a systemic perception of its key subsystems, considering their emergent, goal-oriented, and functionally diverse nature, as well as the need to ensure their interconnected, consistent, and purposeful development.

MATERIALS AND METHODS. The study was based on systemic methodology in its structural-logical embodiment through the lens of the systemic sequence «goal–functions–structure–behavior–result». The construction of the management mechanism is grounded in research by scholars, including theoretical, analytical, and applied work on ATS and its subsystems, as well as systemic management.

RESULTS. A general scheme of a multi-stakeholder management mechanism for the system and its components has been developed, aligning with the specified systemic sequence. To ensure informational, analytical, and coordination support for management entities within rural territories, the mechanism includes an evaluation block, multiplier, and communication integrator, with justification for their roles, places, and functions.

CONCLUSION. The proposed methodological approach and corresponding systemic tools can serve as a basis for the practical implementation of systemic methodology in managing ATS at any level-federal, regional, municipal, or settlement.

KEYWORDS: Agrarian-territorial system, agriculture, systematic approach, polisuplade control mechanism, communication integrator, multiplier

ВВЕДЕНИЕ

Управление развитием АПК и сельских территорий в контексте их смежного взаимосвязанного развития является предметом большого количества исследований. С учетом сложности и многогранности указанных объектов многие авторы указывают на необходимость применения комплексного подхода [1; 2]. Кроме того, все активнее в научных трудах встречаются методические разработки по внедрению цифровых технологий в процессы управления сельским и аграрным развитием регионов [3–6]. Рассматривая АПК и сельские территории в системном единстве, мы используем понятие «аграрно-территориальная система (АТС)».

Действительно, опора на системную методологию в исследовании такого рода сложных систем позволяет не только находить новые инструменты для управления ими, в том числе цифровые, но и получить новое видение особенностей и противоречий развития АТС [7; 8]. Для разработки эффективной стратегии развития АТС и действенных мер реализации аграрной политики необходим глубокий структурированный анализ компонентов, связей и процессов исследуемой сложной системы [9; 10]. Поскольку, основываясь на поверхностной информации есть риск неполучения ожидаемого результата и, как следствие, неэффективное расходование средств бюджета [11; 12]. Применение системного подхода в управлении развитием АТС возможно на разных уровнях их иерархии или масштаба [13; 14].

Целенаправленное развитие АТС осложняется тем, что они относятся к сложным природно-социально-экономическим территориально ограниченным системам. Данное обстоятельство проявляется в следующем:

- сложность системы, порождающая необходимость редукции в управлении;
- влияние на АТС ее надсистем – эффект разноплановой полисистемности;
- неопределенность в проявлении многих природных процессов;
- участие человека – его агентивность и несовпадение его устремлений с целями развития АТС;
- высокий динамизм и нелинейность современных процессов социально-экономического развития.

Хотя эмерджентные эффекты АТС зависят не только от человека, он во многом может оказывать вполне определенное влияние на их формирование.

В управлении сложными социально-экономическими системами часто декларируется необходимость использования системного подхода, однако в большинстве случаев это не имеет под собой реальной методологической основы. Тем не менее современное состояние и результаты исследований в области теории систем и системного анализа позволяют перевести решение многих из соответствующих проблем в практическую плоскость.

Обобщая подходы представленных выше и других достаточно многочисленных исследований, можно сделать заключение, что, как правило, авторы сосредоточивают свое внимание на общих проблемах системного анализа социально-экономических проблем, не акцентируя внимания на их природных, отраслевых и социальных аспектах. В большинстве случаев это продиктовано предметом и целью исследований, но при этом, за счет повышения их универсальности – «ангел в абстракциях», происходит снижение адекватности при решении проблем вполне определенных групп специфических систем – «дьявол в деталях».

Цель исследования состоит в построении архитектурного облика механизма формирования, точнее, осмысленного участия в формировании эмерджентных эффектов АТС в контексте их целенаправленного программного развития на основе системной последовательности «цель – функции – структура – поведение – результат».

Новизна результатов данного исследования заключается в формировании специализированных методологических модулей для каждого компонента указанной последовательности. Их можно рассматривать в качестве основы для конструирования системной методики формирования эмерджентных эффектов конкретных хронотопически определенных АТС. При этом в качестве рабочей гипотезы предполагается возможность сопряженной целевой дифференциации ключевых подсистем АТС – природной, сельскохозяйственной производственной, экономической, социальной – и их результативного синтеза с использованием интегративного инструментария – коммуникативного интегратора, обеспечивающего единую систему коммуникаций как внутри АТС, так и с ее внешней средой; мультипликатора – органа координации взаимодействий, снижения целевых и функциональных противоречий ключевых подсистем АТС.

Концепция исследования заключается в одновременном рассмотрении АТС, с одной стороны, в качестве единого природно-социально-экономического объекта в административно определенных границах, а с другой стороны – на системном восприятии его ключевых подсистем с их эмерджентной, целевой и функциональной разнонаправленностью и необходимостью обеспечения их взаимосвязанного непротиворечивого целенаправленного развития. Изложенный в работе подход и отвечающий ему системный инструментарий могут быть использованы в качестве основы для практического воплощения системной методологии в управлении АТС любого уровня.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Управление АТС должно осуществляться на основе активного целенаправленного участия его субъектов в формировании ее эмерджентных эффектов – основных (приоритетных) и дополнительных. Оно должно основываться на дифференциации АТС исходя из системной конструкции «природа – социум – экономика», а именно, на выделении подсистем: природной, сельскохозяйственной производственной, экономической, социальной. Полисубъектность управления объектами АТС порождает необходимость нивелирования целевых и функциональных противоречий подсистем. Исследование базировалось на системной последовательности «цель – функции – структура – поведение – результат». Для ее компонентов построены и обоснованы модульные методологические конструкции в виде соответствующих общих схем. Они предназначены для выстраивания общей архитектуры механизма формирования сопряженных эмерджентных эффектов для АТС в целом и для ее ключевых подсистем.

Материалы

В работе использовались разноплановые сведения и знания о функционировании и развитии АТС в целом, а также ее основных подсистем. При этом учитывался многоуровневый характер существования таких систем: федеральный (АТС страны), региональный, муниципальный, местный (АТС населенного пункта или сельского поселения).

Методы

Концепция построения механизма формирования совокупности сопряженных эмерджентных эффектов для АТС базируется на методах и закономерностях теории систем и системного анализа. В их числе использованы: структуризация сложных природно-социально-экономических систем – подсистемы и связи, соответствие их целей и деятельности эмерджентным эффектам, системная последовательность «цель – функции – структура – поведение – результат».

Для визуализации компонентов методологии формирования эмерджентных эффектов АТС построены соответствующие взаимосвязанные и взаимообусловленные структурные блок-схемы.

Процедура исследования

Общая процедура построения механизма формирования сопряженных эмерджентных эффектов для АТС представлена следующими стадиями:

1) структуризация АТС на основные подсистемы – природную, сельскохозяйственную производственную, экономическую, социальную;
2) построение общей схемы механизма многосубъектного управления АТС как системной совокупности механизмов управления ее подсистем, отвечающих компонентам и логике указанной выше системной последовательности;
3) описание роли и функций оценочного блока, мультипликатора, коммуникационного интегратора механизма;
4) построение механизма целеполагания АТС в условиях полисубъектности управления;
5) формирование функциональной архитектуры АТС;
6) разработка схемы принятия и реализации решений по функционированию и развитию АТС;
7) построение структурно-логического модуля анализа и оценки достижения результата АТС.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Аграрно-территориальные системы

Объектом исследования являются АТС, характеризующиеся определенными административно-пространственными границами в сельской территориальной иерархии – федерация, регион, муниципалитет, поселение – и обязательным наличием экономически значимого потенциала аграрного производства – уже реализуемого и/или пока не задействованного. Для реализации системного подхода мы выделяем следующие элементы-подсистемы АТС: сельскохозяйственную природную – основу проживания сельского населения и аграрного производства, социальную – сельское население и социальная инфраструктура, сельскохозяйственную производственную – сельскохозяйственное производство в рамках территории, сельскохозяйственную экономическую – хозяйствующие субъекты, относящиеся к АПК, и их экономические отношения.

Каждая из указанных подсистем АТС также представляет собой интегративное образование из соответствующих составляющих. Природная подсистема объединяет природу для сельскохозяйственного производства и не только, природу для проживания, общие природные ресурсы сельской территории. Социальная подсистема – социальную инфраструктуру, в том числе предназначенную не только на данной территории, например, в ее школе могут обучаться дети с других территорий; работающее и неработающее постоянное сельское население территории, временно работающие и проживающие на ней. Сельскохозяйственное производство –

полностью осуществляющие деятельность на территории или частично. Экономическая подсистема объединяет экономических субъектов как проживающих на территории, так и за ее пределами. Приведенная детализация подсистем АТС не является исчерпывающей.

Основные эмерджентные эффекты в рамках рассматриваемой сельской территории:

- АТС в целом: интегративный гомеостатический динамический баланс территориальной системной конструкции «природа – социум – экономика», обеспечивающий достижение целей сельскохозяйственного, социального, экономического и эколого-ландшафтного программного развития АТС;
- природная подсистема: сохранение и воспроизводство природного потенциала функционирования и развития сельскохозяйственного производственного, социального и экономического компонентов АТС;
- социальная подсистема: комфортная среда проживания и труда, прежде всего сельскохозяйственного, населения территории, отвечающая хронотопически обусловленным стандартам качества;
- сельскохозяйственное производство: структурно и количественно экономически, социально и территориально обусловленный вклад в обеспечение продовольственной независимости страны в рамках соответствующих федеральных и региональных программ развития АПК;
- экономическая подсистема – устойчивый баланс хозяйственных отношений (производство, распределение, обмен, потребление), поддерживаемый посредством целенаправленных воздействий на состояние и развитие природного, социального и сельскохозяйственного компонентов территории.

Добавим еще основной эмерджентный эффект потенциала АТС – результативный гомеостазис системы в ходе ее функционирования и развития, направленно сопряженного с функционированием и развитием АПК. В этом контексте возникают задачи по структурному сопряжению четырех внутренних составляющих потенциала АТС – потенциалов подсистем, как между собой, так и его согласованности с использованием возможностей доступного внешнего потенциала.

АТС и ее ключевые подсистемы не являются объектами с единым субъектом управления. Их управление полисубъектно, что, с одной стороны, отвечает многогранности их предназначений и характеристик, а с другой – служит источником противоречий и необязательных неэффективностей. Данное обстоятельство порождает обширную управленческую проблематику и обусловливает целесообразность формирования механизма сопряжения и целенаправленной координации процессов целеполагания, функционирования и развития ключевых подсистем АТС, прежде всего сельскохозяйственной производственной в контексте обеспечения продовольственной безопасности и социальной – сельский образ жизни как один из столпов устойчивого социально-экономического развития страны на всех ее уровнях.

Общая схема механизма многосубъектного управления аграрно-территориальной системой

В общем виде структурная модель механизма многосубъектного управления АТС (рисунок 1) включает в себя основные компоненты: вход, оценочный блок, мультипликатор, коммуникационный интегратор, субъекты управления АТС, выход. Объединение организаций АПК и других субъектов хозяйственной деятельности, социума сельских территорий и их потенциалов выступает в качестве совокупности входных элементов механизма формирования эмерджентных эффектов АТС. Оно осуществляется посредством их целенаправленных (согласованных частично или полностью, но неизбежно компромиссных) взаимодействий при посредстве коммуникационного интегратора и мультипликатора, предназначение которых заключается в обеспечении сонаправленности целеобразования, функционирования и развития объектов АТС.

В качестве субъектов управления выступают руководители всех организаций сельской территории независимо от их отраслевой и организационной принадлежности. Часть из них может осуществлять свою деятельность, находясь за пределами сельской территории. Все они в большей или меньшей мере связаны со всеми ключевыми подсистемами АТС – по хозяйственной деятельности, проживанию, в качестве члена социума. В силу этого все подсистемы АТС являются полисубъектными объектами управления. И это управление нуждается в согласовании и балансировке интересов, зачастую противоречивых. Для этого и предназначены мультипликатор и коммуникационный интегратор (рисунок 1).

Разработка или актуализация стратегии развития АТС выступает стартовым этапом ее целенаправленного движения в будущее. Стратегии развития сельских территорий и АПК устанавливают их средне- и долгосрочные перспективы, целевые ориентиры на основе выделения и использования ключевых показателей-критериев, представляющих в обязательном порядке, помимо прочего, приоритетные сферы развития для страны в целом и ее регионов. Всегда на первом плане социально-экономического развития АТС – производство сельскохозяйственной продукции и качественная среда проживания сельского населения.

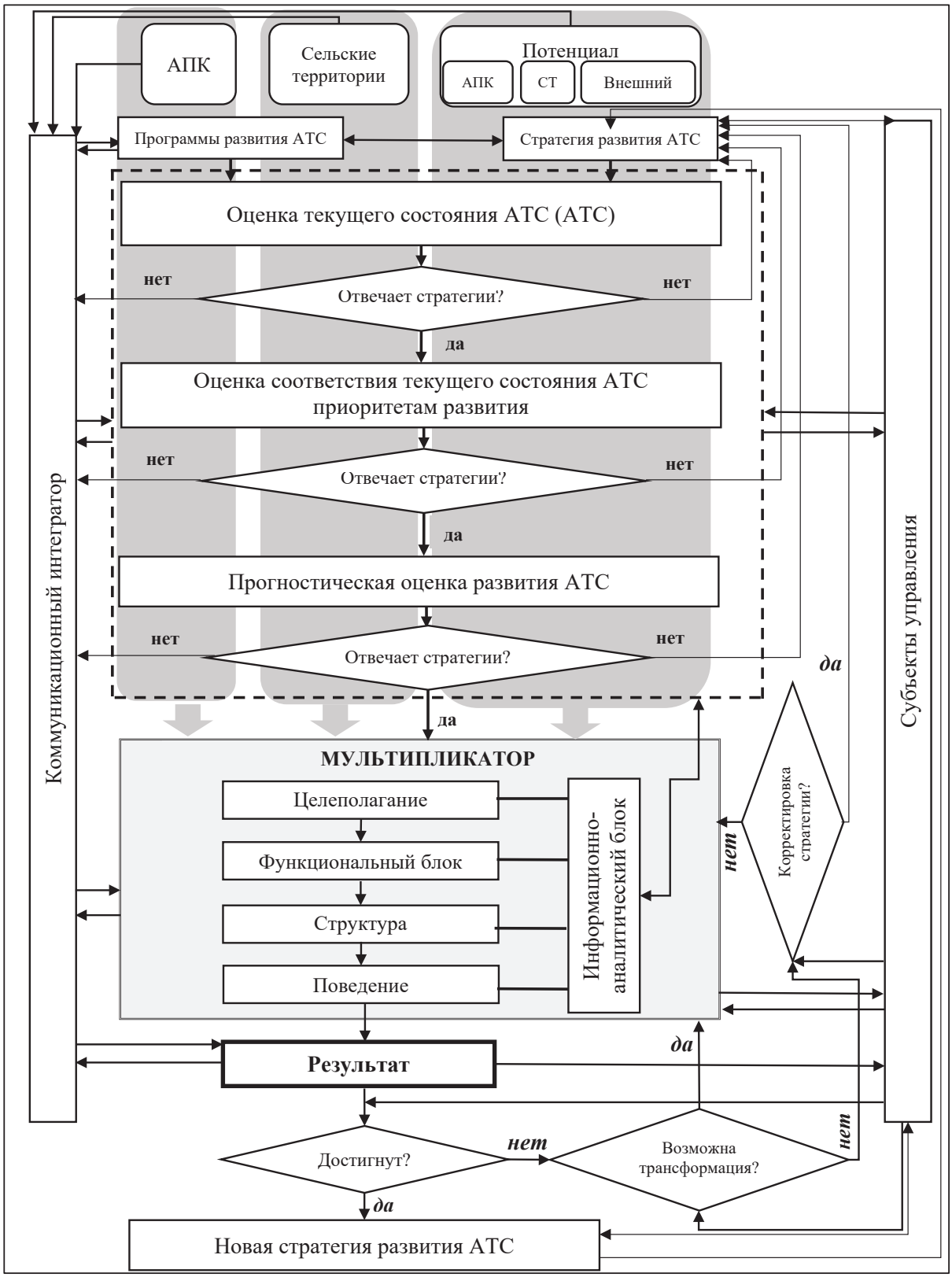

Рисунок 1

Общая схема механизма многосубъектного управления АТС

Figure 1

General scheme of the mechanism of multi-subject control in an agrarian-territorial system

В частности, в Стратегии устойчивого развития сельских территорий в качестве приоритетных целей обозначены: выполнение сельскими территориями своих общенациональных целей; достижение стабильности в численности сельского населения – преодоление отрицательных демографических тенденций; создание условий для развития сельской занятости; развитие сельского хозяйства на территориях и обеспечение достойного уровня жизни на селе.

Основные цели развития агропромышленного комплекса, указанные в Стратегии, взаимоувязаны с целями развития сельских территорий и сводятся к следующему: сохранение численности сельского населения; внедрение научно-технологических достижений в АПК и стимулирование инвестиционной активности в отрасли; повышение эффективности АПК, в том числе за счет увеличения рентабельности, экспорта; использование цифровых технологий; обеспечение продовольственной безопасности страны.

Роли и функции оценочного блока, мультипликатора, коммуникационного интегратора механизма

Этап разработки, реализации и актуализации стратегии развития АТС подразумевает наличие и целенаправленное использование информационно-аналитического оценочного блока, предназначенного не только для формирования характеристики текущего состояния АТС, но и для определения степени его соответствия сформулированным приоритетам развития страны и региона, а также оценки потенциала развития АТС – текущей и прогностической в стратегическом контексте. Основная роль оценочного блока – своевременная аналитически обусловленная инициация работы мультипликатора (рисунок 1).

Результаты системного исследования состояния и тенденций развития АТС выступают в качестве основы и исходной позиции разработки и реализации стратегии ее развития. Предназначение мультипликатора (рисунок 1) в этом контексте заключается в обеспечении координации многосубъектного управления АТС. В нем должно происходить хронотопически обусловленное сопряжение целевых установок и функций всех элементов АТС через призму интересов и устремлений ее основных подсистем с учетом их текущей и грядущей приоритетности. Мультипликатор – это ключевой инструмент активно-реактивной системной интеграции АПК, сельских территорий и их потенциалов. Он играет вполне определенную роль на каждом этапе развития АТС в логике системной последовательности «миссия – цели – функции – структура – поведение – результат».

Мультипликатор – это адаптивный инструмент интегративного управления системным развитием АТС. Поскольку АТС выступает не только сложным, но и динамичным организмом, мультипликатор должен быть восприимчивым (рефлексирующим) к происходящим изменениям и воздействиям, способным реагировать на них на всех этапах развития системы, точнее, способствовать возникновению адекватных реакций подсистем и их координации. Это относится к изменениям, возникающим как в процессе целеполагания, так и при модификации, актуализации стратегии развития АТС и соответствующих трансформациях целей. С учетом итерационного принципа работы мультипликатора, который подразумевает цикличность прохождения фаз системной последовательности, его адаптивность может проявляться как в рамках реализации одного из этапов, так и в возможности возвращения к исходной фазе в зависимости от достигнутого результата или проявившихся проблем развития АТС.

Мультипликатор является коммуникационным органом субъектов управления АПК. Его работа возможна лишь при объединении их усилий с использованием доступной информации, в том числе и неформализованной, известной только субъектам управления подсистемами АТС. Для обеспечения этих необходимых условий результативной деятельности предназначен коммуникационный интегратор АТС. Он обслуживает практически все информационные взаимодействия, как внутри АТС, так и с ее внешней средой в онлайн и офлайн форматах, естественно, и работу мультипликатора. Он предназначен для информационного сопряжения различных по своей природе объектов и процессов АТС. Реальное формирование коммуникационного интегратора заключается в создании системы баз данных, информации, знаний и средств коммуникации. Доступ к ресурсам коммуникационного интегратора может быть открытым или условно открытым для определенных субъектов управления подсистемами АТС. Функциональное предназначение интегратора заключается в информационном и коммуникационном обеспечении процессов согласованного управления подсистемами АТС.

Материальное воплощение коммуникационного интегратора возможно как в рамках административного аппарата рассматриваемой АТС, так и на уровне АТС более высокого (следующего) уровня иерархии территориальных систем. Наиболее перспективной представляется принадлежность коммуникационного интегратора структуре АПК, так как именно аграрный сектор является цементирующим для АТС любого уровня.

Мультипликатор – совещательный орган. Роль и порядок его работы определяет регламент, который принимается всеми субъектами управления АТС при образовании мультипликатора. Важной его составляющей является порядок разрешения споров и конфликтов. На определенный срок (полгода-год) в порядке установленной регламентом очередности один из субъектов управления исполняет роль модератора мультипликатора.

Мультипликатор, по сути, представляет собой организационную платформу для взаимодействия всех субъектов управления АТС, которое может осуществляться как «чисто» в виртуальном формате или в реальном режиме при помощи средств коммуникационного интегратора – онлайн или офлайн. Создание возможностей такого взаимодействия необходимо для обеспечения скоординированного управления подсистемами АТС с учетом горизонтальных и вертикальных связей АПК и органов власти. Основными функциями мультипликатора являются координация и нахождение компромиссов между субъектами управления подсистем АТС, нивелирование противоречий между ними и обеспечение вертикального и горизонтального продуктивного взаимодействия.

Так как создание единого органа управления АТС не представляется рациональным в силу многообразной природы ее подсистем и систем управления ими, в том числе федерального и регионального уровней, то роль мультипликатора является важной в обеспечении устойчивого управления АТС. Процессы, протекающие в мультипликаторе, да и формирование его самого, должны сопровождаться неким «кураторством». С учетом лидерской значимости аграрной составляющей АТС – «курирующим» органом должно быть Министерство сельского хозяйства региона.

Региональный орган управления сельским хозяйством подходит для указанных целей наилучшим образом. Федеральное Министерство сельского хозяйства с учетом чрезвычайно разнородной географии Российской Федерации не сможет должным образом обеспечить оперативную и территориально ориентированную работу мультипликатора, в то же время оно должно принимать активное участие в координации вертикального взаимодействия органов управления всех уровней АТС.

Таким образом, следует говорить о создании сетевой структуры глобального мультипликатора, включающей все региональные АТС страны, объединенные посредством коммуникационного интегратора федерального уровня. Важно подчеркнуть, что сетевой мультипликатор – это не орган управления в традиционном понимании, а платформа обеспечения целенаправленного взаимодействия и координации, горизонтального и вертикального, АТС и их ключевых подсистем.

Итоговым выходом для системы-мультипликатора является обеспечение процессов реализации стратегии функционирования и развития АТС для достижения совокупности (в идеале системы) ее сбалансированных эмерджентных эффектов, контуры которых определяют на стадии целеполагания. Оценка их соответствия поставленным целям служит основанием принятия решения о переходе на следующую фазу развития АТС или о трансформации и корректировке текущей стратегии развития.

В принципиальном плане предлагаемый подход к распределенному управлению применим к аграрно-территориальным системам любого уровня. Он практически значим как для органов государственного и муниципального управления, так и для предпринимателей в агробизнесе и для сельского населения, поскольку наличие достоверной информации и адекватное восприятие процессов трансформаций среды дает возможность своевременно принимать обоснованные скоординированные решения для развития региона, муниципалитета, отрасли, бизнеса, да и собственно жизни людей на сельской территории.

Целеполагание в аграрно-территориальной системе в условиях полисубъектности управления

Построению целевого блока механизма управления АТС в контексте формирования ее эмерджентных эффектов предшествует определение миссии и разработка ориентиров и логики стратегического развития системы. На рисунке 2 представлена схема процессов целеполагания как части общего алгоритма первой стадии реализации системной последовательности функционирования и развития АТС. Процесс целеполагания АТС должен отвечать как общей логике стратегии ее развития, так и стратегическим ориентирам развития ее ключевых подсистем в контексте разработки и реализации соответствующих программ, федеральных и региональных.

Внутрисистемные действия по согласованию процессов разработки и актуализации целей функционирования и развития АТС реализуются в рамках мультипликатора, что предполагает обеспечение системности выработки целей в двух плоскостях: сопряжение целей АТС с целями развития АПК и сельских территорий с учетом их потенциалов на ее внешнем контуре; сбалансированность и соотнесение целей субъектов управления АТС применительно к ее ключевым подсистемам. Это означает, помимо прочего, органичную встроенность управления АТС в иерархию – федерация, регион, муниципалитет, населенный пункт.

Постановка целей развития АТС должна базироваться на стремлении к сбалансированности спектра целей АПК, сельских территорий, их соответствии потенциалу АТС – реальному и перспективному. Первичная формулировка целей АТС, ее подсистем и организаций должна опираться на оценку ее наличного потенциала, а также на учет приоритетных направлений развития АПК и сельских территорий в рамках соответствующих федеральных и региональных программ. Затем с использованием возможностей информационно-аналитического блока производится анализ и контрольная оценка сбалансированности целей компонентов и подсистем АТС (рисунок 2) и в случае необходимости их балансировка.

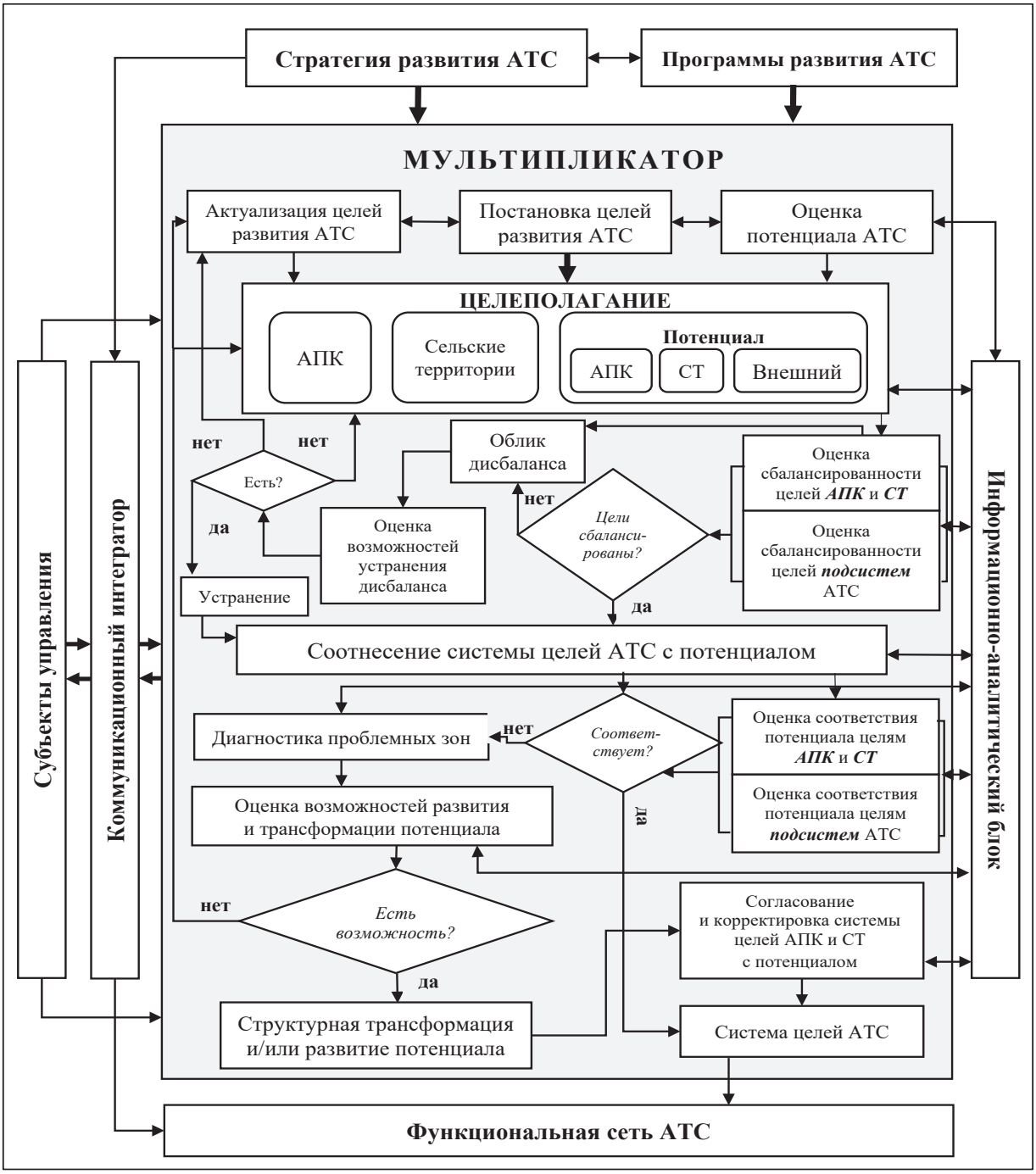

Рисунок 2
Схема целеполагания АТС

Figure 2
Scheme of the goal-setting of an agricultural-territorial system

Сбалансированность целей всех составляющих АТС, подсистем и организаций может раскрываться через оценку соответствия системы целей следующим критериям:

– гармоничность (отсутствие антагонистических противоречий в целях АПК и сельских территорий, в целях подсистем и организаций АТС);
– приоритетность (создание иерархии целей компонентов и подсистем АТС на основе сочетания важности и срочности их достижения);
– рациональность (включение конкретной цели в систему целеполагания АТС должно отвечать объективной необходимости);
– взаимосвязанность / обособленность (приоритет в целеполагании АТС должен отдаваться целям, влияющим на достижение других целей и общего эффекта в результате их логической соподчиненности; однако не исключено наличие обособленных целей компонента или подсистемы АТС – необходимость их включения в систему целей определяется их приоритетом и рациональностью).

Для каждого критерия следует, если возможно, задать интервальные шкалы соответствия – умеренного, среднего, значительного, если нет, то ординальные шкалы, и определить порядок их использования. В случае обнаружения дисбаланса в системе целей АТС проводятся мероприятия по его устранению или хотя бы снижению. В зависимости от количественной и качественной оценки масштабов дисбаланса возможны разные варианты предпринимаемых решений:

1) умеренный дисбаланс: определение параметров несоответствия сбалансированности, выработка мероприятий по устранению несоответствия целей (исключение цели, доработка / детализация цели, увязка цели с другими в системе и проч.);
2) средний дисбаланс: оценивается возможность его устранения через призму заданных критериев – корректировка отдельных целей или актуализация системы целей АТС;
3) значительный дисбаланс: как правило, ему сопутствует отсутствие возможностей локальных корректировок и необходима либо актуализация или пересмотр системы целей, а, возможно, и целевых ориентиров стратегии развития АТС.

После достижения удовлетворительной сбалансированности системы целей АТС вновь проводится оценка соответствия его наличествующего потенциала поставленным (сбалансированным) целям.

В случае несоответствия наличествующего потенциала целям развития АТС необходимо провести диагностику проблемных зон и определить возможности и направления развития и/или трансформации потенциала. Если такие возможности имеются, то необходимо целенаправленно развивать имеющийся потенциал до требуемого уровня и в дальнейшем согласовать его с целями АПК и сельских территорий. Затем формируется система целей АТС с переходом в функциональный блок. Если возможностей для развития или наращивания потенциала нет, то необходимо вернуться к постановке целей и скорректировать их таким образом, чтобы они соответствовали имеющемуся и перспективному потенциалу АТС.

Формирование функциональной архитектуры АТС

При наличии или достижении соответствия потенциала сбалансированным целям подсистем осуществляется переход к формированию функционального пространства АТС.

Функциональный блок АТС формируется в несколько этапов (рисунок 3), на каждом из которых особую роль играет работа с функциональными противоречиями (ФП).

Первый этап – формирование территориальными субъектами единого функционального пространства ключевых подсистем АТС. Важно не просто определить и детализировать их функции, но и провести качественный анализ их содержания с точки зрения оценки полноты и устранения дублирования. Итогом этапа является дерево функций АТС по подсистемам, отвечающее дереву целей территориальной системы. Это позволяет перейти на следующий этап, связанный с идентификацией и нивелированием функциональных противоречий подсистем и организаций АТС. При исследовании функционального пространства АТС мы также используем понятия «функциональная сеть», «функциональная архитектура», «функциональный блок», «дерево функций», что обусловлено стремлением акцентировать больше внимания на тех или иных аспектах функциональной проблематики в условиях противоречивых устремлений субъектов управления.

Работа с функциональными противоречиями строится по принципу наименьших потерь с учетом приоритетов и целей развития подсистем и организаций АТС. Функции определяются целями, поэтому сначала надо выявить функционально-целевые противоречия и отслеживать их затем на каждом шаге. Соответствуют ли функции целям? Особенно в контексте целевых противоречий и их устранения.

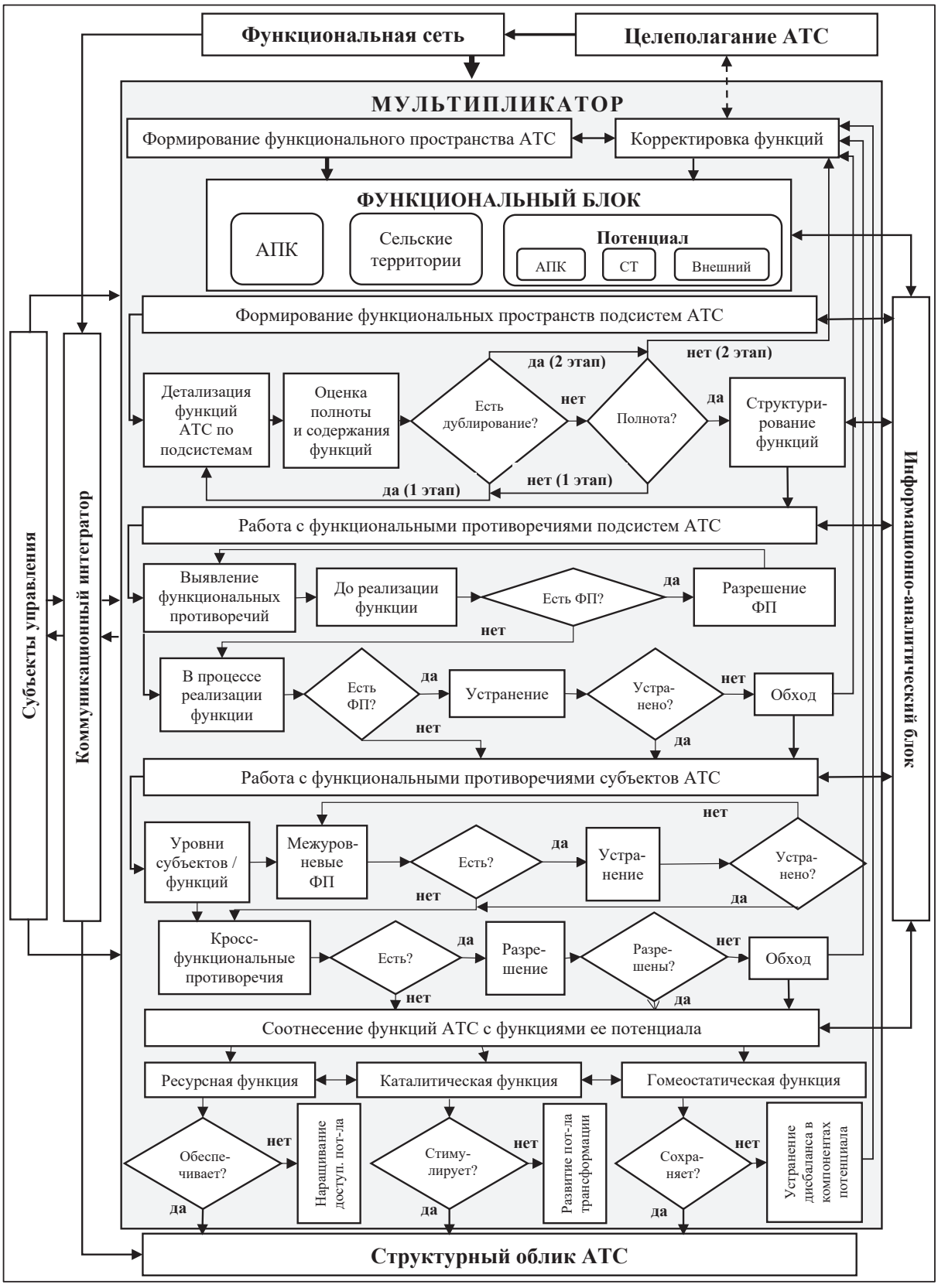

Рисунок 3

Схема формирования функциональной архитектуры АТС

Figure 3

Scheme for the formation of the functional architecture of an agricultural-territorial system

Можно допустить, что целевые противоречия в значительной мере устраняются на стадии целеполагания, а функциональные могут возникать как следствие целевой несбалансированности, так и в ходе достижения целей.

На *первом* шаге следует разрешить возникшие противоречия «внутри» подсистем и организаций АТС, осуществив необходимую трансформацию функций. Данный подход используется в процессе выявления противоречий до реализации функций. Сложнее работать с противоречиями, возникающими в ходе реализации функций подсистем. На *втором* шаге можно устранять противоречия, ранжируя функции по их приоритетности, либо произвести уклонение от противоречий – найти новое решение, исключающее имеющийся конфликт функций организаций и подсистем. Это более сложный способ, подразумевающий изменение подхода к выделению и форматированию функций. На *третьем* шаге необходимо устранить функциональные противоречия, возникающие у субъектов АТС. Здесь работа начинается с межуровневых функциональных противоречий с переходом на кросс-функциональные противоречия. Используются аналогичные способы устранения – разрешения или обхода противоречий. Основная проблема здесь в наличии или, скорее, отсутствии соответствующей мотивации субъектов управления АТС. *Четвертый* этап состоит в соотнесении функций АТС с функциями ее потенциала. В случае наличия соответствия осуществляется переход к формированию структурного облика АТС. В противном случае – возврат к корректировке функций и, может быть, целей, что возможно на каждом из перечисленных этапов формирования функциональной архитектуры АТС.

Работа с противоречиями зависит от природы их возникновения: противоречия внутри одной функции, между двумя функциями или между несколькими функциями одной организации, горизонтальные и вертикальные функциональные противоречия в иерархии АТС. Важную роль в их нивелировании играет мультипликатор, одной из основных предназначений которого является устранение или нивелирование целевых и функциональных противоречий (горизонтальных) между организациями и подсистемами АТС и «вертикальных» противоречий, особенно в структуре АПК.

Структурный облик АТС определяют два основных обстоятельства – функциональная архитектура ее ключевых подсистем: природной, сельскохозяйственной производственной, экономической, социальной; функциональная сеть организаций сельской территории. Именно на них должна базироваться структура АТС – настоящая и перспективная.

Схема принятия и реализации решений в области функционирования и развития АТС

Следующая фаза реализации системной последовательности ... – «поведение» – ... – принятие и реализация решений по функционированию и развитию АТС (рисунок 4). Следует подчеркнуть, что для АТС в большей мере характерно рефлексивное поведение, что означает требование осуществления регулярного анализа и оценки функционирования и развития системы и ее компонентов на каждом этапе развития и своевременной адекватной реакции на значимые изменения и воздействия и, как следствие, опоры на использование итерационного подхода в рамках системного управления АТС.

«Поведение» АТС представлено в виде схемы принятия и реализации решений по поводу ее функционирования и развития. Разработка решений при заданных целях и определенных функциях, с устраненными или ослабленными противоречиями, отвечает стандартному алгоритму: формируется перечень альтернативных вариантов решений, каждый из которых оценивается и выбирается оптимальный.

Важно творчески использовать критерии оценки альтернатив, которые формулируют на этапах целеполагания и формирования функционального пространства. Противоречия и ограничения, которые, как правило, связаны с использованием потенциала АТС и другими внутренними и внешними факторами, тоже следует рассматривать с позиций указанных критериев. При оценке альтернатив используются различные методы и технологии информационно-аналитического блока. Критерии и ограничения, сформированные на стадии целеполагания, обязательно предполагают наличие непустого множества альтернатив, то есть реальность целей и путей их достижения.

Принятие решений во многом зависит от позиции субъектов управления АТС, внутренних и внешних, их формализованных и неформализованных приоритетов, готовности к компромиссам, а также от возмущающих воздействий ее внешней среды, ее нестабильности и сложности. В процессе разработки и принятия решения важно соблюсти два условия, стратегически важных для успешности его реализации. Во-первых, принимаемое решение следует согласовывать со всеми подсистемами и организациями АТС (структуризация решения). Даже если оно принимается преимущественно в отношении одного из ее объектов, решение не должно нести ущерб другим подсистемам и организациям. Во-вторых, решение необходимо соотнести с потенциалом АТС и его внутрисистемной структурой. В каждом конкретном случае могут возникать дополнительные частные сложности.

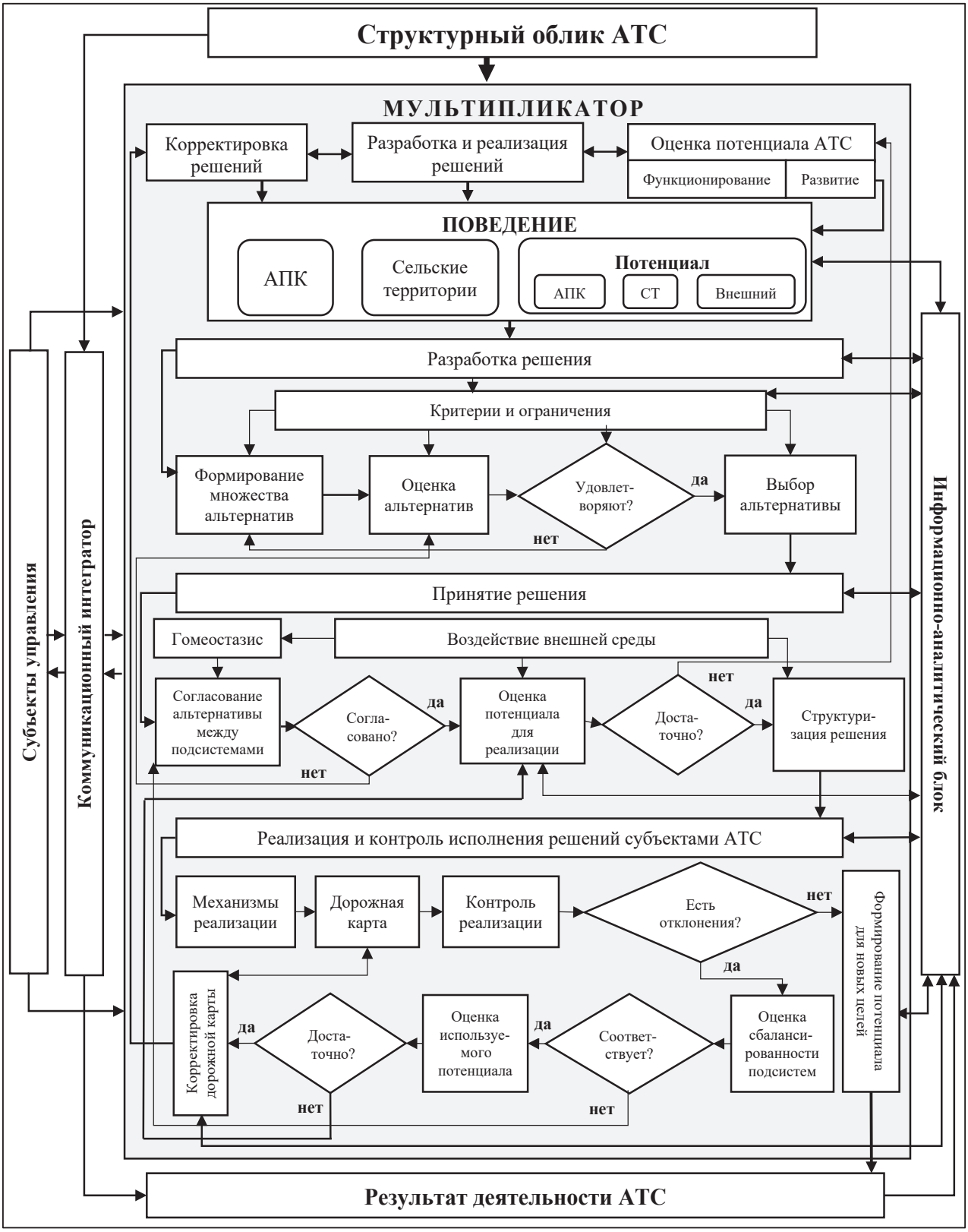

Рисунок 4

Схема принятия и реализации решений по функционированию и развитию АТС

Figure 4

Scheme for the adoption and implementation of decisions on the functioning and development of an agricultural-territorial system

Структуризация решения осуществляется в соответствии с деревом целей АТС. Она сопряжена с нивелированием целевых и функциональных противоречий подсистем АТС. Незадействованные в реализации решения подсистемы и организации участвуют в контроле его исполнения исходя из собственных интересов (целей).

После принятия решения и определения субъектов его исполнения осуществляется переход на этап реализации и контроля. Разрабатываются дорожные карты (не обязательно строго формализованные) реализации решений для каждой из охватываемых им подсистем и организаций и общая (интегрированная) дорожная карта осуществления процессов, которая представляет собой систему дорожных карт подсистем и организаций, задействованных в реализации данного решения.

Структурно-логический модуль анализа и оценки достижения результатов функционирования и развития АТС

Эффективность реализации решений достигается за счет осуществления систематических контрольных мероприятий (текущих, промежуточных, рефлексивных, заключительных) в рамках функционала коммуникатора и мультипликатора. Если по результатам контроля не выявлены недопустимые отклонения от поставленных целевых ориентиров, то процесс завершается аналитической работой для формирования новых целей. Практически полезно это делать не дожидаясь завершения работы над текущими целями.

В случае выявления существенных отклонений, необходимо пройти новую итерацию системной последовательности: проанализировать решение с точки зрения сбалансированности подсистем и организаций АТС – их целей и функций, оценить используемый для реализации решения потенциал, проанализировать изменения во внешней среде АТС. Если итерация демонстрирует существенные изменения условий, то необходимо обращаться к дорожной карте и/или корректировать решения. Завершающим шагом системной последовательности функционирования и развития АТС выступает достижение определенного результата. Анализ и оценка достигнутого результата АТС может проходить в несколько этапов (рисунок 5).

Предварительно необходимо очертить контуры полученных основных и дополнительных эмерджентных эффектов АТС, ее подсистем и организаций, которые демонстрируют системный облик достигнутого результата, его общие количественные и качественные характеристики. Далее оценка результатов состоит в соотнесении его с системой целевых ориентиров, определенных на первом шаге системной последовательности. Оценка может (должна) быть промежуточной и окончательной. Затем результат структурируется по подсистемам и организациям АТС. В случае наличия противоречий (результат одной подсистемы или организации негативно влияет на функционирование и/или развитие других) это обстоятельство непременно учитывается при трансформации текущей стратегии развития АТС и ее дорожной карты (промежуточный контроль) или формировании новой стратегии (итоговый контроль). Если результат удовлетворяет все подсистемы и организации АТС и заинтересованные надсистемы, то либо осуществляется дальнейшая реализация текущей дорожной карты (промежуточная оценка), либо (окончательная оценка) переход к новому циклу системной последовательности «цель – функции – структура – поведение – результат» для АТС.

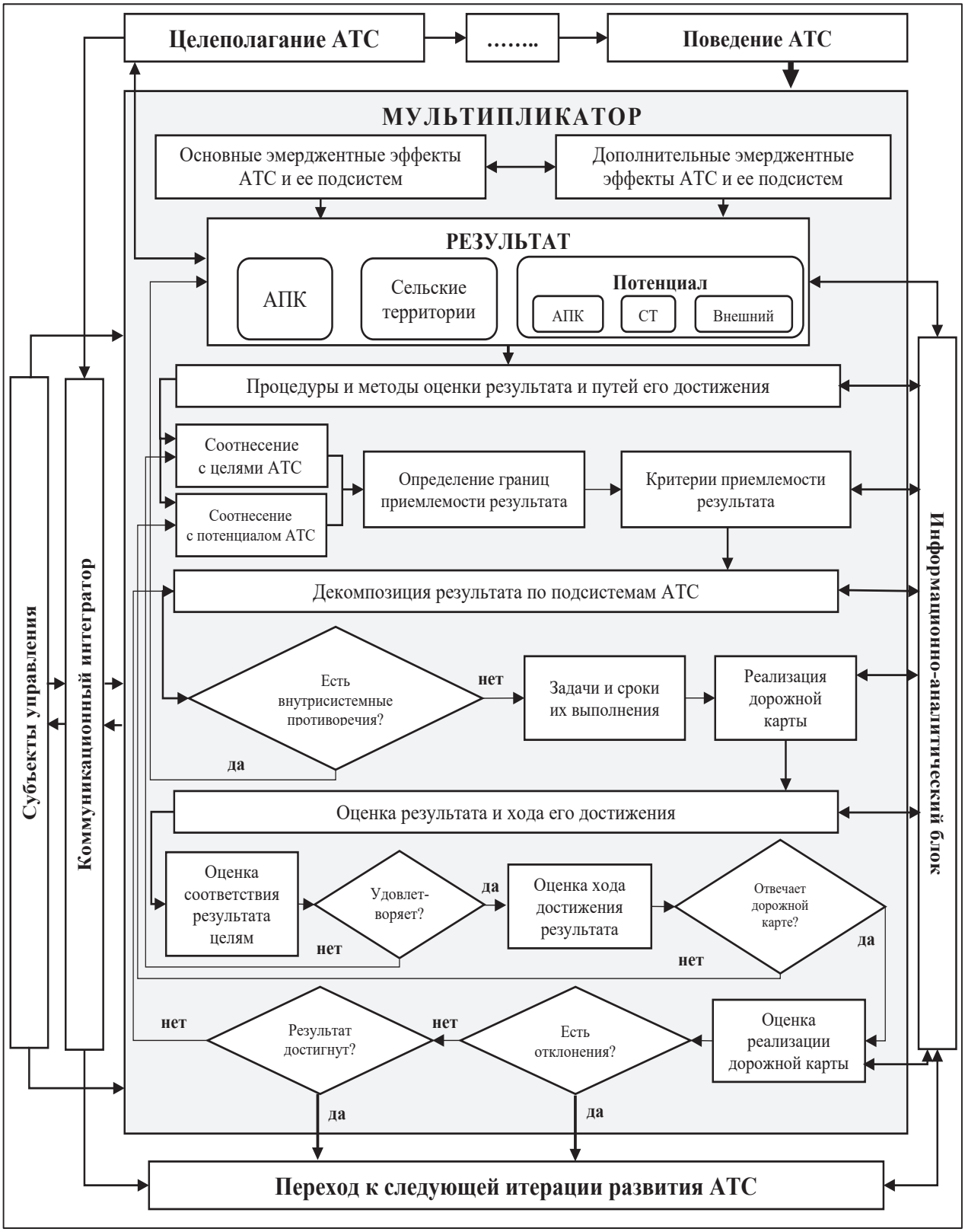

Рисунок 5

Схема анализа и оценки достижения результата АТС

Figure 5

Scheme for analysis and assessment of the achievement of the result of an agricultural-territorial system

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты проведенного исследования представляют авторскую позицию по отношению к практическому использованию системного подхода в управлении функционированием и развитием АТС. Это выражается в применении системной методологии к следующим направлениям управления АТС: структуризация системы на основе выделения четырех ключевых подсистем – сельскохозяйственной природной, сельскохозяйственной производственной, сельскохозяйственной экономической, социальной; формирование их эмерджентных эффектов в контексте системной последовательности «цель – функции – структура – поведение – результат».

Важной частью исследования является рассмотрение неизбежно возникающих целевых и функциональных противоречий, порождаемых, помимо прочего, полисубъектным характером управления подсистемами и организациями АТС. В этой связи предложено включение в систему управления ими коммуникационного интегратора и мультипликатора в качестве общесистемных образований, предназначение которых заключается в обеспечении целостности АТС и формировании ее скоординированной многогранной результативности.

Авторы обозначают лишь роль, место и предназначение интегратора и мультипликатора в архитектуре АТС. Более их детальное представление выходит за рамки настоящей статьи и предполагает как проведение соответствующих исследований, так и последующее опубликование их результатов. Особую проблему, требующую тщательной проработки, представляет формирование предпосылок для мотивации и стимулирования осознанного заинтересованного участия в рамках мультипликатора всех субъектов управления АТС. Достижение значимых результатов в ходе их совместной деятельности предполагает разработку и уместное применение необходимого расчетно-аналитического инструментария, включая и прогностический, для обеспечения своевременных, лучше упреждающих, действий применительно к функционированию и развитию АТС, в рамках целенаправленной работы с ее будущим [15]. В качестве отправной точки для проведения таких исследований могут быть использованы результаты данной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты данного исследования позволяют осуществлять переход от декларирования системного подхода к его практическому воплощению применительно к аграрно-территориальным системам. Его методологическое структурирование в идеологии системной последовательности «цель – функции – структура – поведение – результат» позволяет осуществлять требуемый переход как поэтапно, так и итерационно. Инструментарная многовариантность внедрения методологии позволяет формировать и использовать соответствующие методики с различным уровнем ресурсного и инструментарного обеспечения на различных уровнях иерархии АТС – от федерального до муниципального.

Вклад авторов

Байдаков А. Н.: концептуализация, методология, руководство исследованием.

Звягинцева О. С.: анализ, проведение исследования, создание рукописи и ее редактирование.

Contributions

Baidakov A. N.: conceptualization, methodology, supervision.

Zvyagintseva O. S.: formal analysis, writing-original draft, writing-review & editing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шамин Е.А., Шкилев Н.П., Фролова О.А., Нечаева М.Л. Разработка и апробация комплекса мер для обеспечения устойчивого развития АПК и сельских территорий. *Вестник НГИЭИ*. 2022;12(139):89-101. https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-12-89-101 EDN FDSIGD

   Shamin E.A., Shkilev N.P., Frolova O.A., Nechaeva M.L. Development and Testing of a Set of Measures to Ensure the Sustainable Development of Agriculture and Rural Areas. *Bulletin of the NGIEI.* 2022;12(139):89-101. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-12-89-101 EDN FDSIGD

2. Будажанаева М.Ц. Анализ научных исследований развития сельских территорий России. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2024;10(116):212-220. https://doi.org/10.33938/2410-212 EDN GCPVZI

   Budazhanaeva M. C. Analysis of Scientific Research on the Development of Rural Areas in Russia. *Economics, Labor, Management in Agriculture.* 2024;10(116):212-220. (In Russ.). https://doi.org/10.33938/2410-212 EDN GCPVZI

3. Семкин А.Г., Воронин Е.А. Решение задач по управлению приоритетными стратегическими направлениями развития АПК с использованием элементов цифровых технологий. *Экономика сельского хозяйства России.* 2025;3:53-65. https://doi.org/10.32651/253-53

   Semkin A. G., Voronin E. A. Solving Problems of Managing Priority Strategic Directions of Agro-Industrial Complex Development Using Elements of Digital Technologies. *The Economics of Agriculture in Russia*. 2025;3:53-65. (In Russ.). https://doi.org/10.32651/253-53

4. Бухтиярова Т.И., Батурина И.Н. Теоретический базис информационного обеспечения управления доходностью АПК и сельских территорий. *Экономические исследования и разработки.* 2024;7:105-112.

   Bukhtiyarova T.I., Baturina I.N. The Theoretical Basis of Information Support for Profitability Management in Agriculture and Rural Areas. *Economic Research and Development.* 2024;7:105-112. (In Russ.).

5. Шарипов С.А., Титов Н.Л., Харисов Г.А. Формирование трудовых ресурсов как фактор роста экономической эффективности АПК. *АПК: экономика, управление.* 2023;10: 3-10. https://doi.org/10.33305/2310-3 EDN RUVLBL

   Sharipov S.A., Titov N.L., Kharisov G.A. The Formation of Labor Resources as a Factor in the Growth of the Economic Efficiency of Agriculture. *Agro-Industrial Complex: Economics, Management.* 2023;10:3-10. (In Russ.). https://doi.org/10.33305/2310-3 EDN RUVLBL

6. Семкин А.Г., Задворнева Е.П. Стратегические направления, обеспечивающие развитие АПК в условиях новой геополитической обстановки. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2025;4(122):107-118. https://doi.org/10.33938/254-107

   Semkin A.G., Zadvorneva E.P. Strategic Directions Ensuring the Development of Agriculture in a New Geopolitical Environment. *Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2025;4(122):107-118. (In Russ.). https://doi.org/10.33938/254-107

7. Саак А.А., Гоник Г.Г., Кацко И.А. Методические аспекты управления устойчивым развитием АПК и сельских территорий: измерение, планирование, прогноз. *Бухучет в сельском хозяйстве*. 2024;6:399-416. https://doi.org/10.33920/sel-11-2406-03 EDN LJHVSJ

   Saak A.A., Gonik G.G., Katsko I.A. Methodological Aspects of Management of Sustainable Development of Agro-Industrial Complex and Rural Areas: Measurement, Planning, Forecast. *Accounting in Agriculture*. 2024;6:399-416. (In Russ.). https://doi.org/10.33920/sel-11-2406-03 EDN LJHVSJ

8. Можаев Е.Е., Марков А.К., Закабунина Е.Н., Хаустова Н.А. Механизм управления устойчивым развитием АПК и сельских территорий. *Вестник Екатерининского института*. 2021;2(54):63-72. EDN OXEFOF

   Mozhaev E.E., Markov A.K., Zakabunina E.N., Khaustova N.A. The Mechanism of Management of Sustainable Development of Agriculture and Rural Areas. *Bulletin of the Catherine Institute*. 2021;2(54):63-72. (In Russ.). EDN OXEFOF

9. Семенов С.Н., Ржевская М.Я. Теоретико-методологические вопросы совершенствования управления опережающим устойчивым развитием сельских территорий. *Островские чтения*. 2022;1:217-225. EDN UAQUCF

   Semenov S.N., Rzhevskaya M.Ya. Theoretical and Methodological Issues of Improving the Management of Advanced Sustainable Rural Development. *Ostrovsky Readings*. (In Russ.). 2022;1:217-225. EDN UAQUCF

10. Эльдиева Т.М., Минин Д.Л. Государственная региональная поддержка сельского хозяйства: практика реализации. *Экономика. Информатика*. 2024;51(4):793-804. https://doi.org/10.52575/2687-0932-2024-51-4-793-804

    Eldieva T.M., Minin D.L. State Regional Support for Agriculture: Implementation Practice. *Economy. Computer science.* 2024;51(4):793-804. (In Russ.). https://doi.org/10.52575/2687-0932-2024-51-4-793-804

11. Буткова О.В. Основные направления обеспечения экономической безопасности в условиях антикризисного управления аграрными формированиями. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2020;1(58):10-16. https://doi.org/10.33938/201-10 EDN GACPZS

    Butkova O.V. The Main Directions of Ensuring Economic Security in the Context of Anti-Crisis Management of Agricultural Formations. *Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2020;1(58):10-16. (In Russ.). https://doi.org/10.33938/201-10 EDN GACPZS

12. Полянская Н.М., Найданова Э.Б. Государственная поддержка развития агропромышленного комплекса в Республике Бурятия. *Экономический вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*. 2024;2(18):27-35.

    Polyanskaya N.M., Naidanova E.B. State Support for the Development of the Agro-Industrial Complex in the Republic of Buryatia. *Economic Bulletin of the East Siberian State University of Technology and Management*. 2024;2(18):27-35. (In Russ.).

13. Донцов С.С., Баяндин М.А. Системный подход к управлению проектами в агропромышленном производстве Республики Казахстан. *Проблемы агрорынка*. 2020;1:99-105. EDN RXNJII

Dontsov S.S., Bayandin M.A. A Systematic Approach to Project Management in the Agro-Industrial Production of the Republic of Kazakhstan. *Problems of the Agricultural Market*. 2020;1:99-105. (In Russ.). EDN RXNJII

14. Адуков Р.Х. Об идеологии формирования системы управления сельскими территориями. *Экономика сельского хозяйства России*. 2024;10:121-128. https://doi.org/10.32651/2410-121

Adukov R.H. On the Ideology of the Formation of a Rural Management System. *The Economics of Agriculture in Russia.* 2024;10:121-128. (In Russ.). https://doi.org/10.32651/2410-121

15. Байдаков А.Н. *Оценка будущего* : монография. Москва : РУСАЙНС; 2022.258.

Baidakov A.N. *Assessment of the Future* : a monograph. Moscow : RUSAINS; 2022.258. (In Russ.).

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-6 Исследовательская статья

Формирование и реализация стратегий управления сетью образовательных учреждений в условиях цифровой трансформации социальной сферы

Царенко Ирина Владимировна
Пермский филиал Института экономики УрО РАН, г. Пермь, Россия
SPIN-код: 6433-0847
i.tsarenko@inbox.ru

Бочкарев Алексей Михайлович
Пермский филиал Института экономики УрО РАН, г. Пермь, Россия
SPIN-код: 5300-6680
albo-73@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Царенко И.В., Бочкарев А.М. Формирование и реализация стратегий управления сетью образовательных учреждений в условиях цифровой трансформации социальной сферы. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2025;3:6.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-6
EDN QLEKJY

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:
авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

БЛАГОДАРНОСТИ
Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики УрО РАН на 2024–2026 годы.

ПОСТУПИЛА: 21.05.2025
ДОРАБОТАНА: 20.08.2025
ПРИНЯТА: 03.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Царенко И.В., Бочкарев А.М.

АННОТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Цифровая трансформация социальной сферы оказывает существенное воздействие на систему образования, требуя перехода от традиционных иерархических моделей управления к сетевым. Однако дефицит систематизированных теоретико-методологических подходов для управления образовательными сетями в этих условиях создает научный пробел и практическую потребность в разработке соответствующих стратегических механизмов.

ЦЕЛЬ. Определить порядок формирования и реализации стратегий управления образовательными сетями, учитывая особенности цифровой среды.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Применялись методы теоретического анализа и контент-анализа, позволяющие сформулировать рекомендации по улучшению механизмов управления образовательными учреждениями в условиях ускоренной цифровизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Определены эффективные стратегии управления образовательными сетями, обеспечивающие качественную цифровую трансформацию и создание инновационного образовательного пространства, способного отвечать на вызовы современного цифрового общества. Сформулирован комплекс мероприятий, включающий разработку национальных платформ образовательных данных, внедрение стандартов цифровой грамотности, обучение управлению рисками и расширение сетевого взаимодействия с бизнес-сообществом и научными организациями.

ВЫВОДЫ. Установлено, что успешная цифровая трансформация образовательных сетей требует системного подхода, сочетающего стратегическую модернизацию, развитие цифровых инфраструктур и совершенствование компетенций участников образовательного процесса. Реализация предложенных мер создает основу для устойчивого развития образовательной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегическое управление, цифровизация социальной сферы, сеть образовательных учреждений, цифровые технологии, цифровая трансформация

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-6 Research article

Formation and Implementation of Strategies for Managing a Network of Educational Institutions in the Context of Digital Transformation of the Social Sphere

Irina V. Tsarenko
Perm Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia
i.tsarenko@inbox.ru

Alexey M. Bochkarev
Perm Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia
albo-73@mail.ru

TO CITE:
Tsarenko I.V., Bochkarev A.M. Formation and Implementation of Strategies for Managing a Network of Educational Institutions in the Context of Digital Transformation of the Social Sphere. *Research in Economic and Financial Problems.* 2025;3:6.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-6
EDN QLEKJY

DECLARATION OF COMPETING INTEREST: none declared.

ACKNOWLEDGMENTS
The article was prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

RECEIVED: 21.05.2025
REVISED: 20.08.2025
ACCEPTED: 03.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Tsarenko I.V., Bochkarev A.M.

ABSTRACT

INTRODUCTION. The digital transformation of the social sphere has a significant impact on the education system, necessitating a shift from traditional hierarchical management models to network-based approaches. However, the lack of systematic theoretical and methodological frameworks for managing educational networks in this context creates a scientific gap and a practical need for the development of corresponding strategic mechanisms.

AIM. To determine the procedure for formulating and implementing strategies for managing educational networks, taking into account the specifics of the digital environment.

MATERIALS AND METHODS. The methods of theoretical analysis and content analysis were applied, enabling the formulation of recommendations for improving the management mechanisms of educational institutions in the context of accelerated digitalization.

RESULTS. Effective strategies for managing educational networks have been identified, ensuring high-quality digital transformation and the creation of an innovative educational space capable of responding to the challenges of modern digital society. A set of measures has been formulated, including the development of national educational data platforms, the introduction of digital literacy standards, training in risk management, and the expansion of network collaboration with business communities and scientific organizations.

CONCLUSIONS. It has been established that successful digital transformation of educational networks requires a systemic approach combining strategic modernization, the development of digital infrastructures, and the enhancement of competencies among participants in the educational process. The implementation of the proposed measures creates a foundation for the sustainable development of the educational system.

KEYWORDS: strategic management, digitalization of the social sphere, network of educational institutions, digital technologies, digital transformation

ВВЕДЕНИЕ

Современная цифровизация социальной сферы оказывает глубокое преобразующее воздействие на все уровни общественной жизни, в том числе и на систему высшего и среднего образования. Особое значение приобретает стратегическое управление сетью образовательных учреждений, когда цифровая трансформация становится не только технологическим процессом, но и фундаментальной парадигмой, влияющей на организационную культуру, методологические подходы к обучению, а также на процессы адаптации педагогического коллектива к новым вызовам современности. В условиях стремительных изменений в технологиях, инфраструктуре и социальных моделях традиционные механизмы централизованного управления уступают место сетевым моделям, где коллективное принятие решений и совместное использование цифровых ресурсов играют ключевую роль. Таким образом, современная теория стратегического управления в образовательной среде основана на синтезе системного, синергетического и сетевого подходов, позволяющих обеспечить гибкость, адаптивность и конкурентоспособность образовательных учреждений в условиях постоянной цифровой трансформации [1].

Первоначально в образовательном процессе доминировали классические и институциональные модели управления, где роль административных функций сводилась к планированию, контролю и централизованному распределению ресурсов [2]. Однако современные реалии цифровизации требуют трансформации управляющих процессов в сторону децентрализации, коллективного принятия решений и гибкой адаптации к изменяющимся условиям рынка труда и социокультурным запросам общества. Сетевой подход характеризуется переходом от иерархических моделей к децентрализованным структурам, где образовательные учреждения взаимодействуют в рамках единой информационной среды, объединяя знания, опыт и потенциал для создания интеллектуального и инновационного сообщества [1].

В современных условиях стратегическое управление образовательными сетями базируется на концепции интеллектуального и человеческого капитала, где особое внимание уделяется типологиям знаний. Так, знания можно классифицировать как «know what» (информационные факты), «know why» (научные принципы), «know how» (практические умения) и «know who» (социальные связи), что позволяет более точно определить ресурсы, необходимые для реализации инновационных образовательных проектов. В цифровой образовательной сети первостепенное значение приобретает кодируемое знание, которое может быть легко передано и воспроизведено с использованием цифровых технологий, а также неформализованное (Tacit Knowledge), требующее живого обмена опытом и личностного взаимодействия [1].

Цифровизация образовательного пространства предполагает не только внедрение современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебный процесс, но и перестройку управления образовательными учреждениями с учетом принципов открытых инноваций, гибкой самоорганизации и горизонтальных связей между участниками образовательного процесса [3]. Применяемые цифровые технологии охватывают широкий спектр инструментов, начиная от облачных платформ и систем дистанционного обучения до аналитических систем для мониторинга учебного процесса и искусственного интеллекта, способствующего персонализации образовательных траекторий [4].

Методологическая база стратегического управления базируется на комплексном анализе инновационных процессов, системном подходе и принципах сетевой организации. Современные модели стратегического менеджмента предполагают разделение управления на два взаимодополняющих направления: внутреннее, ориентированное на создание условий для развития творческого потенциала педагогического коллектива, и внешнее, обеспечивающее интеграцию образовательной деятельности с требованиями цифровой экономики и глобальных трансформаций [4]. Важно отметить, что стратегия управления образовательными учреждениями в цифровых условиях требует не только технологической модернизации, но и формирования новых компетенций у педагогов, студентов и административного персонала, что достигается через комплексную систему непрерывного образования и повышения квалификации [5].

Одним из ключевых аспектов современного стратегического управления в образовательной сфере является формирование сетевых структур, позволяющих объединять образовательные учреждения в рамках интеллектуальных кластеров [6]. Такой подход обеспечивает обмен знаниями, совместную разработку инновационных образовательных программ и реализацию комплексных проектов, направленных на повышение качества образования и адаптацию к новым цифровым условиям. Коллективное управление в образовательных сетях подразумевает активное участие всех заинтересованных сторон: администрации, педагогов, студентов и внешних партнеров, что способствует созданию условий для динамичного развития инновационной среды [1].

Современная цифровизация социальной сферы вызывает глубокие изменения в системе высшего и среднего образования, усиливая значимость стратегического

управления сетью образовательных учреждений. Цифровая трансформация превращается из простого технологического явления в новую фундаментальную парадигму, воздействующую на организационную культуру, подходы к обучению и адаптацию педагогического коллектива к современным вызовам. Сегодня традиционные централизованные механизмы управления уступают место сетевым моделям, предполагающим коллективное принятие решений и эффективное использование цифровых ресурсов.

Однако, несмотря на растущую востребованность тематики, существующая литература зачастую ограничивается описанием отдельных примеров и практик, не предоставляя систематизированных теоретико-методологических основ стратегического управления образовательными сетями в условиях цифровой трансформации. Многочисленность мнений, подходов и выводов порождает сложность в осмыслении единого взгляда на предмет исследования. Именно данная ситуация формирует существенный научный пробел, нуждающийся в заполнении посредством определения порядка формирования и реализации стратегий управления сетью образовательных учреждений с учетом особенностей цифровой среды.

Цель статьи – определить последовательность этапов разработки и реализации стратегий управления образовательными сетями в условиях цифровой среды.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование базируется на глубоком аналитическом изучении актуальной научной литературы и нормативно-правовых актов, касающихся вопросов стратегического управления образовательными учреждениями в условиях цифровой трансформации социальной среды. Источниками послужили научные труды признанных экспертов в областях экономики, управленческих наук и информационных технологий, а также нормативные документы, определяющие государственную политику в области информационно-коммуникационных технологий.

Для решения поставленных задач были применены следующие исследовательские методики: теоретический анализ, в части исследования основных понятий, ключевых категорий и современных тенденций, связанных с управлением образовательными структурами в эпоху цифровизации, что позволяет сформировать четкое представление о предмете исследования, систематизировать знания и предложить собственное видение проблемы; контент-анализ, с целью углубленного изучения содержания публикаций и официальных документов, что комплексно позволило выявить актуальные проблемы и тенденции в развитии стратегического управления образовательными организациями, сформулировать предложения и обосновать направления дальнейшего научного изучения данного вопроса.

Используемые методы позволили не только провести всестороннее исследование проблемы, но и разработать научно обоснованные рекомендации, направленные на повышение эффективности стратегического управления образовательными организациями в современной социально-экономической среде. Полученные результаты создают базу для продолжения дальнейших исследований в данном направлении, предлагая перспективные пути повышения качества образовательных услуг и эффективного использования цифровых ресурсов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Государственное регулирование и институциональная основа

Развитие цифровизации образовательных учреждений во многом определяется государственными стратегиями и нормативно-правовыми актами, направленными на модернизацию информационно-коммуникационной инфраструктуры. Президентские указы и государственные программы Российской Федерации (РФ), такие как «Стратегия развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы» [1], создают основу для перехода от традиционных форм управления к интегрированным цифровым платформам. Наряду с этим нормативные документы предусматривают изменения в организации труда и переопределение трудовых обязанностей педагогического персонала, что позволяет обеспечить оперативное внедрение новых цифровых инструментов и методов обучения [7].

Институциональная база цифровизации в образовательной среде охватывает как формальные, так и неформальные институты, где государственная политика направлена на поддержку инновационных проектов, создание единой цифровой образовательной среды и развитие инфраструктуры для дистанционного обучения [8]. Государственная поддержка, реализуемая через федеральные проекты и региональные программы, способ-

[1] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: https://digital.gov.ru/documents/ukaz-prezidenta-rossijskoj-federaczii-№-203 (дата обращения: 14.05.2025).

ствует формированию гибкой модели финансирования, включающей как бюджетные средства, так и механизмы самоокупаемости образовательных учреждений [9].

Комплексный подход к управлению образованием

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, существующие исследования указывают на риски, связанные с ухудшением качества учебного процесса, перегрузкой информационными потоками, а также возможной маргинализацией педагогов, не обладающих достаточными цифровыми компетенциями. К числу вызовов относятся также проблемы информационной безопасности, цифрового неравенства и сложности интеграции различных цифровых платформ, что требует от стратегических управленцев постоянного мониторинга и совершенствования методологических подходов [10].

Ключевым элементом стратегического управления в цифровой образовательной сети является обеспечение высокого уровня цифровой компетентности педагогического и управленческого персонала. Эффективное внедрение цифровых платформ и инструментов требует от сотрудников не только знания современных ИКТ, но и умения адаптировать инновационные методики обучения и управления, что достигается за счет системного повышения квалификации [11]. Кроме того, развитие сетевого взаимодействия и кооперативного управления требует формирования специальных программ по обучению цифровому менеджменту, что позволяет повысить личный и коллективный потенциал образовательного учреждения [12].

Современная образовательная парадигма предполагает, что управление в условиях цифровизации должно основываться на междисциплинарном подходе, объединяющем социологические, педагогические, экономические и информационные аспекты. Такой подход позволяет разрабатывать целостные стратегические модели, адаптированные под конкретные условия современной экономики знаний, а также учитывать специфику деятельности всех участников образовательной сети [13].

Создание инновационной организационной культуры, ориентированной на внедрение передовых цифровых технологий, является еще одним важным условием стратегического управления образовательными учреждениями. Практики, основанные на принципах самоорганизации, стимулирующие коллективное принятие решений и эксперименты в образовательном процессе, способствуют формированию устойчивых сетевых структур, способных оперативно реагировать на вызовы цифровой эпохи [13]. Такие модели инновационной деятельности позволяют вырабатывать конкурентные преимущества и обеспечивать долгосрочную трансформацию традиционных управленческих подходов.

Цифровизация образования рассматривается как комплексный процесс, выходящий за рамки простой информатизации, поскольку он затрагивает как технологическую модернизацию, так и системные изменения в управлении образовательным процессом. Этот процесс включает переход от традиционных методов передачи знаний к интерактивным форматам, использующим виртуальную реальность, искусственный интеллект, облачные технологии и платформенные решения [10]. Такой переход позволяет создать условия для индивидуализации обучения, совершенствования педагогических практик и повышения эффективности управления в образовательных сетях [4].

Практическая реализация цифровой трансформации в образовательных учреждениях проходит в несколько этапов. Первый этап заключается в формировании базовой инфраструктуры и повышении цифровой грамотности педагогов, второй – в интеграции специальных образовательных порталов, систем электронного управления и использования интеллектуальных платформ для анализа данных, третий – в формировании гибких и адаптивных образовательных траекторий, поддерживаемых цифровыми технологиями [14]. Эти этапы требуют постоянной поддержки со стороны руководства образовательных учреждений, что обеспечивает непрерывное обновление и развитие цифровых компетенций в условиях меняющейся информационной среды. Кроме того, одним из ключевых результатов цифровой трансформации является улучшение качества образовательного процесса за счет внедрения инновационных методик обучения, автоматизации административных функций и создания интерактивных платформ для взаимодействия участников образовательного процесса. Это позволяет снизить зависимость от традиционных форм преподавания, повысить прозрачность процессов и создать условия для постоянного обновления и саморазвития образовательного учреждения [4; 15].

Стратегическое планирование и партнерство

Для эффективного управления сетью образовательных учреждений в условиях цифровизации необходимо разрабатывать стратегические планы, основанные на анализе текущего состояния, прогнозировании социально-экономических изменений и оценке потенциала цифровой инфраструктуры. Такие планы должны вклю-

чать конкретные меры по модернизации образовательных программ, интеграции новых технологий, развитию цифровых компетенций и повышению качества образовательных услуг [5]. Разработка дорожных карт возможна с использованием SWOT-анализа, позволяющего выявить сильные и слабые стороны образовательной сети, а также оценить внешние возможности и угрозы [9].

Одной из важнейших задач является формирование системы постоянного профессионального развития для педагогического состава и управленческих работников. Стратегии повышения цифровой грамотности включают организацию тренингов, семинаров, курсов повышения квалификации и внедрение системы менторства, что позволяет обеспечить качественную адаптацию персонала к новым цифровым моделям управления [11; 12].

Эффективное стратегическое управление предполагает создание широких сетевых альянсов между образовательными учреждениями, научно-образовательными центрами, а также партнерскими организациями из реального сектора экономики. Такая интеграция способствует обмену опытом, совместной разработке инновационных проектов и повышению конкурентоспособности всей образовательной системы, что особенно важно в условиях глобальной цифровизации и изменения рынка труда [1].

Современные цифровые платформы, системы управления обучением и аналитические инструменты играют ключевую роль в обеспечении прозрачности процессов, мониторинга качества образовательных услуг и оперативного реагирования на изменения в образовательной среде. Интеграция таких технологий позволяет создать единое информационное пространство, где все участники образовательного процесса могут взаимодействовать, обмениваться данными и принимать совместные решения, что усиливает коллективное управление и стратегическую координацию [4].

Цифровизация образовательного сектора требует адаптации существующих моделей финансирования с учетом необходимости инвестиций в цифровую инфраструктуру, разработку новых образовательных сервисов и обеспечение непрерывного развития кадрового потенциала. Инновационные модели включают совместное использование бюджетных средств, привлечение частных инвестиций и разработку схем образовательного франчайзинга, что позволяет создавать устойчивые финансовые модели для сети образовательных учреждений [9]. Модель «Цифрового университета», разработанная в Узбекистане, демонстрирует успешную интеграцию цифровых технологий в образовательный процесс, стремясь к созданию умной инфраструктуры, которая объединяет автоматизированное управление, цифровые образовательные технологии и персонализированные траектории обучения. Этот опыт наглядно показывает, как всесторонняя стратегия цифровизации может обеспечить качественное преобразование образовательной среды и повысить конкурентоспособность учреждения [5].

Примеры успешных инициатив

Разработка новых механизмов для организации коллективного управления, основанных на цифровых платформах, позволяет образовательным учреждениям в условиях цифровизации оперативно адаптироваться к изменениям внешней среды. Применение таких инструментов, как облачные сервисы, системы дистанционного обучения, аналитические датчики и инструменты поддержки принятия решений способствуют созданию единой информационной среды, где происходит непрерывный обмен знаниями между участниками образовательного процесса [4; 14]. Примеры успешного использования цифровых инструментов в управлении проектной деятельностью внутри образовательных организаций (например, использование платформ Bitrix24, Планфикс, Miro и других) демонстрируют, что цифровизация может сделать процессы управления точными, прозрачными и менее затратными по времени. Такой опыт позволяет создать эффективные сети сотрудничества и координации, необходимые для реализации комплексных стратегических задач [16].

На примере реализации федеральных и региональных проектов по цифровизации образовательного пространства можно наблюдать, как масштабные инициативы, направленные на создание единой цифровой среды, способствуют повышению доступности и качества образовательных услуг. Такие проекты, как «Современная цифровая образовательная среда» [2] и «Российская электронная школа» [3], служат ярким примером того, как стратегическое управление образовательными сетями осуществляется через внедрение цифровых инструментов, развитие инфраструктуры и повышение качества цифровых образовательных платформ [17]. Таким образом, будущее стратегического управления образовательными учреждениями связано с необходимостью постоянной адаптации моделей управления к новым

[2] Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации: Паспорт приоритетного проекта. URL: http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf (дата обращения: 14.05.2025).

[3] Российская электронная школа. URL: https://resh.edu.ru/?ysclid=map2tkccb6614117119 (дата обращения: 14.05.2025).

вызовам, возникающим в условиях стремительного развития цифровых технологий. Это подразумевает разработку динамических стратегических планов, позволяющих оперативно реагировать на внешние и внутренние изменения, а также интеграцию методов анализа больших данных и искусственного интеллекта для прогнозирования тенденций в образовательной сфере [10].

Равный доступ к цифровым образовательным ресурсам и инструментам является ключевым показателем эффективности цифровизации образовательной системы. В связи с этим необходимы меры по повышению цифровой грамотности всех участников образовательного процесса и устранению разрыва между различными социально-экономическими группами, что предполагает активное взаимодействие между государственными органами, образовательными учреждениями и частными инвесторами [7].

Одной из приоритетных задач является развитие межучережденческого сотрудничества, которое обеспечивает не только обмен опытом, но и синергетический эффект, способствующий созданию инновационных образовательных проектов. Такая коалиция учреждений позволяет эффективно использовать ресурсную базу, оптимизировать расходы и реализовывать совместные научно-образовательные инициативы, соответствующие требованиям цифровой экономики [1]. Сетевая модель управления требует появления новых форм взаимодействия между участниками образовательного процесса, основанных на принципах горизонтальной коммуникации, самоорганизации и коллективного принятия решений. Для эффективной реализации данной модели необходимо применение как традиционных методов менеджмента, так и инновационных цифровых инструментов, позволяющих объединить усилия всего образовательного сообщества [4].

Анализ современного состояния цифровизации образовательных учреждений показал необходимость разработки комплексной стратегии управления, основанной на эффективном внедрении цифровых технологий и создании условий для качественной подготовки кадров. Так, автором разработаны возможные направления дальнейшей работы, а именно:

1. Формирование национальной платформы образовательных данных, интегрирующей базы данных учащихся, преподавателей и администраторов, для централизованного управления качеством предоставляемых образовательных услуг и мониторинга эффективности государственных инициатив.
2. Разработка отраслевых стандартов и норм цифровой грамотности для преподавателей и администрации образовательных учреждений, соответствующих международным стандартам и потребностям цифровой экономики.
3. Обучение управлению рисками в условиях цифровизации, включая обучение работе с большими объемами данных, предотвращению кибератак и защите персональных данных учащихся и сотрудников образовательных учреждений.
4. Интеграция дистанционных форматов обучения и открытых образовательных ресурсов в повседневную практику образовательных учреждений с обеспечением равного доступа к качественному образованию для всех регионов страны.

Таким образом, эффективное стратегическое управление образовательными учреждениями в условиях цифровизации требует активного внедрения новейших технологий, совершенствования кадровой политики и расширения возможностей международного сотрудничества, что создаст благоприятные условия для успешной реализации целей государственной политики в области образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном мире образование переживает глубокую трансформацию, обусловленную ускоренными темпами цифровизации социальной сферы, ведь образовательные учреждения становятся частью новой цифровой экосистемы, где сетевое взаимодействие, инновационные технологии и цифровой менеджмент приобретают центральное значение. Данное исследование показало, что цифровизация существенно влияет на изменение традиционной структуры управления, вынуждая перейти от классических моделей к сетевым, где сотрудничество и открытый доступ к информации определяют успех образовательной организации.

Важно отметить, что основной вывод состоит в том, что эффективное стратегическое управление образовательными учреждениями в условиях цифровой трансформации невозможно без глубокого понимания взаимосвязей между изменениями технологий, культурных ценностей и экономических факторов. Кроме того, разработанные направления дальнейшей работы акцентируют внимание на важности формирования общей платформы для обмена информацией, укрепления профессиональных компетенций преподавательских коллективов и введения стандартизированных требований к цифровой грамотности. Таким образом, важнейшим результатом проведенных исследований стало осознание того, что современный мир диктует новые требования к структуре управления образовательными

учреждениями, делая необходимым объединение усилий образовательных сетей и инновационных компаний, а глобальные изменения заставляют пересмотреть привычные практики управления и принять стратегию гибкости и открытости, необходимую для успеха в быстро развивающейся цифровой среде.

Более того, будущие перспективы связаны с развитием стратегий, учитывающих межведомственное сотрудничество, международную конкуренцию и потребность в инновационных образовательных продуктах. Так, построенная новая инфраструктура должна стать основой для гармоничного сочетания традиционного опыта и цифровых инноваций, позволяя образовательным учреждениям оставаться конкурентоспособными и соответствовать высоким ожиданиям обучающихся и работодателей.

Проведенное исследование подтверждает важность активизации роли образовательных учреждений в формировании нового поколения профессионалов, готовых успешно функционировать в условиях постоянно обновляющейся цифровой реальности, а реализация указанных направлений позволит значительно укрепить положение российских образовательных учреждений на международной арене и создать надежную платформу для стабильного экономического роста и социального благополучия России.

Вклад авторов

Царенко И. В.: разработка концепции, разработка методологии, написание черновика рукописи, курирование данных.

Бочкарев А. М.: разработка концепции, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Contributions

Tsarenko I. V.: conceptualization, methodology, writing-original draft, data curation.

Bochkarev A. M.: conceptualization, writing-review & editing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Davydova N.N., Dorozhkin E.M., Fedorov V.A. Managerial Potential of Educational Organizations Under Conditions of Network Interaction. *International Journal of Emerging Technologies in Learning.* 2020;15(1):16-29. https://doi.org/10.3991/ijet.v15i01.11333 EDN OSNAJI
2. Bush T. *Theories of Educational Leadership and Management.* London,2003.209.
3. Шматко А.Д., Волкова А.А. Цифровая трансформация образования: тренды и перспективы развития. *Общество: социология, психология, педагогика.* 2025;6:139-147. https://doi.org/10.24158/spp.2025.6.16

   Shmatko A.D., Volkova A.A. Digital Transformation of Education: Trends and Prospects for Development. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* 2025;6:139-147. (In Russ.). https://doi.org/10.24158/spp.2025.6.16
4. Смирнова Е.В., Ляпин И.Л., Петровский А.М. Образовательные технологии в системе цифровой образовательной среды. *Проблемы современного педагогического образования.* 2025;86-4.266-269. EDN AFUGYS

   Smirnova E.V., Lyapin I.L., Petrovsky A.M. Educational Technologies in the Digital Educational Environment. Problems of Modern Pedagogical Education. 2025;86-4.266-269. (In Russ.). EDN AFUGYS
5. Маматова Г.Д., Кучкаров Т.С. Актуальность концепции «Цифровой университет»: литературный обзор отечественных и зарубежных исследований. *Информатика. Экономика. Управление.* 2024;3(1):101-158. https://doi.org/10.47813/2782-5280-2024-3-1-0101-0158 EDN NTUVEZ

   Mamatova G.D., Kuchkarov T.S. Relevance of the Concept of «Digital University»: Literary Review of Domestic and Foreign Research. *Informatics. Economics. Management.* 2024; 3(1):0101-0158. (In Russ.). https://doi.org/10.47813/2782-5280-2024-3-1-0101-0158 EDN NTUVEZ
6. Довгяло В.К., Михалева Г.Г. Нормативное регулирование цифровизации в контексте стратегии цифровизации образовательной деятельности образовательных организаций. *Инновационные подходы к организации проектно-исследовательской деятельности* : коллективная монография. Пермь : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2021.112-140. EDN MSDDEI

   Dovgyalo V.K., Mikhaleva G.G. Regulatory Regulation of Digitalization in the Context of the Digitalization Strategy for Educational Activities in Educational Organizations. *Innovative Approaches to the Organization of Project and Research Activities* : a Collective Monograph. Perm : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Perm State Humanitarian and Pedagogical University», 2021.112-140. (In Russ.). EDN MSDDEI

7. Vasilev V.L., Gapsalamov A.R., Akhmetshin E.M., Bochkareva T.N., Yumashev A.V., Anisimova T.I. Digitalization Peculiarities of Organizations: a Case Study. *Entrepreneurship and Sustainability Issues.* 2020;7(4):3173-3190. https://doi.org/10.9770/jesi.2020.7.4(39) EDN XHIPFI
8. Han X., Xiao S., Sheng J., Zhang G. Enhancing Efficiency and Decision-Making in Higher Education Through Intelligent Commercial Integration: Leveraging Artificial Intelligence. *Journal of the Knowledge Economy.* 2025;16(1):1546-1582. https://doi.org/10.1007/s13132-024-01868-2
9. Беркович М.Л. Вызовы системе высшего образования Челябинской области в условиях цифровизации. *Тенденции развития Интернет и цифровой экономики* : Труды III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Симферополь – Алушта, 4–6 июня 2020 года. Симферополь-Алушта : ИП Зуева Т.В., 2020.251-252 EDN MDZKXJ

   Berkovich M.L. Challenges to the Higher Education System in the Chelyabinsk Region in the Context of Digitalization. *Trends in the Development of the Internet and the Digital Economy* : Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Simferopol-Alushta, June 4-6, 2020. Simferopol-Alushta : Zueva T.V., 2020.251-252. (In Russ.). EDN MDZKXJ
10. Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M. Digitalization of Education in Modern Scientific Discourse: New Trends and Risks Analysis. *European Journal of Contemporary Education*. 2020:9(2);313-336. https://doi.org/10.13187/ejced.2020.2.313 EDN HZBCWN
11. Десненко С.И., Пахомова Т.Е. Формирование цифровой грамотности будущих педагогов в условиях цифровой образовательной среды педагогического колледжа. *Ученые записки Забайкальского государственного университета.* 2024;3:90-101. https://doi.org/10.21209/2658-7114-2024-19-3-90-101

    Desnenko S.I., Pakhomova T.E. Formation of Future Teachers' Digital Literacy in the Digital Educational Environment of a Pedagogical College. *Scholarly Notes of Transbaikal State University.* 2024;3:90-101. (In Russ.). https://doi.org/10.21209/ 2658-7114-2024-19-3-90-101
12. Орешкина А.К. *Методологические основы инженерной подготовки специалистов в условиях цифровизации образования.* Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Мир науки», 2018.118. EDN VUJTXW

    Oreshkina A.K. *Methodological Foundations of Engineering Training of Specialists in the Context of Digitalization of Education.* Moscow : Mir Nauki Publishing House LLC, 2018.118. (in Russ.). EDN VUJTXW
13. *Теоретические и практические аспекты педагогики и психологии* : монография / А.К. Москатова, Е.Н. Гордеева, Т.А. Лавина [и др.]. Чебоксары : ИД «Среда», 2022.200. https://doi.org/10.31483/a-10440 EDN GAMEYH

    Theoretical and Practical Aspects of Pedagogy and Psychology : monograph / A.K. Moskatova, E.N. Gordeeva, T.A. Lavina [et al.]. Cheboksary : ID Sreda, 2022.200. (In Russ.). https://doi.org/10.31483/a-10440 EDN GAMEYH
14. Воронин Д.М., Сайенко В., Толчиева Х. Цифровая трансформация педагогического образования в университете. *Цифровизация образования: история, тенденции и перспективы* : материалы Международной научной конференции. Париж, 2020.760-766.

    Voronin D.M., Saenko V., Tolchieva Kh. Digital Transformation of Teacher Education at the University. *Digitalization of Education: History, Trends, and Prospects* : Proceedings of the International Scientific Conference. Paris, 2020.760-766. (In Russ.).
15. Lowry A. Russia's Digital Economy Program: An Effective Strategy for Digital Transformation? *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-42855-6_4
16. Бочкарева Т.Н. Цифровизация проектной деятельности в системе управления образовательной организацией. *Развитие образования*. 2022;5(4):13-18. https://doi.org/10.31483/r-103335 EDN FUOOYG

    Bochkareva T.N. Digitalization of Project Activities in the Management System of an Educational Organization. *Development of Education.* 2022;5(4):13-18. (In Russ.). https://doi.org/10.31483/r-103335 EDN FUOOYG
17. Бутина Е.А. Цифровизация образовательного пространства: риски и перспективы. *Профессиональное образование в современном мире.* 2020;10(2):3695-3701. https://doi.org/10.15372/PEMW20200207 EDN SAEKFH

    Butina E.A. Digitalization of the Educational Space: Risks and Prospects. *Professional Education in the Modern World.* 2020;2(10):3695-3701. (In Russ.). https://doi.org/10.15372/PEMW20200207 EDN SAEKFH

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-7

Исследовательская статья

Трансформация рынка туризма Российской Федерации: особенности регулирования, текущее состояние и перспективы развития

Павленко Ирина Геннадьевна

Ставропольский государственный аграрный университет
Ставрополь, Россия

SPIN-код: 2825-0726

11irin@rambler.ru

Османова Эльнара Усеиновна

Министерство жилищно-коммунального хозяйства Республики Крым, Симферополь, Россия

SPIN-код: 1332-3874

elnara.osmanova@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:
Павленко И.Г., Османова Э.У. Трансформация рынка туризма Российской Федерации: особенности регулирования, текущее состояние и перспективы развития. *Исследование проблем экономики и финансов.* 2025;3:7.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-7
EDN QPWQCK

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ:
авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ПОСТУПИЛА: 15.06.2025
ДОРАБОТАНА: 20.08.2025
ПРИНЯТА: 05.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Павленко И.Г., Османова Э.У.

АННОТАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Рынок туризма в Российской Федерации в последние годы приобретает все большее значение не только с точки зрения обеспечения права граждан на отдых, но и становится важным источником формирования добавленной стоимости государства. В условиях ограничений возможностей выездного туризма исследование механизмов государственного стратегического планирования развития внутреннего рынка туризма, эффективности принимаемых мер приобретает особую значимость.

ЦЕЛЬ. Изучить особенности государственного стратегического планирования и регулирования рынка туризма, выявить тенденции развития рынка и эффективность принятых мер.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование особенностей государственного регулирования развития рынка туристских услуг осуществлено на основе методов динамического сравнения, системного анализа, основано на статистическом методе. Информационную базу исследования составили данные об исполнении бюджета Российской Федерации, материалы Росстата, Всемирной туристской организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Установлена всевозрастающая экономическая роль туристической отрасли в Российской Федерации, подтверждаемая увеличением доли туризма в структуре ВВП страны. Выявлены направления государственной поддержки рынка туризма в результате динамического анализа развития отрасли. Определены ретроспективные тенденции развития отрасли и факторы, на нее воздействующие.

ВЫВОДЫ. Результаты исследования свидетельствуют об эффективности государственной политики развития рынка туризма и наличии перспектив его дальнейшего стимулирования в целях усиления несырьевого сектора экономики в структуре валового внутреннего продукта, расширения доли граждан, для которых туристические поездки становятся доступными. Выявленные закономерности и рекомендации могут быть использованы органами государственной власти при актуализации документов стратегического планирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: туристический рынок, государственная экономическая политика, стратегическое планирование, государственное регулирование

https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-7 Research article

Transformation of the Tourism Market in Russia: Regulatory Features, Current Status and Development Prospects

Irina G. Pavlenko
Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia
11irin@rambler.ru

Elnara U. Osmanova
Ministry of Housing and Communal Services of the Republic of Crimea, Simferopol, Russia
elnara.osmanova@mail.ru

TO CITE:
Pavlenko I.G., Osmanova E.U. Transformation of the Tourism Market in Russia: Regulatory Features, Current Status and Development Prospects. *Research in Economic and Financial Problems.* 2025;3:7.
https://doi.org/10.31279/2782-6414-2025-3-7
EDN QPWQCK

DECLARATION OF COMPETING INTEREST: none declared.

RECEIVED: 15.06.2025
REVISED: 20.08.2025
ACCEPTED: 05.09.2025

COPYRIGHT: © 2025 Pavlenko I.G., Osmanova E.U.

ABSTRACT

INTRODUCTION. In recent years, the tourism market in Russia has been gaining increasing importance, not only in terms of ensuring citizens' right to leisure but also as a significant source of value-added generation for the national economy. Amid restrictions on outbound tourism, the study of state strategic planning mechanisms for domestic tourism development and the effectiveness of implemented measures has become particularly relevant.

AIM. To examine the features of state strategic planning and regulation in the tourism market, identify key industry trends, and assess the efficacy of policy measures.

MATERIALS AND METHODS. The study of state regulation in the tourism services market was conducted using dynamic comparison, systematic analysis, and statistical methods. The research draws on data from the Russian federal budget execution reports, Rosstat (Federal State Statistics Service), and the United Nations World Tourism Organization.

RESULTS. The study confirms the growing economic significance of the tourism sector in Russia, evidenced by its increasing share in the country's GDP. Key areas of state support for the tourism market were identified through dynamic industry analysis. Retrospective development trends and influencing factors were also determined.

CONCLUSIONS. The findings demonstrate the effectiveness of state policy in tourism market development and highlight prospects for further stimulation to strengthen the non-resource-based sector of the economy within the GDP structure, as well as to expand the share of citizens with access to tourist travel. The identified patterns and recommendations can be utilized by government authorities in updating strategic planning documents.

KEYWORDS: tourism market, state economic policy, strategic planning, government regulation

ВВЕДЕНИЕ

Рынок туризма Российской Федерации выступает одним из стратегических приоритетов развития страны, источником дальнейшего наращивания экспорта услуг и усиления роли несырьевых поступлений в бюджет государства.

Актуальность исследования российского рынка туризма определяется следующим:

1. Трансформационные процессы регулирования рынка туризма со стороны государства способствуют внедрению новых, масштабных и всесторонних мер поддержки участников рынка.
2. Активное восстановление спроса на туристические продукты создает возможности для занятия данной ниши внутренним туристским предложением не только для российских туристов, но и экспорта услуги иностранным гражданам.
3. Масштабное развитие инфраструктуры позволяет не только увеличить емкость туристского рынка, но и повысить уровень жизни и социальной обеспеченности местного населения туристских дестинаций.

В условиях международных ограничений создаются внешние предпосылки для роста спроса на внутренний туристский продукт, а постепенное восстановление отрасли в мире после глобальной пандемии обеспечивает международный интерес к туристским дестинациям. Развитие отрасли, расширение предложений, в том числе доступных, позволяют наращивать туристский поток и увеличивать вовлеченность граждан во внутренние туристские поездки, что сказывается на повышении устойчивости социальной составляющей жизни граждан.

Результаты исследований К. Прентис, А. Сяо показывают, что «удобство мест назначения, выбор времени, мотивация и привлекательность для туристов являются основными сдерживающими факторами, и уровень этих сдерживающих факторов зависит от демографического фона туристов» [1]. В исследовании Э. К. С. Ку анализируется, как технологические возможности повышают гибкость цепочки поставок для малых и средних туристических агентств. Автором разработана модель гибкости цепочки поставок в сфере туризма, основанная на принципах структуры, поведения, эффективности и зависимости от ресурсов [2]. Исследование У. Чен начинается с изучения роли цифровых технологий в развитии совместных и прозрачных социальных сетей, подчеркивая влияние интеллектуальных устройств и мобильного доступа в Интернет [3]. Авторами С. Г. Пьянково, И. В. Митрофановой, О. Т. Ергуновой проведены теоретические и практические исследования развития рынка туризма в условиях ужесточения геополитических и экономических вызовов [4]. Пандемия COVID-19, геополитические риски, локдауны и другие мировые тенденции туристического спроса оказали влияние на усиление внутреннего туризма. Авторы представили конвергенцию теоретических исследований по туризму в мире, акцентировали внимание на уже существующих зарубежных и российских исследованиях индустрии гостеприимства в парадигме устойчивого развития территорий в условиях усиливающейся неопределенности.

Анализ особенностей развития туристической отрасли Российской Федерации широко рассматривается в трудах ученых. Значительный вклад в исследование российского регионального рынка туристских услуг внесли М. А. Морозов и Н. С. Морозова, которыми проведен детальный индексный анализ специфики развития региональных рынков туризма, агрегированных по федеральным округам, выявлены значительные диспропорции территориального развития туризма и даны рекомендации по использованию современных каналов продвижения региональных продуктов [5]. Особое внимание структуре стратегического планирования, включая анализ региональных преимуществ, решение проблем развития и интеграцию инновационных технологий, уделено в работе М. А. Морозова, которая рассматривала вопросы маркетинга и продвижения туристических направлений, устойчивого развития и финансирования проектов в сфере делового туризма [6]. К похожему заключению в своей работе пришли также А. А. Ахмерова, О. Е. Пирогова, которыми при наличии значительного потенциала развития внутреннего турпотока и подтверждена проблематика неравномерности спроса по географическому и сезонному признакам, что предлагается решать диверсификацией предложения и популяризации региональных туристских продуктов [7].

Оценка развития туризма в России с точки зрения региональных особенностей приводится в работах И. В. Токарева, М. А. Мельников и В. Е. Смирнова, которыми проведен кластерный региональный анализ уровня туристического развития, что позволяет осуществлять точечное, целевое региональное воздействие на развитие отрасли в зависимости от ее текущего состояния [8]. Р. В. Белая, Т. В. Морозова, Г. Б. Козырева, А. А. Морозов осуществили оценку потенциального спроса на этнокультурный продукт на рынке туристических услуг Республики Карелия, выявили дифференциацию спроса в зависимости от региона проживания туристов [9]. В. В. Селиванов, А. Л. Крюкова исследовали актуальные проблемы подготовки специалистов для российских предприятий индустрии туризма, поскольку современное образование ориентировано на развитие

самостоятельной познавательной направленности соискателей образования и понимание их индивидуальных особенностей, что требует применения эффективных педагогических технологий [10]. При подготовке специалистов в области туристской деятельности преобладает вектор в направлении повышения качественного уровня образования: интеграции, диверсификации, унификации. Такое положение дел вызвано, в первую очередь, постоянно возрастающей потребностью потенциальных потребителей туристских услуг на получение современного уровня туристского сервиса, что вызывает необходимость диверсификации системы организации процесса обучения будущих специалистов в области туристской деятельности, способных эффективно работать в сложных условиях рыночной экономики. Для этого выпускники туристских специальностей вузов должны иметь твердые профессиональные знания, умения, навыки и личные качества, позволяющие им стать конкурентоспособными профессионалами на рынке туристских услуг.

Несмотря на высокую значимость приведенных исследований, вопросы стратегического развития отрасли туризма в России в целом остаются малоисследованными. Вызовы и перспективы развития туризма в России рассмотрены в труде О. Е. Акимовой, М. Т. Кожуховой и М. С. Айбазовой, которыми подробно охарактеризованы природные, культурные и исторические предпосылки развития туризма в стране, приведены региональные группировки характерных для данной местности видов туризма, определены факторы, сдерживающие развитие отрасли, и даны рекомендации по инфраструктурной модернизации и цифровизации отрасли, стимулированию внутреннего туризма [11]. П. Г. Никоненко и А. М. Терехов подчеркивают взаимосвязь количества путешествий со стоимостью турпакетов и состоянием транспортной инфраструктуры, отмечают развитие внутреннего туризма и постепенное снижение интереса к выездным турам вследствие финансовой недоступности в сравнении со стоимостью поездок внутри страны [12]. Среди национальных тенденций развития туризма в работе И. З. Чхотуа и А. А. Мурадова отмечаются цифровизация отрасли, а также глобальные тренды развития нишевых направлений туризма и популяризация межрегиональных туристических маршрутов [13].

В исследовании О. П. Ходаковской было выявлено отсутствие в единой методике проведения мониторинга измерения и учета цифровой и инновационной составляющих конкуренции. Было обосновано, что в связи с актуализацией задачи цифровизации экономики, поставленной в «Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года», игнорировать цифровую составляющую конкурентоспособности в рамках мониторинга не целесообразно [14]. О. А. Суханова, В. В. Михайлова, А. А. Варызгина, А. Е. Солдаткин провели анализ факторов, определяющих современные потребительские стратегии на внутреннем рынке туризма России (на основе исследования, проведенного в Нижегородской области), что обусловлено значительным изменением мирового политического и социально-экономического контекста, потенциально способного оказать стимулирующее воздействие на развитие внутреннего российского туристического рынка, а также повлечь за собой трансформацию потребительского поведения населения страны в сфере туризма [15].

Значимость механизмов государственного регулирования отрасли в части стимулирования и поддержки предпринимательских, а также общественных инициатив, направленных на стимулирование спроса на комплексные туристские предложения, сопутствующие товары и услуги, отмечается в работе Л. И. Донсковой, А. Л. Баранникова, М. Ю. Маковецкого [16], однако результаты реализованных мер государственной поддержки отрасли и особенности применяемых инструментов в работе остаются не рассмотренными. Недостаточно изучены принятые государством меры развития и поддержки рынка туризма, механизмы взаимодействия государства и участников рынка, потребителей российского турпродукта. В частности, требуется ретроспективный анализ целевых государственных программ и проектов развития отрасли, результатов их реализации и анализа целевых показателей, что позволит выявить приоритетные направления развития рынка с точки зрения государственного стратегического планирования развития страны.

Целью данной работы выступает комплексный анализ государственного стратегического планирования развития рынка туризма в Российской Федерации и определение результатов принятых мер государственного регулирования для выявления ключевых приоритетов дальнейшего функционирования отрасли.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование особенностей государственного регулирования туристического рынка проводилось с использованием комплекса взаимодополняющих методов, обеспечивающих всесторонний анализ предмета исследования.

Методологическая база исследования включала:

1) системный анализ – для изучения взаимосвязей между элементами системы государственного регулирования туриндустрии;
2) динамическое сравнение – для выявления тенденций развития отрасли за период 2015–2024 гг.;

3) статистический анализ – для обработки количественных показателей функционирования туристического рынка.

Информационная база исследования формировалась на основе:

- официальных данных Росстата о деятельности коллективных средств размещения и объемах платных туристических услуг;
- отчетных материалов Всемирной туристской организации (UNWTO);
- документов стратегического планирования (Стратегия развития туризма до 2035 года, национальные проекты);
- бюджетной отчетности Министерства финансов РФ;
- паспорта государственных программ и национальных проектов;
- нормативно-правовых актов, регулирующих сферу туризма.

Методы обработки данных включали:

- сравнительный анализ динамики ключевых показателей;
- расчет абсолютных и относительных показателей изменений;
- визуализацию данных с использованием графических методов представления информации;
- контент-анализ программных документов и нормативных актов.

Особое внимание уделялось анализу эффективности реализации государственных программ поддержки туристической отрасли через призму достижения целевых показателей. Исследование охватывало период значительных трансформаций в отрасли, включая ограничения в пандемию и последующий восстановительный период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Современные документы стратегического планирования Российской Федерации, направленные на достижение приоритетных целей развития государства, в том числе посредством инструментов прогнозирования, определяют необходимость реализации мер по росту доли туристской отрасли в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) и экспорта туристских услуг, сокращению доли импорта товаров и услуг в структуре ВВП [1]. Реализацию указанных мер призваны обеспечить инструменты государственного нормативного регулирования, для эффективного действия которых необходима системная перестройка существующих норм, а также создание новых механизмов, призванных обеспечить меры необходимой поддержки для развития отрасли.

Ретроспективный анализ инструментов государственного регулирования развития туризма в России

Реализация механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Туризм» осуществляется в соответствии с планом мероприятий («дорожной картой»), утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.01.2024 № 99-р [2] (далее – дорожная карта). В рамках реализации дорожной карты проведена работа по снижению бюрократических и формальных барьеров деятельности отрасли: вдвое снижено количество информационных материалов в области обеспечения пожарной безопасности, которые должны находиться в помещениях, предназначенных для размещения туристов в сельской местности, упорядочены требования к пожарной безопасности для кемпингов и глэмпингов, уменьшен срок информирования МЧС России о маршрутах передвижения, оптимизирована процедура загрузки информации в единую информационную систему электронных путевок. Запланирована работа по внесению изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части выделения отдельного состава правонарушений за нарушение порядка регистрационного и миграционного учета классифицированными средствами размещения, оптимизации требований к регистрационному учету и представлению в МВД России информации о регистрации граждан Российской Федерации по месту временного пребывания (коллективные средства размещения), установлению регулирования применения невозвратных тарифов, обеспечению создания условий для строительства горнолыжных комплексов, внесения изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельно-

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024. Текст : электронный // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 11.07.2025).

[2] Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Туризм» и внесения изменений в некоторые акты Правительства РФ : распоряжение Правительства Российской Федерации № 99-р от 20.01.2024. Текст: электронный // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408318187/ (дата обращения: 11.07.2025).

сти в Российской Федерации» в части разграничения ответственности туроператоров, турагентов и третьих лиц, предоставляющих отдельные услуги в рамках реализации туристского продукта, уточнения состава услуг, входящих в туристский продукт, обеспечения возможности размещения объектов дорожного сервиса вдоль автодорог, в том числе в составе многофункциональных зон дорожного сервиса, возможности использования автотранспортных средств в водоохранных зонах без строительства постоянных дорог на период создания объектов рекреации в целях обеспечения строительно-монтажных работ, доставки необходимого оборудования и инвентаря, совершенствования правового регулирования туристских и (или) экскурсионных перевозок на автобусах.

Таким образом, дорожной картой изменений законодательства предусмотрены мероприятия, направленные как на актуализацию и совершенствование действующих норм права в сфере туристкой деятельности, так и на создание условий для дальнейшего развития отдельных направлений туризма: автобусный туризм, автотуризм.

Достижению приоритетных целей государства в области туризма способствует реализация документа долгосрочного целеполагания, прогнозирования и планирования развития туризма России – Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 № 2129-р, которой определена приоритетность усиления роли туризма и повышения его доступности в том числе посредством комплексного развития внутреннего и въездного туризма, формирования его качественных характеристик [3].

Значимость туризма в контексте государственного нормативного и финансового регулирования определяется также реализацией государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 24.12.2021 № 2439 [4], предусматривающей не только меры и направления развития отрасли в стране, но и порядки предоставления субсидий из федерального бюджета субъектам Российской Федерации для строительства объектов обеспечивающей инфраструктуры, создания транспортной и инженерной инфраструктуры, поддержки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей туристской индустрии, реализации инвестиционных проектов по созданию модульных некапитальных средств размещения, а также плановые показатели эффективности реализации мероприятий программы.

Значимой вехой развития туристкой отрасли является нормативное закрепление интеграции отрасли с другими отраслями экономики страны, способность индустрии туризма выступать точкой роста отраслей и территорий, повышения уровня их социального развития, улучшения качества жизни населения. Так, препятствием развития автомобильного туризма в Российской Федерации долгое время выступало отсутствие широкой сети межрегиональных автомобильных дорог надлежащего качества. Первым этапом решения данного ограничения выступает концепция развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.04.2024 № 1025-р [5].

Мероприятия программы, кроме развития автотуризма, создания и популяризации кемпингов, повышения доступности туризма в стране в целом, охватывают мероприятия, направленные на развитие объектов дорожного сервиса, систем навигации, повышение качества и протяженности дорожных сетей.

Кроме нормативного закрепления значимости туризма, применяются меры государственной финансовой поддержки. Динамика расходов бюджета Российской Федерации на развитие туристической отрасли приведена на рисунке 1.

---

[3] Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации № 2129-р от 20.09.2019. Текст: электронный // КонсультантПлюс : правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 11.07.2025).

[4] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» : постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2021 № 2439. Текст: электронный // КонсультантПлюс : правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405703/ (дата обращения: 11.07.2025).

[5] Об утверждении Концепции развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.04.2024 № 1025-р. Текст: электронный // КонсультантПлюс : правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475668/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 11.07.2025).

Рисунок 1

Динамика расходов бюджета Российской Федерации на развитие туристической отрасли

Источник: составлено авторами по данным [6] [7] [8]

Figure 1

Dynamics of the Russian budget expenditures for the development of the tourism industry

Source: compiled by the authors based on the data [6] [7] [8]

Таким образом, можно отметить некомплексное развитие отрасли туризма в стране в 2019 году, разрозненность мероприятий по поддержке отрасли и, в целом, отсутствие приоритетности данного сектора экономики, что подтверждается как незначительным количеством мероприятий в отраслевой государственной программе, так и отсутствием такого результата при реализации национальных проектов.

В 2020 году реализация мероприятий в сфере туризма осуществлялась в составе государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» и была направлена на повышение туристского потенциала страны, в том числе посредством грантовой поддержки проектов, направленных на развитие въездного и внутреннего туризма, продолжение работ по поддержанию строительства объектов обеспечивающей инфраструктуры туристских кластеров. Работа по реализации мероприятий в сфере туризма также реализовывалась в составе иных государственных программ и мероприятий национальных проектов.

Существенные изменения произошли в 2021 году с началом реализации отдельного национального проекта по развитию туристской отрасли в России «Туризм и индустрия гостеприимства», бюджетные ассигнования федерального бюджета на реализацию которого в 2021 году составили 41 029,5 млн рублей. Основными направлениями нацпроекта, нашедшими свое отражение в реализации федеральных проектов, стали развитие туристической инфраструктуры в целях создания условия функционирования туристкой отрасли,

[6] Туризм и индустрия гостеприимства: Паспорт национального проекта. Текст: электронный // КонсультантПлюс : правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400657/b6495c3f912c8610b45938d0f67ddea1ded22af1/ (дата обращения: 11.07.2025).

[7] Туризм и гостеприимство: Паспорт национального проекта. Текст: электронный. URL: https://stavregion.ru/_/cms_page_media/11370/Паспорт%20национального%20проекта%20Туризм%20и%20гостеприимство.pdf (дата обращения: 11.07.2025).

[8] Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2019–2023 годы / Министерство финансов Российской Федерации. Текст : электронный // Официальный интернет-портал Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=307469-ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzhetov_byudzhetnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_za_2023_god (дата обращения: 11.07.2025).

повышение доступности туристских продуктов в целях роста вовлеченности населения и развития внутреннего туризма, а также совершенствование управления в сфере туризма посредством качественной перестройки оказываемых услуг. Существенное развитие туризма произошла в ходе реализации федерального проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», созданная инфраструктура для экологического туризма в национальных парках позволяет не только сохранять биологическое разнообразие и экологическую среду, но и развивать экологический, пеший туризм, повышать доступность туризма для граждан.

В 2022 году продолжилась тенденция усиления роли туризма в обеспечении дальнейшего развития страны, разработана и начата реализация отдельной государственной программы «Развитие туризма», продолжена реализация нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Результатом реализации государственной программы в 2022 году стали масштабная поддержка предпринимательских инициатив, в том числе посредством грантового инструментария и льготного кредитования, направленных на создание и реконструкцию номерного фонда, обеспечивающей инфраструктуры, развитие института проектирования регионального туристского кода центра городов, внедрение программ поддержки туристов – реализация программы возврата расходов «туристический кешбэк», снижена стоимость услуг организаций отдыха и оздоровления детей, реализованы программы повышения квалификации для кадров индустрии туризма. Эффективность реализации отраслевого нацпроекта повышена: использован инструментарий бюджетных инвестиций для реализации инвестиционных проектов и мастер-планов развития туристских территорий, продолжена процедура льготного кредитования создания туристской, инженерной и транспортной инфраструктур, реализовывались мероприятия по комплексному развитию спортивно-туристических комплексов, получила масштабную поддержку общественная инициатива создания кемпингов, национальных туристических маршрутов и пляжей. Кроме того, система господдержки отрасли показала высокую адаптивность к новым для России вызовам функционирования отрасли, оказывалась помощь субъектам хозяйствования при функционировании в условиях геополитического и санкционного давления.

В 2023 году работа по реализации госпрограммы и нацпроекта продолжена. Мероприятия госпрограммы дополнены мероприятиями по повышению доступности и популяризации туризма для детей школьного возраста, организации туристических поездок для участников программы молодежного туризма «Больше, чем путешествие», продолжен рост числа сотрудников индустрии.

В 2024 году завершены работы по направлениям нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства», достигнуты показателя по обеспеченности туристской инфраструктурой и кадрами для нее, внедрению системы поддержки предпринимательских инициатив, повышена доступность внутренних поездок граждан, эффективности работы национального туристического портала, созданы условия для экспорта российских туристских услуг.

С 2025 года начал свою реализацию новый национальный проект – «Туризм и гостеприимство», задачи которого дополнены необходимостью увеличения доли поступлений от туристской отрасли в валовой внутренний продукт страны, что выступает индикатором развития отрасли и ее значимости в формировании добавленной стоимости государства. Работа по развитию туристской инфраструктуры и внутреннего турпотока будет продолжена, усилится работа по обеспечению экспорта туристских услуг. В целом, выделение трех главных показателей развития отрасли – объема турпотока, в т. ч. иностранного, увеличения доли туристской отрасли в ВВП, свидетельствует об устойчивости развития отрасли, ее приоритетности, перспективности ее дальнейшего развития.

Результаты мер государственного воздействия на отрасль

Рассмотрим подробнее результаты применяемых мер поддержки и развития отрасли в России, в том числе соотносимо с глобальными тенденциями функционирования индустрии туризма в мире.

Согласно сведениям Всемирной туристской организации [9], по итогам 2024 года число международных туристских прибытий составило 1 465 млн поездок, что лишь на 0,1 % меньше значения аналогичного показателя допандемийного периода 2019 года. При этом доходы от международного туризма по сравнению с 2019 годом выросли на 14,1 % и составили 1 731 млрд долларов

[9] Информационная панель ООН по туризму. Всемирная туристская организация. Текст : электронный // Официальный интернет-портал Всемирной туристской организации. URL: https://www.unwto.org/tourism-data/un-tourism-tourism-dashboard (дата обращения: 11.07.2025).

США. Средняя стоимость 1 международной поездки в 2024 году составила 1 181,57 долларов США. Следует отметить непрерывный рост данных показателей за весь исследуемый период 2019–2024 годов, за исключением показателя стоимости путешествия: в 2021 году средняя цена 1 поездки составила 1420,5 долларов, демонстрируя снижение в 2022 году на 21,3 %, до 1170,6 долларов.

Объем экспорта туристских услуг составил 2 027 млрд долларов, что обеспечило 24 % мирового экспорта услуг и 6 % общего экспорта стран мира. Доля прямого вклада туристских услуг в структуре ВВП стран в 2022 году в среднем составила 2,5 %. При этом наибольшая доля туристских услуг в структуре добавленных стоимостей в 2022 году была в странах Европы – 4,0 %, на 0,3 п. п. уступают страны среднего Востока, 3,2 % – в странах Африки, 2,5 % – в странах Америки и лишь 1,3 % в странах Азии и Океании. Что касается странового рейтинга, наименьшее значение в 2022 году отмечено в Китае, Гонг Конге, 0,4 %, наибольшее приходится на Фиджи – 9,9 %. Что касается России, здесь доля прямого вклада туризма в структуру ВВП страны в 2022 году составила 2,4 %.

Динамика изменений вклада туризма в валовый внутренний продукт Российской Федерации представлена на рисунке 2.

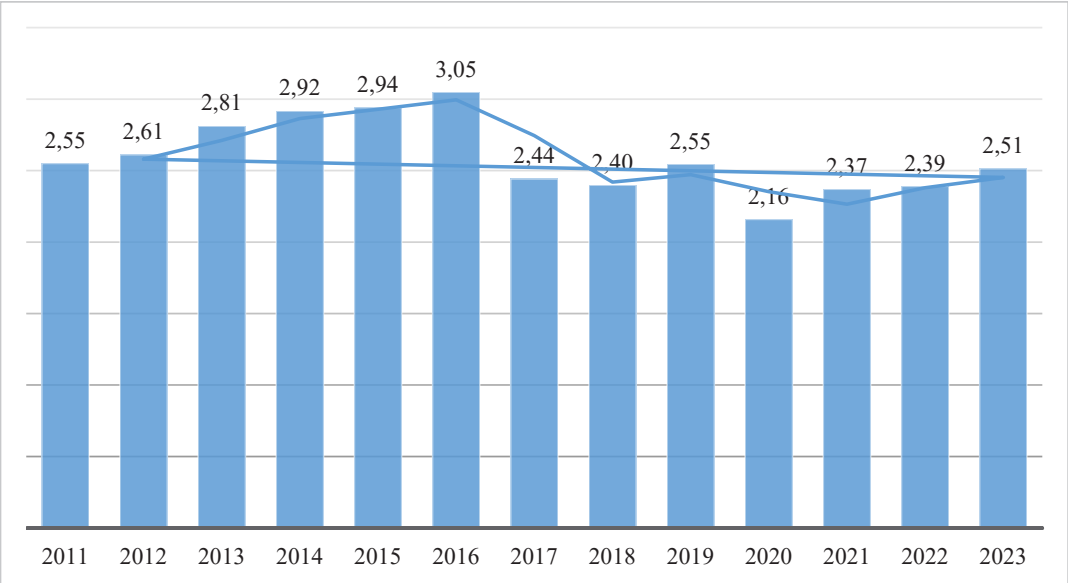

Рисунок 2
Доля прямого вклада туризма в общем ВВП, %

Источник: составлено авторами по данным [10]

Figure 2
Share of direct contribution of tourism in total GDP, %

Source: compiled by the authors based on the data [10]

Как видно из рисунка 2, наибольший вклад туризма в ВВП страны был в 2016 году на фоне нестабильной политической обстановки в странах Европы и ограничениями авиасообщения с Турцией, что как позволило нарастить внутренний турпоток, так и привлекло иностранных туристов. Девальвация рубля также оказала воздействие на покупательскую способность населения, что отразилось на количестве выездных туристских поездок.

Восстановление политических отношений с Турцией, усиление национальной валюты способствовали росту выездного турпотока, что привело к снижению доли туризма в ВВП страны в 2017–2018 годах. Стремительный рост интереса туристов к России, в большинстве из Китая и Германии, привел к увеличению числа туристов и, соответственно, увеличению доли отрасли в общем ВВП.

[10] Прямой вклад туризма в валовой внутренний продукт (ВВП). Всемирная туристская организация. Текст : электронный // Официальный интернет-портал Всемирной туристской организации. URL: https://www.unwto.org/tourism-statistics/tourism-data-macroeconomic-indicators (дата обращения: 11.07.2025).

Очевидное снижение числа поездок в мире в 2020 году отразилось также и на значении исследуемого показателя, однако последующие исследуемые периоды 2021–2023 годов отражают стабильный рост доли присутствия туризма в сумме добавленной стоимости страны вследствие как роста внутреннего турпотока, в том числе за счет расширения предложения, так и повышения интереса и осведомленности о туристических предложениях иностранных граждан.

Исследование экономической значимости отрасли через призму относительного показателя в структуре ВВП страны может быть не точным, поскольку отражает не только эффективность сравниваемой отрасли, но и иных отраслей хозяйствования страны. Для большей объективизации изучаемого явления рассмотрим объем предоставленных услуг сферы туризма в таблице 1.

Таблица 1

Результаты функционирования рынка туризма России в 2015–2024 годах

Table 1

Results of the functioning of the Russian tourism market in 2015–2024

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Абсолютный прирост	Темп прироста, %
Объем платных услуг населению туристских агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги, млрд руб.	4,5	6,8	2,2	2,2	2,2	1,5	2,1	2,7	2,9	4,1	–0,4	–8,8
Объем платных услуг населению гостиниц и аналогичных средств размещения, млрд руб.	5,7	7,7	4,1	4,7	3,1	5,3	12,7	13,1	12,8	16,0	10,2	178,5
Объем платных услуг населению специализированных коллективных средств размещения, млрд руб.	–	–	7,3	9,0	9,5	7,8	16,5	19,4	16,6	22,7	15,4	209,5
Число коллективных средств размещения, тыс. ед.	20,1	20,5	25,3	28,1	28,3	27,3	29,0	29,5	31,5	33,1	13,0	64,6
Число номеров, тыс.	770,0	794,8	884,3	975,6	992,6	977,4	1027,0	1058,7	1117,4	1151,8	381,8	49,6
Число мест, тыс.	1763,0	1848,1	2167,9	2415,3	2495,7	2473,0	2634,4	2760,1	2997,9	3186,0	1423,0	80,7
Число ночевок, млн	212,2	216,8	253,0	274,6	283,2	191,2	275,6	318,5	358,0	383,5	171,3	80,7
Численность размещенных лиц, млн человек	49,3	54,4	61,6	71,5	76,0	47,4	66,5	73,1	83,6	90,1	40,8	82,8

Источник: [11] [12]

Source: [11] [12]

[11] Платные услуги населению в сфере туризма по Российской Федерации (с 2000 г.). Росстат. Текст : электронный // Официальный интернет-портал Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 11.07.2025).

[12] Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации, годы (с 2010 г.) Росстат. Текст : электронный // Официальный интернет-портал Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 11.07.2025).

Как видно из таблицы 1, в течение исследуемого периода наибольшее значение объема платных услуг населению в части работы туристских агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг приходилось также на 2016 год, с постепенным снижением в 2020 году и дальнейшим ростом до 2024 года включительно. В целом, в исследуемом 10-летнем периоде 2015–2024 годов объем платных услуг специализированными организациями снизился на 8,8 %, что свидетельствует о тенденции интереса к самостоятельной организации путешествий туристами. Развитие рынка туристских услуг отражается в увеличении объема предоставляемых услуг гостиницами и аналогичными средствами размещения на 178,5 % в 2015–2024 гг. и специализированными средствами размещения на 209,5 % в 2017–2024 гг. Необходимо отметить, что возрождение интереса к специализированным средствам размещения обусловлено как ростом запроса к оздоровлению, так и значительной государственной поддержкой данного сектора туристского рынка.

Динамика числа коллективных средств размещения была устойчиво положительной, за исключением 2020 года, причиной снижения в котором были ограничения, обусловленные пандемией. Дальнейший рост обеспечен мерами всесторонней государственной поддержки, оказываемой в рамках рассмотренных выше мероприятий, общий рост составил 64,6 %. Аналогичную тенденцию в динамике демонстрирует число номерного фонда, увеличившееся в исследуемом периоде на 49,6 %.

Также положительную тенденцию роста в 2015–2024 гг. отражают показатели числа мест в средствах размещения и числа ночевок, увеличение которых составило 80,7 %. Важным является также рост численности размещенных лиц на 82,8 %, что на 2,1 п. п. больше темпов роста числа мест и ночевок, что свидетельствует также о росте спроса на туристический продукт и повышении доступности туризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о приоритетности развития отрасли в масштабах государственного стратегического планирования, что находит отражение в разработке и реализации отраслевых государственных программ развития, определении результатов и показателей эффективности их реализации. Результатами применения мер государственного воздействия стали увеличение номерного фонда коллективных средств размещения, развитие обеспечивающей туристской инфраструктуры, создание и развитие цифрового туристского портала, регулярно пополняющегося предложения с готовыми туристскими маршрутами, в том числе для самостоятельной организации путешествий, популяризация и развитие детского туризма, создание условий для развития внутреннего туризма и повышения доли граждан, для которых путешествия становятся доступными.

Вклад авторов

Павленко И. Г.: концептуализация, методология, руководство исследованием.

Османова Э. У.: анализ, проведение исследования, создание рукописи и ее редактирование.

Contributions

Pavlenko I. G.: conceptualization, methodology, supervision.

Osmanova E. U.: formal analysis, writing-original draft, writing-review & editing.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Prentice C., Hsiao A. Travel Deterrents to Regional Destinations. *Journal of Retailing and Consumer Services.* 2021;58:102292. https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2020.102292 EDN ILPDEZ
2. Ku E.C.S. Technological Capabilities that Enhance Tourism Supply Chain Agility: Role of E-marketplace Systems. *Asia Pacific Journal of Tourism Research.* 2022;1:86-102. https://doi.org/10.1080/10941665.2021.1998162 EDN JHENGF
3. Chen W. Exploring the Dynamics of Electronic Word-of-Mouth in Chinese Tourism: A Social Network Perspective. *Journal of the Knowledge Economy.* 2024. https://doi.org/10.1007/s13132-024-01780-9 EDN XZOHWM
4. Пьянкова С.Г., Митрофанова И.В., Ергунова О.Т. Индустрия туризма в условиях «новой нормальности»: вызовы и перспективы. *Экономика. Информатика.* 2023;50(2):300-312. https://doi.org/10.52575/2687-0932-2023-50-2-300-312 EDN ZBOBHP

Pyankova S.G., Mitrofanova I.V., Ergunova O.T. Tourism Industry in the New Normal: Challenges and Prospects. *Economics. Information Technologies.* 2023.50(2):300-312. (In Russ.). https://doi.org/10.52575/2687-0932-2023-50-2-300-312 EDN ZBOBHP

5. Морозов М.А., Морозова Н.С. Региональные особенности развития туристской инфраструктуры и их влияние на туризм. *Регионология.* 2021;3(29):588-610. https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610

   Morozov M.A., Morozova N.S. Regional Features of Development of Tourism Infrastructure and Their Impact on Tourism. *Regionology.* 2021;29(3):588-610. (In Russ.). https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.588-610

6. Морозова М.А. Стратегическое планирование развития делового туризма на региональном уровне: проблемы и перспективы. *Экономика и управление: проблемы, решения.* 2024;9(150):208-217. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.09.15.026 EDN CUOPHX

   Morozova M.A. Strategic Planning of Business Tourism Development at the Regional Level: Problems and Prospects. *Economics and Management: Problems, Solutions.* 2024;9(150):208-217. (In Russ.). https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.09.15.026 EDN CUOPHX

7. Ахмеров А.А., Пирогова О.Е. Современное состояние и развитие региональных туристских продуктов в России. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.* 2025;15:129-142. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-129-142

   Akhmerov A.A., Pirogova O.E. Current State and Development of Regional Tourism Products in Russia. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management.* 2025;15(1):129-142. (In Russ.). https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-129-142

8. Токарев И.В., Мельников М.А., Смирнов В.Е. К вопросу об оценке туристского потенциала регионов Российской Федерации. *Успехи современного естествознания.* 2025;1:23-27. https://doi.org/10.17513/use.38366

   Tokarev I.V., Melnikov M.A., Smirnov V.E. On the Assessment of the Tourist Potential of the Regions of the Russian Federation. *Advances in Modern Natural Sciences.* 2025;1:23-27. (In Russ.). https://doi.org/10.17513/use.38366

9. Белая Р.В., Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Морозов А.А. Особенности дифференциации спроса на турпродукты культурного наследия Республики Карелия. *Региональная экономика: теория и практика.* 2022; 10(505):1985-2006. https://doi.org/10.24891/re.20.10.1985 EDN KRUPNX

   Belaya R.V., Morozova T.V., Kozyreva G.B., Morozov A.A. Peculiarities of Forming Demand for Cultural Heritage in the Tourist Market of the Republic of Karelia. *Regional Economics: Theory and Practice.* 2022;10:1985-2006. (In Russ.). https://doi.org/10.24891/re.20.10.1985 EDN KRUPNX

10. Селиванов В.В., Крюкова А.Л. Некоторые проблемы, связанные с подготовкой студентов бакалавриата по специальности туризм. *Проблемы современного педагогического образования.* 2025;87-1:255-257. EDN XSNMUC

    Selivanov V.V., Kryukova A.L. Some Problems Related to the Training of Bachelor's Degree Students in Tourism. *Problems of Modern Pedagogical Education.* 2025;87-1:255-257. (In Russ.). EDN XSNMUC

11. Акимова О.Е., Кожухова М.Т., Айбазова М.С. Развитие туризма в России на современном этапе: вызовы и перспективы. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика».* 2025;1(355):17-27. https://doi.org/10.53598/2410-3683-2025-1-355-17-27

    Akimova O.E., Kozhukhova M.T., Aibazova M.S. Tourism Development in Russia at the Present Stage: Callenges and Prospects. *Bulletin of the Adyghe State University. Series Economics.* 2025;1(355):17-27. (In Russ.). https://doi.org/10.53598/2410-3683-2025-1-355-17-27

12. Никоненко П.Г., Терехов А.М. Анализ состояния туристской отрасли в России и направления ее развития. *Статистика и экономика.* 2022;4(19):57-70. https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-57-70

    Nikonenko P.G., Terekhov A.M. Analysis of the State of the Tourism Industry in Russia and the Direction of its Development. *Statistics and Economics.* 2022;4(19):57-70. (In Russ.). https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-57-70

13. Чхотуа И.З., Мурадов А.А. Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях. *Стратегирование: теория и практика.* 2023;2(3):207-217. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217

    Chkhotua I.Z., Muradov A.A. Tourism Development in Modern Conditions: Global and National Trends. *Strategizing: Theory and Practice.* 2023;3(2):207-217. (In Russ.). https://doi.org/10.21603/ 2782-2435-2023-3-2-207-217

14. Ходаковская О.П. Обзор результатов проведения мониторинга состояния и развития конкурентной среды на региональном рынке туризма. *Известия Субтропического научного центра Российской академии наук.* 2024;4-3:45-53. https://doi.org/10.31360/2949-4591-2024-4-3-45-53 EDN HRZPXA

Khodakovskaya O.P. Overview of the Results of Monitoring the State and Development of the Competitive Environment in the Regional Tourism Market. *Proceedings of the Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2024;4-3:45-53. (In Russ.). https://doi.org/10.31360/2949-4591-2024-4-3-45-53 EDN HRZPXA

15. Суханова О.А., Михайлова В.В., Варызгина А.А., Солдаткин А.Е. Внутренний рынок туризма: что определяет потребительские стратегии? (на примере Нижегородской области). *Теория и практика общественного развития.* 2023;3(181):44-50. https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.6 EDN JJVBRJ

    Sukhanova O.A., Mikhailova V.V., Varyzgina A.A. & Soldatkin A.E. Domestic Tourism Market: What Determines Consumer Strategies? (Case of Nizhny Novgorod Region). *Theory and Practice of Social Development.* 2023;(3):44-50. (In Russ.). https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.6 EDN JJVBRJ

16. Донскова Л.И., Баранников А.Л., Маковецкий М.Ю. Состояние внутреннего туризма в России в современный период: количественный и качественный анализ. *Вестник Академии знаний.* 2022;52(5):127-136.

    Donskova L.I., Barannikov A.L., Makovetsky M.U. The State of Domestic Tourism in Russia in the Modern Period: Guantitative and Gualitative Analysis. *Bulletin of the Academy of Knowledge.* 2022;52(5):127-136. (In Russ.).